

Валерия Олюнина

Моя битва за Армению

Москва
Издательство “Перо”
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
О-56

О-56 Валерия Олюнина. **Моя битва за Армению.** –
М.: Издательство “Перо”, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-00244-296-6

Новая книга русского публициста, писателя, сотрудника Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона им. В. Б. Арцруни Валерии Олюниной – это сборник очерков, посвящённых Армении и Арцаху (Нагорному Карабаху).

Они были написаны в самый сложный, драматический период современной армянской истории. Особый акцент публицист как очевидец “бархатной революции” в Ереване в 2018 году делает на том, как Армения приближалась к новым испытаниям, какими трагическими стали их итоги.

Книги и статьи об армянской культуре Валерии хорошо известны в Армении. Она также поднимает вопросы исторического российско-армянского сотрудничества, его новых аспектов и перспектив.

Автор выражает благодарность за помощь в издании книги Захаряну Георгию Суменовичу и Арзуманяну Артуру Гургеновичу

ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Олюнина В.А., тексты, автопортрет на 1-й странице обложки, 2024

© Джангиров П.С., обложка, оформление, 2024

Компьютерная верстка – Осеян Л.О.

Сдано в набор 12.03.2024.

Подписано в печать 25.03.2024. Заказ № 295.

Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Объем 11 п.л.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «Перо»

г. Москва, ул. Нижегородская, д. 29, к. 33, стр. 27.

СОДЕРЖАНИЕ

Послание армянам из бухты Золотой Рог.....	5
Десятилетие, найденное мной, и потерянное Россией.....	12
Первый приезд в Армению и прятки Арарата.....	22
Дом для Анжелины.....	32
Жерар Депардьё со сломанной ногой летит в Ереван.....	36
В ожидании России и немного с «каротом» по СССР.....	39
Дорога жизни через Варденис.....	46
«Мёд жизни на острие ножа».....	49
Армянские храмы. Азербайджанские топоры.	
Русские ордена за толерантность.....	52
Спасённая душа Шушинского ковра.....	58
Начало моей Русской Армении.	
Где Мзымта впадает в Чёрное море.....	69
Увертюра к Оранжевому Еревану.....	71
Жак Мануэль, бродячий философ.....	93
Начало конца Арцаха. Оранжевый Ереван.....	100
Объяснительная.....	115
Умозрение Михаэла Минасяна.	
«Архитектура» вместо национальной идеи.....	120

Дiaspora – Армения. «Живите в доме и не рухнет дом»	126
Армянский посттравматический синдром	131
Заключение или новое начало?	
Возвращение Араратского человека	136
Арам под номером 900. Переводчик Рэя	146
«Чёрные рыбы. Удинский акафист»	159
Заключение или новое начало?	
Возвращение Араратского человека	171
Об авторе	176

*«...Мы были львами и леопардами, нам на смену придут
шакалы и овцы, но мы по-прежнему будем
считать себя солью земли».*

Лукино Висконти. Фильм «Леопард»

*Сила Армении – в том, что она даёт равномерный
поступательный свет. Об Армении надо говорить
не как об объекте познания, а как о способе мышления.*

*«Армения вне ориентализма.
Что имела в виду Виктория Аракелова?»*

ПОСЛАНИЕ АРМЯНАМ ИЗ БУХТЫ ЗОЛОТОЙ РОГ

Здесь, возле бухты Золотой Рог во Владивостоке, куда я переехала в сентябре 2023 года, я оказалась резко оторванной от Москвы и Подмосковья, где прожила четверть века. И поработала последние четыре года в Институте политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона им. В.Б. Арцруни под руководством ведущего тюрколога ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова Виктора Анатольевича Надеина-Раевского. С ноября 2018 года, после того, как Варткез Багратович Арцруни незадолго до своего ухода пригласил меня на работу в Институт, который сам учредил пятнадцать лет назад. К тому времени я уже почти полгода была безработная, так как в Оранжевом мае 2018 года меня уволили с должности главного редактора портала Армянского музея Москвы. Причиной было то, что я в нерабочие первомайские дни посетила бархатный Ереван. И написала по горячим следам репортаж «Духофф, или сладкая вата армянской революции», который оперативно

вышел в Информационном Центре армян России «Еркрамас» 5 мая. Когда в России мало, кто понимал, что происходит в республике.

В те дни было немало и тех, кто понимал, но говорить о своих опасениях не смог или не захотел. Хотя, казалось бы, хорошо знакомые миру лекала за четыре года до этого сработали в Киеве. Соросовцы на этот раз позаботились о других лозунгах: «Россия и Армения вместе навсегда», «Армения – это не Украина». И в чём-то здесь была правда. Ведь, несмотря на использование технологий из пресловутой методички американского политолога Джина Шарпа, майданы в каждой стране имеют свою специфику. В Армении не могли пройти оголтелая русофобия, фашистская риторика и атрибутика. Армяне в отличие от украинцев, в которых переформатировались малороссы – часть русского этноса, никогда не исповедовали фашистскую идеологию. После катастрофических гуманитарных потерь в результате геноцида в Османской империи 1915-1923 годов (хотя этнические чистки начались уже в конце XIX века) армяне нашли в себе силы встать плечом к плечу с русскими и другими народами СССР и героически воевать, дойдя до руин Рейхстага. Где станцевали победный кочари – кадры эти облетели весь мир.

Если уж откровенно, то геополитические конструкторы ничего принципиально нового не придумывают. Они используют трещины наших ментальностей, пороков и рассверливают их до абсурда. Большая часть российской элиты и так называемого экспертного сообщества весь 2018 год предпочитали откровенно лгать, заявлять о «мирном транзите власти» Сержем Саркисяном Николу Пашиняну. Тем более Серж Азатович сам дал для этого большие основания, заявив, что Никол прав. Причиной того, что Россия не отразила адекватно новый удар, была не политическая слепота и даже не многовекторность и пресловутая равноудалённость. Их-то как раз не было. Россия шла по турецко-бакинскому сценарию, в угоду Баку и натовской Анкаре, обрушившая российско-армянские связи и ослабляя своё влияние в Закавказье. Потеря армянами и русскими Арцаха – это закономерный итог этой подлой, соглашательской политики. Но к этим событиям я ещё вернусь позже.

Сейчас я оказалась далеко и от Армении, без которой не представляю свою жизнь с мая 2010 года. Тогда я впервые оказалась в республике как корреспондент армянской газеты России «Ноев Ковчег».

От Владивостока до Москвы больше 9 тысяч километров. А до Еревана – 10 236. И если дорога до столицы России видится мне прямой, как стрела, летящей с её восточного предела в первопрестольную, то дорога в город розового туфа уже с евразийскими изгибами, проходящей через пустыни и горы Монголии, например, и Казахстана. Или Китай, Индию и сразу на Иран, а там рукой подать до Армении. Так, стоп, всё это только фантазии. На самом деле, простой и дешёвый путь из Владивостока в Ереван лежит опять же через Москву. И из-за войны, которая пришла в наш дом 24 февраля 2022 года, мы облетаем опасные локации через Казахстан, и полёт длится уже четыре часа, вдвое длиннее, чем раньше.

Неожиданно для себя я решила, что во Владивостоке, продолжая работать на удалении в должности ведущего научного сотрудника института, я располагаю достаточным временем, чтобы описать и проанализировать свой опыт работы на поприще армяно-российских отношений. А они переживают сегодня глубочайший кризис, свалившись на нижнюю отметку, практически сведённые к «нулевому циклу». В считанные годы Россия умудрилась оттолкнуть от себя один из самых преданных народов – армян, посеять в их обществе сомнение, обиду, горечь и лишь изредка – ненависть.

Во Владивостоке я поселилась рядом с Владивостокским государственным университетом, в его Академическом колледже начала учиться моя дочь. В зелёном сквере кампуса, выходящего на улицу Гоголя, я увидела прекрасный памятник Мандельштаму, который скончался здесь на пересылке. И в этом образе я снова увидела российско-армянскую нерасторжимую связь. Ведь Осип Эмильевич создал большое число очерков и эссе, посвящённых Армении. И стал автором стихотворения «Фаэтонщик», которое опубликовал в июне 1931 года, посвятив его жертвам армянских погромов в Шуши. А он был когда-то одним из цветущих имперских центров на Кавказе вместе с Александрополем и Тифлисом.

Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мёртвых окон
Там видны со всех сторон
И труда бездушный кокон
На горах похоронён.
И бесстыдно розовеют
Обнажённые дома,
А над ними неба мреет
Тёмно-синяя чума.

В десяти минутах от района писательских улиц, где я живу, оказался и армянский храм, расположенный на месте молитвенного дома. Он был заложен ещё в 1906 году одним богатым армянским купцом. После революции владелец эмигрировал в какую-то экзотическую страну. А на месте почти разрушенного здания храм начал восстанавливаться в 1990-е годы. И сейчас самым намоленным его фрагментом является небольшая кладка более светлого цвета. Здесь меня тепло, как родного человека, приняли глава общины Артур Аведян, настоятель церкви Сурб Геворг отец Артак Султанян, который прибыл во Владивосток за четыре месяца до меня, а также добрый дух этого места – староста Мелик Буюклян. А пришла сюда с номерами газеты «Ноев Ковчег» и сказала, что я буду её корреспондентом во Владивостоке.

Так, оторванная от Армении и Арцаха, я, к своему удивлению, всюду находила приметы армянства. Не вновь прибывшего в эти места после развала СССР, а вот именно что связанного с Российской империей и СССР.

Во Владивостоке я была до этого только один раз, когда мой отец, политработник, полковник авиации Олюнин Анатолий Сергеевич в 1992 году повез свою семью на Японское море. Конечно, спустя тридцать лет я переехала сюда как в terra incognita, начала познавать Владивосток с чистого листа. Впрочем, как русский человек я могла бы почувствовать себя уверенной и

наполненной в любом городе своей страны. Но тот, кто вкусил однажды армянского граната и особенно орехового варенья, так любимого армянской интеллигенцией, и видел с крыш переулка Николая Яковлевича Марра в Ереване или из окон села Карби вершины священного Арарата, знает: даже великой и непостижимой русскости теперь ему будет мало. И даже её домонгольских сакральных и духоподъёмных мест. Армения, как удивительная воронка, всё время расширяется в русском человеке, если он воспринимает её как часть единого духовного пространства Восточной христианской цивилизации.

...В первый же день, спустившись на главную улицу Владивостока, названную в честь прибытия в город великого князя Алексея Александровича на фрегате «Светлана», я увидела великолепное здание в стиле классицизма Военно-исторического музея Тихоокеанского флота (ТОФ). Я сошла вниз по лестнице и очутилась на большом подворье, где под сенью могучих деревьев располагался парк военной техники времён Великой Отечественной войны, русско-турецкой, русско-японской. С высоты Светланской, как с террасы, можно смотреть как будто в историческую глубину этого места, встав у памятника героям русско-японской войны. Скорбное, мужественное лицо Родины-матери, держащей в руке обнажённый меч, воткнутый в землю. Поражение, принесшее унижение русскому флоту, не означало, что меч этот выпущен из рук.

Я зашла в музей и поинтересовалась у научного сотрудника, нет ли среди здешних экспонатов упоминаний о героях флота армянского происхождения. Сотрудник, улыбнувшись, ответил, что я, пожалуй, не в том месте ищю армянские следы. Но я не сдавалась, помня о том, что уроженцем Армении был адмирал флота Иван Исаков, самым выдающимся российским маринистом – Иван Айвазовский, а первой в мире женщиной океанографом, «Магелланом в юбке» стала французенка армянского происхождения Анита Карагошян-Конти.

Долго ходила по замечательной экспозиции музея, удивляясь тому, что именно здесь хранится последний морской флаг Российской империи и оригинальные знамена Великой Отечественной войны, экспонаты, относящиеся к истории

русско-японской войны 1904-1905 гг. И наконец-то обнаружила фотографию моряка, очень похожего на армянина. Так и вышло: это был старший лейтенант Р.А. Аюпджанян, до 1935 года служивший старшим группы мотористов на подводной лодке. Вновь был призван на флот в 1941 году, пройдя боевой путь от Сталинграда до Берлина.

Рядом же я увидела и фотографию трюмного машиниста Арама Амбарьяна с легендарной подводной лодки «С-56». Она в годы Великой Отечественной войны стала самой результативной. Арам Амбарьян плавал на «ПЛ С-56» в то время, когда в состав Северного флота влился ряд боевых кораблей ТОФ. В 1942 году переход Северным Морским путём из Владивостока в Полярное в составе Экспедиции Особого назначения совершили лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъярённый». Оказалось, что именно эта лодка и стоит теперь на Корабельной набережной в центре мемориала «Слава Тихоокеанского флота». Я видела, когда накануне изучала город, праздновавший День тигра, и местные мальчишки могли запросто карабкаться на самый её верх. А ведь на неё было сброшено свыше 3 тысяч глубинных бомб, враги много раз рапортовали, что уничтожили её и получали награды, а «С-56» жива до сих пор, хоть в наши дни – как музей!

Здесь в бухте Золотой Рог стоят исторические суда, построенные более ста лет назад и принимавшие участие в великих морских сражениях и Октябрьской революции. И тот, кто каждое утро, прежде построившись на расчёт, уходит в море. Рядом Русское географическое общество, храм св. Андрея Первозванного, бюст адмирала флота Советского Союза Николая Кузнецова, барельеф, посвящённый подвигам тихоокеанцев, мемориальные доски и на одной из них выгравирован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Тихоокеанского флота Орденом Красного Знамени за подписью Председателя Верховного Совета Анастаса Микояна от 7 мая 1965 года. В один из дней я и сама взойшла на «С-56» и в первом же отсеке нашла список личного состава, подписанный капитан-лейтенантом Григорием Щедриным, где был, конечно, упомянут Арам Борисович Амбарьян. Рядом представлена фотография

экипажа Гвардейской Краснознаменной ПЛ «С-56», сделанная в победном 1945 году. К сожалению, она низкого качества, но Арама Амбарьяна я нашла быстро благодаря его выразительной характерной внешности. Есть фотография экипажа подводной лодки на параде Победы в Полярном, он прошёл 15 мая 1945 года. Под стеклом среди прочих личных документов есть удостоверение трюмного машиниста Амбарьяна.

Гвардейский экипаж ПЛ С-56 встречался спустя тридцать лет. На одной из фотографий Арам Борисович здесь стоит рядом со своим командиром. В том 1982 году они побывали во Владивостоке на мемориальном комплексе «Слава Тихоокеанского флота» и на борту родной лодки.

Чем больше я ходила по Владивостоку, тем больше удивлялась его армянским следам. В городе был хорошо известен скульптор Эдуард Барсегов. Именно он стал автором памятника Александру Сергеевичу Пушкину. Находится он на улице Пушкина рядом с театром его же имени. Этот образ поэта – не канонический. Александр Сергеевич закрывает книгу своей жизни и готовится к дуэли на Чёрной речке, откуда он вернётся смертельно раненный. А на его фасаде – мемориальная табличка в память о революционере, советском дипломате Льве Карахане (Левоне Караханяне), который, по некоторым сведениям, в 1920-е годы руководил здесь кружком социалистов. Известен был тем, что был среди делегатов на переговорах в Брест-Литовске и в 1918 году подписал Брестский мир. А с 1922 года по 1923 был заведующим Восточным отделом НКВД.

В ноябре Тер-Артак и Мелик Буюклян пригласили меня на Лесное кладбище Владивостока, где был торжественно открыт мемориал памяти одного из лучших снайперов Тихоокеанского флота Давида Оганяна, в чью честь учреждён турнир по пулевой стрельбе в гуманитарно-техническом колледже имени Героя Советского Союза Дмитрия Карбышева. Его и закончил Давид перед тем, как стать матросом-снайпером и героически погибнуть в 2022 году под Павловкой.

Так я поняла, что и здесь за тысячи километров я могу работать на поприще российско-армянских отношений, писать статьи, держать руку на пульсе.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ, НАЙДЕННОЕ МНОЙ, И ПОТЕРЯННОЕ РОССИЕЙ

Но прошло всего три недели и всего несколько дней, с той даты как в армянской общине Владивостока отметили День армянской культуры, 20 сентября, в мой день рождения (в этот же день родился выдающийся армянский пастырь католикос Вазген I), произошла трагедия. Ещё одна фаза Геноцида армян, который начался в конце XIX века в Османской империи, и вот теперь снова продолжался на глазах всего мира. Армянский Арцах пал...

Пала Армянская Троя, больше тридцати лет боровшаяся за свою независимость. Весть эта причинила большую боль и страдания не только армянам всего мира, но и тем, кто понимал ценность древней армянской земли и сущность этой экзистенциальной борьбы, которая, конечно же, не сводилась к национальному конфликту. Ибо речь шла не только об изгнании армян, но и о приходе в Закавказье настоящего фашизма с уничтожением мирного населения самыми варварскими методами, разрушением христианского наследия и в целом превращения большей части Закавказья в «серую зону». Эти процессы уже проходили в Нахиджеване, откуда в 1990-х годах азербайджанцы под руководством пришедших к власти шовинистов изгнали армян, разрушив древние святыни, в том числе и Матенадаран Нахиджевана – хранилище древних рукописей. Было уничтожено и средневековое кладбище армянских хачкаров при полном равнодушии ЮНЕСКО. Режимом Алиева был также стёрт с лица земли средневековый город Агулис.

Понимали сущность происходящего в разных странах, на разных геополитических полюсах – в России, Сербии, Греции,

Китае, Иране, Франции, США, Сирии, Ливане... Но было много и тех, кто поддавшись мантрам азерпропа о «восстановлении целостности Азербайджана», а больше углеводородным манатам, любили поговорить о том, что Азербайджан «расцветает», а армяне «сами виноваты в том, что ушли на Запад». И чуть ли не стали причиной разрушения СССР. Хотя известно, что команда, пришедшая сопровождать окружение Михаила Горбачева, подобранная «архитектором перестройки» Александром Яковлевым, получила свой генезис ещё в оттепельных 1960-х годах, пройдя идеологическую антисоветскую прокачку в Праге в журнале «Проблема мира и социализма».

Хорош «расцвет», когда в Закавказье приходят джихадисты, сирийские туркоманы, которые одинаково ненавидят как русских, армян, так и самих азербайджанцев-шиитов. Да и сам светский Азербайджан. Их ориентир – только турок. Хороша «независимость», когда из армии Азербайджана накануне изгоняются все офицеры, которые обучались в СССР и в России, её Генштабом управляют турецкие офицеры, что было хорошо видно по событиям в Арцахе в 2020 году.

В риторике тех, кто обвинял армян во всех смертных грехах, но считал Алиева «надёжным и выверенным партнёром», логики не было. Так как старший брат Азербайджана Турция – это один из главных участников НАТО, а ресурсы Алиева активно используются на этом самом Западе, с которым так борются квасные патриоты России, делая вид или действительно не зная того, что турки всегда были союзниками Запада, его бешеными псами.

Поставляет Азербайджан нефть сионистскому режиму Израиля и вооружает Украину. Но для россиян, живущих в телевидении, пропаганда Азербайджана, да и самой России, продолжала демонизировать Армению и воспевать Азербайджан, забывая, что в самом законодательном акте Республики Азербайджан прописаны русофобские статьи об «оккупации» и что в самом Баку митинги против Ирана, Армении и России стали традицией.

Кстати, режим Алиева – это пример того, как агония явно затянувшегося постмодернизма (лидер «Гражданской обороны»

Егор Летов пел про победу пластмассового мира) накладывается на зыбкие основы квазигосударства и карго-культ. Правда, последний культ в Азербайджане не для всех. Огромное количество азербайджанцев живёт за чертой бедности, известно и о большой детской смертности из-за недостаточных средств на прививки. Алиев-старший хорошо понимал, на каких китах основан Азербайджан: на фальсификации истории, разрушении авохтонных культур и уничтожении древних этносов. И тонко, по-восточному управлял, к закату СССР являясь слугой двух господ – британской разведки и КГБ.

На кнопку погромов в Сумгаите нажал Гейдар. Обстоятельство это явилось триггером для отъезда из Азербайджана многих правильных азербайджанцев, которые ужаснулись, с какой быстротой их соплеменники превратились в озверевших погромщиков армян и русских. Ведь были захвачены не только армянские, но и русские квартиры, т.е. жилище тех, кому был чужд путь нового Азербайджана под управлением турок и британцев.

Алиев-младший – это вам не Александр III, и не тонкий интеллектual, врач-офтальмолог Башар Асад, которых не готовили во власть. Но они после смерти своих братьев волею судеб оказались там и выдержали «чёрную метку» Запада (образ принадлежит историку Андрею Фурсову). Наглый, разнужданный стиль поведения Ильхама Алиева, перманентная ложь и хайп, составляющие псевдохаризму закавказского мачо был, видимо, приобретён ещё в бурной молодости, которую будущий руководитель Азербайджана провёл в заграничных казино. Сам Гейдар вряд ли сегодня был бы доволен тем, как зазвучала его фамилия. Что-что, а лицо он делать умел. Старший Алиев до конца жизни держал форму, стиль, а в гламуре и развязности, в отличие от отпрыска, его точно нельзя было упрекнуть. Очень показательно, что сам Ильхам очень открыто косплеит Гитлера, то организуя на захваченных территориях футбольный матч, то сажая дерево. В эти дни он открыто встречается с Владимиром Зеленским и выражает открытую поддержку киевскому режиму в борьбе за «территориальную целостность». Также Алиев

считает, что Украина, как и Азербайджан, «страдали от русской оккупации».

Но, похоже, его путь от потребителя веществ и вращателя рулетки через участие в строительстве фашистского государства, своего рода аналога Укро-Рейха в Закавказье, подходит к своему концу. Мечты об уютной старости в кругу семьи, о поправке здоровья на сионистских курортах скоро найдут своё детерминированное воплощение. Учитывая, что Израиль проигрывает войну с палестинцами, ну, или, выигрывая не с теми результатами, как ему хотелось. Алиев панически боится собственного народа. Особенно это стало заметно 7 февраля 2024 года на его выборах на пост главы государства, которые он провёл вдали от бакинского электората – в оккупированном, опустошённом Степанакерте.

...А в сентябре 2023 года мы снова в режиме онлайн видели тянущиеся вереницы армянских беженцев, похожих на своих братьев из Вана, Муша, Сасуна, Адааны,двигающихся кто к своей смерти, а кто к спасению через сирийскую пустыню Дер-Зор. В этот раз армяне по Лачинскому коридору, соединяющему Арцах с материнской Арменией, шли в Ереван. Дорого армянам, лезгинам, талышам, удидам да и многим другим народам, достаётся ослабление русской имперской хватки, чётко прописанных красных линий, отсутствие сапога русского солдата, о котором писал в романе «Раны Армении» классик армянской литературы Хачатур Абовян.

20 сентября 2023 года в азербайджанских СМИ и телеграм-каналах пропагандисты массово призывали убивать армянских детей, искать их по лесам, беспомощных, напуганных, потерявших своих матерей, которых шакалята Алиева призывали насиловать и подвергать унижению.

Под конец этого исхода произошёл взрыв склада горючего. И снова, как в Сумгаите, сработал британский сценарий. Так как азеро-туркам ближе хорошо опробированная веками резня. Хотя и они не откажутся применять по мирному населению запрещённый «град» или фосфорные бомбы. Сотни армян Арцаха, и без того испытывающие тяжелейший стресс, были

обожжены или сгорели заживо. Многие попали на реабилитацию в ожоговые центры Еревана. О том, что приходилось там пройти людям, только что лишившимся своей Родины, домов, садов, посаженных отцами и дедами, своих древних храмов, я узнала от своего друга, переводчика Арама Оганяна, который проработал там две недели не только по своей специальности, но и помогал медицинскому персоналу при перевязках. Арам также был свидетелем Карабахской войны 1990-х, войны 2020 года.

Несколько месяцев назад он был в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце на Межпарламентской ассамблее СНГ, где сделал доклад по медицинскому переводу. В него легли слишком живые и больные детали его работы. В разговоре со мной он вспоминает:

«Сначала в Ереван прибыли израильские врачи, в связи с событиями с ХАМАСом они улетели на родину. После них приехала медицинская самаритянская организация из США. И свою работу они всегда начинали с утренней молитвы, в том числе и за здоровье своих пациентов. Когда американцы только прилетели, выяснилось, что переводить для них некому. Бросили клич, потому что нужны были переводчики в несколько медицинских центров для работы по нескольким направлениям. В основном нужно было помогать при перевязках больных, которые лежали либо в палатах, либо в реанимации. Перевязка – это практически малая хирургия, она часто производится под анестезией. Хотя больной много чего слышит и чувствует страшную боль. Но без обезболивания было бы ещё хуже. Анестезия действовала на всех людей по-разному. Один человек пел песню Майкла Джексона, другой читал Отче наш.

Перевязка могла длиться час или больше. У людей были сильные ожоги: обожжены руки, ноги, спины, лица, и пока снимали старые повязки и соскабливали кожу, накладывали новую повязку, проходило немало времени. Нам приходилось помогать врачам, медсёстрам, анестезиологам. Французских врачей я тоже видел, это были физиотерапевты. Они помогали своим

армянским коллегам, и мы работали в связке. Иногда совпадали армянские, французские, американские врачи и переводчики. Также вместе мы обходили все палаты для того, чтобы давать людям задания, чтобы они знали, как двигаться, какие упражнения выполнять, давали советы родственникам. Нужно это было, чтобы восстановление шло правильно и конечности не скрючивались во время заживления. Все мы работали и в выходные. Поначалу действовало два реанимационных блока. В какой-то момент врачам и переводчикам удалось освободить один блок, больных выписали, и мы даже отметили это как победу».

Казалось, страданиям армян и тех, кто поддерживал их, не будет конца. Но надо было жить дальше, не смирившись с потерей этого форпоста христианской цивилизации и Русского мира в Закавказье, мужественно смотреть вперед, искать новые смыслы. Арцах вошёл в Русский мир в 1805 году по Кюрекчайскому договору и был закреплён в Гюлистане в 1813 году по окончании очередной русско-персидской войны. Владыка Паргев (Мартirosян), архиепископ Арцаха, в 1990-е к кресту приравнявший оружие, в июне 2010 года говорил нам, российским журналистам, что ожидает большой конференции, посвящённой 200-летию Гюлистанского договора. Но Гюлистан-200 был бездарнейшим образом слит Россией в угоду турко-азербайджанским интересам. Никакого большого разговора между русскими, иранцами, дагестанцами, грузинами, армянами, абхазами, азербайджанцами не получилось.

Алиев про Гюлистан как базовый документ российско-арцахских отношений всегда помнил, и поэтому 20 сентября 1994 года подписал свой аналог – Гюлистанский контракт во дворце «Гюлистан» в Баку между 13 крупными компаниями, специализирующимися на добыче нефти, представляющими 8 государств мира. Получил он второе название «Контракт века». А 20 сентября 2023 года он фактически уничтожил Гюлистанский договор, подписанный Российской империей и Персией.

Слив Гюлистана-200 вносил смуту и недоверие не только между русскими и армянами Арцаха, но и между многими

кавказскими народами по самой оси Россия-Кавказ-Закавказье. То, что уже в 2018 году в российском обществе в очередной раз демонстрировалось деление по линии «кавказец-русский» означало, что в недалёкой исторической перспективе отношения в республиках Кавказа к русским могут ухудшаться. Когда в спортивных состязаниях побеждали борцы с Кавказа, русские люди, как и все россияне, должны были гордиться этим. Но ситуация с Хабибом Нурмагомедовым, этническим аварцем, победившим ирландца Конора Макгрегора, обозначила серьёзный деструктивный маркер.

По большому счёту, русским и дагестанцам без армян на конструктивный диалог выйти вряд ли получится. Именно армяне стали важными проводниками между русскими и горцами. Если бы у русских не было на службе армян, Кавказские войны проходили ещё более кровопролитно. Именно армяне, хорошо знавшие языки местных народов, их ментальность, могли приблизить русских к пониманию того, что же такое Кавказ. Именно армянину Михаилу Тариэловичу Лорис-Меликову, тогда молодому адъютанту Наместника графа Михаила Семёновича Воронцова, предпочёл дать показания легендарный наиб Шамиля Хаджи-Мурат.

Да и сам Шамиль, несколько позже, после Гуниба сдался армянину полковнику Ивану Лазареву 25 августа 1859 года. Это было для него не так унизительно. Хотя в историю по праву, конечно, вошёл князь Александр Иванович Барятинский, в 1856-1857 годах командующий Отдельным Кавказским корпусом, затем в 1857-1862 годах главнокомандующий Кавказской армией, Наместник на Кавказе. Но не стоит забывать и тех, кто стоял в этом процессе между ними.

Конечно, эти исторические и глубокие взаимосвязи лучше всего рассматривать в контексте Гюлистанского договора 1813 года, который завершил русско-персидскую войну 1804-1813 годов. И к Российской империи были присоединены Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия, Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Тальшинское ханства.

Армянские политологи и журналисты расценивали как крайне тревожный знак арест по запросу руководства Азербайджана лидера общины талышей России, публициста, общественного деятеля Фахраддина Абосзоды. Он был убит в азербайджанских фашистских застенках в день подписания трёхсторонних Шушинских протоколов.

Таким же отрицательным фактором послужило и игнорирование 200-летия Гюлистанского договора в 2013 году. Россия не смогла проработать эти исторические итоги, не пригласив к диалогу армян Хайастана и Арцаха (Нагорного Карабаха), аварцев, лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, иранцев, талышей, удин и представителей других национальностей. Некоторые армяне это хорошо понимали и поддерживали эти народы. А ведь в 1990-е годы некоторые дагестанские народы создавали щиты для поддержки армян, немало рискуя.

На портале «Восканапат» всегда работала рубрика «Трибуна автохтонных народов». Вести её нужно было систематически, но аккуратно, чтобы не навредить представителям этих народов, которым турко-азербайджанский тандем готовил планомерное уничтожение.

Кажется удивительным, что 25 октября 1993 в Колонном зале Москвы состоялся вечер, посвящённый 180-летию Гюлистанского договора. При распаде СССР это ещё считалось важным: в то время, когда в одном из старинных особняков государственного значения проходило это мероприятие (где когда-то проходило прощание с анархистом Петром Кропоткиным, с Лениным, Сталиным и другими руководителями), в Нагорном Карабахе вновь обострились бои. Как писали участники этого вечера, он прошёл с большой помпой. Организатором мероприятия была «Всемирная Армянская Ассамблея» Сержа Джилавяна. Если мы наберём в поисковике «200-летие Гюлистанского договора», то увидим ссылку на проазербайджанского «историка-медиевиста», «военного эксперта» Олега Кузнецова, обычного фальсификатора истории в угоду бакинским хозяевам, от которого они два года назад предпочли избавиться. В числе его инструментов было не только максимальное нанесение репутационных издержек армянам. Он не гнушался осквернять память героев Великой

Отечественной войны, сочиняя омерзительные пасквилы как, например, про 89-ю стрелковую Таманскую дивизию. Было удивительно, что ещё несколько лет назад, до начала СВО, российское государство не давало таким деяниям правовую оценку. Да и дискредитация армянской общины России должна была расцениваться как разжигание ненависти на национальной почве.

К счастью, Алиеву не на всё удавалось наложить свою лапу. И 200-летию Гюлистана были посвящены труды дагестанских учёных, так как согласно договору, Персия признавала переход среди других государственных образований и Дагестана. Дагестанский историк Магомед Гасанов в 2013 году в научном журнале «Российская история» издал статью «К вопросу о присоединении Дагестана к России: к 200-летию Дагестанского договора». Он признаёт, что в среде дагестанских историков нет на эти события однозначного ответа. «Взаимоотношения народов Кавказа и России проходили через разные периоды. Была тяга к единству, но были также конфликты и непонимание».

Но почему Россия и Армения с Арцахом (Нагорным Карабахом) торжественно не отметила это событие – даже не массовым выпеканием жянголов-хаца в Москве, а международными конференциями, круглыми столами с участием иранских, грузинских коллег? Так, как это было сделано в Махачкале, где 24 сентября 2013 года в Дагестанском научном центре Российской академии наук прошла научная конференция. В числе её участников, проходящей под названием «Гюлистанский мирный договор 1813 года: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа», был и президент Дагестана Рамазан Абдулатипов. В своём приветственном слове Рамазан Гаджимурадович отметил, к этому событию нужно было готовиться за несколько лет.

По словам Абдулатипова, Гюлистанский договор – это не результат войны России с дагестанцами, а следствие войны с Персией. Кажется, такой позицией Дагестана нужно дорожить, тем более что армянские святыни в этой республике находятся в прекрасном состоянии. Кстати, армянское кладбище Дербента – одно из самых ухоженных в мире. Большие научно-

культурные связи с дагестанскими коллегами поддерживает старший научный сотрудник отдела изучения средневековых первоисточников Матенадарана (Ереван) Айк Акобян.

Нужно понять, что именно те люди среди армян, русских, аварцев, лезгин, кумыков и многих других этносов, которые составляют плоть, держащуюся на костях государственных структур, меценатства, должны были двигаться навстречу друг другу. Тем более приближалась Большая война. Но тогда наши народы виделись «водой», которую идеологические и политические шлюзы спускают тогда, когда нужно их расценивать как ресурсы. Этой «водой» оказался и Хабиб Нурмагомедов, защитивший честь своего отца, своего рода, своей Аварии и своего Дагестана. В то время как многие русские болели за его партнёра и обидчика. Нет ни капли сомнения, что Макгрегор унижал честь и достоинство Хабиба как мусульманина, и как россиянина тоже.

Кстати, один из предков Хабиба был спасён и вскормлен армянкой. Эту историю рассказал востоковеду, иранисту Виктории Аракеловой Тимур Айтберов. Оказывается, в 1871 году в Дагестане вспыхнуло восстание против царских порядков, центром которого стало аварское высокогорное село Сильди – родина Нурмагомедовых. Восстание было подавлено после ожесточённого сопротивления, и сильдинские мужчины были высланы в центральные регионы России. Арабографический текст об этом Тимур Айтберов обнаружил и опубликовал пятнадцать лет назад. В числе высланных был и предок Хабиба с малолетним мальчиком. Так получилось, что он остался один, и его приютила армянка. Она вырастила его, а затем рассказала юноше, кто он и откуда. Он вернулся в Дагестан и нашёл своего деда.

Учёный-лингвист с мировым именем Тимур Магомедович Айтберов считал, что Россия, Армения должны актуализовать свои политические и культурные связи с Дагестаном, так как там много людей удерживают российскую государственность. И это, как правило, аварцы – один из самых пассионарных народов этого региона.

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В АРМЕНИЮ И ПРЯТКИ АРАРАТА

За эти годы я посетила эту Армению двадцать четыре раза, шесть — с заездом в Арцах (Нагорный Карабах). И в нулевые годы русских лиц в Армении было до обидного мало. Массовый наплыв уже начался в феврале 2022 года, когда в Ереван поехали релоканты спасать свой бизнес, попавший под западные санкции. Вместе с ними въехало огромное число предателей России, откровенных врагов, в рамках проекта Михаила Ходорковского «Ковчег» (второй его филиал прописался в Стамбуле) посланных наносить репутационные издержки России. Среди «шатателей» были и эзотерики-деконструкторы, прибывшие разрушать Армению по сценарию, знакомому нам по перестроечным годам. Все эти годы они не интересовались жизнью в Армении, а тут въехали массово и стали «работать». Среди них оказался и мутный театральный экспериментатор «мудрец» Петр Немой, который ещё в перестройку ломал традиции советского и русского классического театра своим потоком сознания и девальвацией смыслов. При катастрофической деградации искусства и науки в самой России, да и почти во всём мире, Армения, лишившись большого числа педагогов, врачей, актёров, писателей, столкнулась с маргинальными экспериментаторами и из числа молодых армянских русскоязычных репатриантов. В Ереване в каких-то творческих «лабораториях» они пытались ставить пьесы с обесцененной лексикой, расшатывая и без того дрейфующий культурный код своего народа.

Первый раз в Армению я прилетела 1 мая 2010 года. Это был дождливый, пасмурный день, и в аэропорту меня встретил Рубен, родной брат главного редактора газеты «Ноев Ковчег» Григория Юрьевича Анисоняна. Он был представителем газеты

в Армении. Несколько лет назад Рубен ушёл из жизни после продолжительной болезни.

Я убедила главного редактора, что должна лететь. Чтобы сделать, во-первых, материал о выставке одной из видных представительниц художественного Тифлиса, в таланте и судьбе которой угадывалась парность к самому Сергею Параджанову. А во-вторых, поскольку в Ереване в эти дни будет большое представительство интеллигенции из Грузии, и среди них даже лица параджановской плеяды, то у меня появится шанс сделать с кем-то из них интервью. Григорий Анисонян как истинный выходец из армянской общины Тбилиси, не мог не согласиться с моими доводами, купив мне билет.

Я с теплом вспоминаю эти дни, когда прилетела в Ереван на выставку работ Гаянэ Хачатурян, которую делал в Национальной картинной галерее Армении мой друг, предприниматель, меценат, руководитель международного Фонда Гаянэ Хачатурян Валерий Барухович Ханукаев. Валерий с ранней юности любил и ценил армянское искусство, а дорогу к нему ему открыл его учитель, дербентский армянин.

Итак, я прилетела на четыре дня в дождливый Ереван, и из аэропорта мы с Рубеном поехали на его белой «Ниве» в центр и первым местом, куда он меня привез – был Храм Св. Григора Лусаворича (Просветителя). Туда мы ехали по проспекту Месропа Маштоца, и навстречу нам с зонтами и транспарантами шла маленькая колонна демонстрантов, ведомая армянскими коммунистами.

Потом мы посидели в кафе на «Поплавке», известном всем любителям джаза. Оттуда рванули в музей Параджанова, где, как я представляла, должна быть встреча великолепных тифлисских армян. Когда мы приехали в знаменитый дом, нас встретила тишина. И только тихое постукивание молотка выдавало присутствие в доме человека.

Навстречу нам вышел немногословный, чуть ссутулившийся хозяин с пронизательными голубыми глазами. Он сначала не узнал Рубена, погружённый в какие-то свои мысли, но когда тот представился, закивал головой.

Сам Завен Саргсян, а перед нами стоял именно он, директор и основатель Дома Параджанова, причастный к переезду Сергея

Иосифовича в Ереван в последний период его жизни. Завен, как я узнала позже, был сам неординарной личностью, он великолепно фотографировал армянский пейзаж, архитектуру, портреты. Через год имя Завена Саргсяна будут упоминать все армянские СМИ в контексте его фотовыставки в ЮНЕСКО, где накануне открытия исчезли карты, фиксирующие местоположение старинных монументов, и надписи, поясняющие расположение храмов и хачкаров.

Всё было сделано по прямому указанию азерпропа, который управлял директором этой некогда уважаемой организации, на тот момент представителем Болгарии Ириной Боковой. Но этот случай запрета атрибуции был незначительным штрихом по сравнению с тем, как при закрытых глазах ЮНЕСКО, азербайджанцы кирками и мотыгами уничтожили в пыль целое кладбище средневековых армянских хачкаров в нахиджеванской Джульфе. 3000 хачкаров снесены бульдозерами, а сакральное христианское место превратилось в лунный пейзаж, потом и в полигон. А теперь ЮНЕСКО делало контрольный выстрел по фотографиям Завена. Снова вынуждена повторить, что сам феномен так называемого азербайджанского чудесного «ренессанса» имел в своей основе разрушение и полное уничтожение автохтонных древних культур, фальсификация истории армян, удин, лезгин, аварцев, тальшпей и других народов Кавказа.

А 1 мая 2010 года Завен Саргсян собирал работы, чтобы на следующий день отправиться в Тбилиси представить выставку «Архитектура Армении». За рубеж и в Россию он тоже выезжал нередко: в Казань, Уфу, Тамбов... Домой увозил фотографии Свяжска, Раифского монастыря. Кстати говоря, хотя мы и пересекались ещё то в Ереване, то в Москве, но увидела я удивительно тонкие, метафизические пейзажи в картинной галерее Степанакерта, которая находилась рядом с рестораном «Россия».

А тогда Рубен Юрьевич объяснил ему, что я приехала на дни Гаянэ Хачатурян и хотела бы познакомиться с её друзьями. Но, к сожалению, я перепутала дату открытия, и вечер прошёл накануне вечером, а тифлисцы уже уехали домой.

Накануне нашей встречи сюда приезжали Синтия Пауэлл, первая жена Джона Леннона, и Патти Бойд, бывшая жена Джорджа Харрисона и Эрика Клэптона. Завен отложил молоток и сам повёл нас по дому Параджанова, экспозиция которого насчитывает около 1500 экспонатов: коллажей, инсталляций, графических и живописных работ, предметов интерьера.

Да, в эти годы я часто ездила в Ереван. Только в 2010 году я была здесь четыре раза. В первые майские дни Арарат мне так и не показался. Испытывал мой армянский интерес на прочность. Поэтому в июне я снова полетела в Армению на форум «У подножия Арарата» по приглашению секретаря Союза журналистов России, руководителя Медиаконгресса Ашота Джазояна. С Ашотом Егишевичем мы познакомились на юбилее его дяди, Народного художника СССР, прославленного скульптора Николая Никогосяна. Его юбилейную выставку и организовал Ашот в декабре 2009 года в Новом Манеже. Туда пришло огромное число известных людей, поклонников варпета и его моделей. Я же была приглашена как корреспондент «Литературной газеты».

Когда я рассказываю людям о своём первом погружении в армянское искусство, я обычно прибавляю, что сам Никогосян на своём 90-летнем юбилее был лёгок и подвижен, как мальчишка. В нём на всю жизнь, покуда он к своему столетию не сел в кресло, оставалась гибкость артиста балета, кем он был в юности.

Именно Никогосян стал моим проводником в мир армянского искусства, а был он словно квинтэссенцией всего XX века. И не только художественной и научной её части, потому что дружил с Мартиросом Сарьяном, Юрием Григоровичием, Дмитрием Шостаковичем, Арамом Хачатуряном, Евгением Урбанским, Каро Алабяном, Арно Бабаджаняном (в честь которого недавно назвали танкер, плавающий в тихоокеанских водах), Нонной Мордюковой, Идой Кар, здесь всех не перечислить. Близко общался он и с дважды Героем Советского Союза маршалом Иваном Баграмяном, который приходил к нему в мастерскую играть в нарды, Борисом Збарским, директором Лаборатории при

Мавзолее Ленина. Одну историю из жизни Никогосяна мне рассказал Ашот Егишевич.

Шли Хачатурян, Григорович, Никогосян с шумной компанией отмечать премьеру балета «Спартак»: его Юрий Николаевич поставил в Большом театре в 1968 году. Арам Ильич дал Николаю как самому молодому сумки. Самому скульптору в ту пору было лет сорок. И вот Коля тащит продукты и видит, что позади него идёт какой-то тихий очкарик. Он ему и отдал половину. Потом этот очкарик сел за стол рядом с Николаем. Долго говорили, хвалили балетмейстера и композитора. Потом Арам Ильич встаёт и говорит:

- А сейчас я хочу услышать мнение о спектакле моего друга Дмитрия Шостаковича.

Очкарик встал, а Николай чуть со стыда не сгорел. Надо сказать, что после своей 7-ой Ленинградской симфонии Шостакович стал легендой. А в те годы он занимал пост секретаря Правления Союза композиторов СССР. Среди его учеников в Московской и Ленинградской консерватории были и армяне – Александр Мнацаканян, Карен Хачатурян. Потом когда с хозяином прощались, «провинившийся» хотел пораньше выйти, чтобы попрощаться с Дмитрием Дмитриевичем. Смотрит, а тот уже его пальто снял и ждёт. Тогда Никогосян сказал: «Вы извините меня, я вас не узнал. Я очень хочу сделать ваш портрет». На что Шостакович ответил: «Да что вы. Мы поровну несли эти сумки».

А замечательный портрет композитора из бронзы Никогосян действительно изваял.

После того, как Николай Баградович прочитал мою заметку о себе в «Литературке», и, встретив меня в залах Российской Академии художеств на Пречистенке, куда на выставку Бориса Неменского меня привёл фотограф Борис Сысоев, он воскликнул: «Я хочу с тобой дружить!»

- А разве так можно, - растрогавшись, спросила я. - Ведь вы академик, а я простой журналист?

Борис сделал на память о той встрече прекрасную фотографию, где мы с Никогосяном, стоим в зале РАХ как лучшие друзья.

Я счастлива, что первые творцы Армении и её знаковые личности становились моими «вергилиями» в этот удивительный,

до конца непостижимый мир армянского искусства.

С Ашотом Джазояном мы вновь встретились в мастерской Никогосяна в Большом Тишинском переулке весной 2010 года. Рядом располагается посольство Польши и тут тоже есть своя связь. В послевоенной Варшаве Никогосян принимал участие в сооружении Дворца культуры и науки на площади Парадов. Он создал ряд скульптур подобных тем, что воодрузил на фасаде высотки на площади Восстания (теперь Кудринской площади), которую построили по проекту Михаила Посохина и Ашота Мндоянца в 1948 году. Архитектурный шедевр, созданный в период сталинского ампира, был украшен также скульптурами Михаила Аникушина. У Никогосяна в легендарном доме, где Владимир Меньшов снимал фильм «Москва слезам не верит», была квартира, но находиться в ней он не любил. Покидал свою мастерскую за полночь, а ранним утром вновь спешил туда работать.

А место для мастерской мастер выбрал неслучайное. От дома недалеко, к тому же Тишинка – один из замечательных исторических районов Москвы, где можно уединиться от городского шума и в то же время быть в самом центре Москвы. Когда-то было здесь и село Воскресенское, находилась летняя резиденция царя Фёдора Алексеевича. Здесь располагалась Грузинская слобода, где проживало много армян, и первое армянское кладбище было возле дома на улице Большая Грузинская, дом 20. До того, как здесь в 1658 году поселились грузины, в селе жили армяне. В 1716-1719 годах для них была построена в Москве первая армянская церковь – св. Воскресения.

Вот какое намоленное место выбрал Николай Багратович для мастерской. А строили её по проекту Размика (Эрзема) Пепояна. В 2008 году проект был признан одной из лучших архитектурных работ в Москве. Пятиэтажный дом занимает площадь в 1600 кв. метров. Над первыми тремя этажами надстроены два этажа, используемые как выставочные залы.

Пространство галереи «Нико», в которую вкладывает много сил младшая дочь скульптора Гаянэ Николаевна, создано в 2000-е годы, после реконструкции этого здания.

Ашот вспомнил меня и пригласил на разговор в Союз журналистов России. Он был одним из его секретарей и очень много сделал для того, чтобы время от времени нейтрализовывать работу азерпропа против армян в скупаемых им российских СМИ. Встреча эта имела тоже значительные последствия, потому что Джазоян как талантливый управленец и государственный вслед за своим Колей (именно так он называл своего дядю, к которому ещё мальчишкой приезжал из Армении на каникулы) сургучовой державной печатью закрепил мой интерес к Армении. С Ашотом Егишевичем я летала в Челябинск на Дни инноваций, который проводил губернатор Юревич, и давала там мастер-класс для студентов факультета журналистики ЮУрГУ. Ездил несколько раз в Государственный Эрмитаж на медиафорум «Диалог культур», который он проводил вместе с Михаилом Пиотровским. В Малом театре собирались журналисты сначала из России, СНГ и Балтии, а потом и со всего мира. Именно для них раскрывал свою сокровищницу для съёмок Михаил Борисович, кстати, тоже армянин – по матери.

Были среди гостей этого медиафорума и поистине культовые личности. Например, классик литовской фотографии Антанас Суткус, сделавший фотографию Сартра на Куршской косе. Или Генрих Юшкявичюс, хранивший в своей голове всю программу трансляции Олимпиады-80, а тогда советник Генерального директора ЮНЕСКО.

Так, с ним же в июне 2010 года я поехала в Армению и в Арцах в пуле федеральных журналистов как корреспондент «Литературной газеты». Вместе с коллегами из «Известий», «Новых Известий», «Комсомольской правды», «Московского комсомольца», ТВ-Центра благодаря организационной и финансовой поддержке бизнесмена и мецената Эдуарда Гуляна. Тогда я впервые и увидела не только Арарат, но и этот удивительный древний армянский край – Арцах, про трагические события в котором я впервые услышала на излёте советской эпохи. А в том июне мы, московские журналисты, стояли с интеллигенцией, народом Арцаха на закладке православного

храма на улице Ованеса Туманяна, когда в Степанакерт приехал отец Александр (Васютин). Он и освятил закладку и деревянный православный крест. К сожалению, многим нашим мечтам сбыться не удалось.

Тогда мы видели крещение годовалого Марика Гуляна в средневековом Гандзасаре, были приглашены на аудиенцию в шушинскую резиденцию владыки Паргева (Мартиросяна). По совету руководителя русской общины Галины Михайловны Сомовой я подошла к владыке и попросила его благословения. Мой очерк «Дом для Анжелины» про семью Согомонян, беженцев из Баку, Ашот Егишевич передал с другими публикациями Президенту Республики Сержу Саркисяну. После потери армянами в ноябре 2020 года Шуши, где у супругов родились все их десять детей, Согомоняны стали беженцами ещё раз.

Приезжала я в Арцах в сентябре 2010 года на фестиваль вместе с художественным руководителем Фонда развития армянской культуры «Карот» Мецо Игитяном, который придумал этот праздник с приглашением многочисленной делегации музыкантов из многих стран мира. В третий год своего существования «Карот» поехал не просто по городам, но и по горам – поездка из Еревана в Степанакерт всех участников и гостей сама по себе была прекрасным дивертисментом. Мецо Игитян решил сделать не формальную поездку из аэропорта «Звартноц» в Степанакерт, но и по возможности помочь всем нам ощутить простую, не придуманную жизнь местных жителей: постоять у живописных мест, набрать родниковой воды, поговорить. Ведь многие впервые приехали сюда или давно не были на своей родине.

С нами были участники международного проекта «Возлюби ближнего своего» прославленного музыканта Ара Геворкяна, когда армянскую музыку интерпретировали венесуэльский флейтист Педро Юсташ, русский балалаечник Кирилл Познухов, ливанский перкуссионист Рони Барак, пан-флейтист народный артист Молдовы Константин Москович. Ехал в родной Арцах «золотой голос России» Вячеслав Ольховский и кяманчист Александр Мовсесян. Особенно горячо принимали зрители американского композитора и певца Даниэля Деккера, который

ещё в 2002 году на музыку Ара Геворкяна написал песню «Адана», которая потом была переведена на 17 языков мира, исполнена 14 иностранными певцами, в том числе и турецким.

«Карот» никогда не существовал как культурное пространство только одних армян. Конечно, самым ожидаемым гостем в том году стал Жерар Депардье. До конца не было известно, приедет ли он на церемонию награждения в Ереван. Прооперировал накануне голеностоп, травмировав его, упав с мотоцикла. Это был подвиг – рвануть в сорокоградусную жару Еревана обутым одной ногой в ботинок, вторую с шунтами упрятав под лангету. Потом всё же сорвать бинты по дороге к Мемориалу жертв геноцида в Османской империи на Цицернакаберде.

Одним из значительных событий «Карота-2010» в Ереване стала акция «Встать! Суд идёт!» по пьесе Перча Зейтунцяна в постановке Московского армянского театра под руководством Славы Степаняна. Перча Арменаковича мне посчастливилось увидеть уже через месяц на форуме переводчиков, который проходил в октябре 2010 года в Ереване в концертном зале Арно Бабаджаняна. Позже я видела в РГАЛИ и сценарий к фильму «Хроники ереванских дней», который Зейтунцян делал вместе с Фрунзе Довлатяном. В этом фильме остро прозвучала тема геноцида, хотя в 1974 году её можно проводить в искусстве лишь пунктирно или завуалированно. И такие ленты нельзя было показывать на больших экранах. Эстонский писатель Калле Каспер говорил мне, что смотрел «Хроники» на окраине Минска в каком-то захудалом кинотеатре.

А в сентябре 2010 года свою гражданскую позицию по отношению к величайшему преступлению XX века на сцене Русского драматического театра им. Станиславского в Ереване выразили российские актёры Алексей Петренко, Игорь Костолевский, Эммануил Виторган, Александр Шейнин, Георгий Мартиросян, Александр Семчев.

Седьмого сентября символическим событием – освящением церкви в селе Мовсес на границе с Азербайджаном фестиваль завершал свою работу. «Карот» - это не тоска, это её преодоление.

Много, много всего я видела за эти годы... И к сожалению, только при помощи армянских негосударственных фондов, ме-

ценатства или желания одиночек сблизить народы Армении, Арцаха и России, в это десятилетие я имела возможность приехать в страну, которую стала принимать также близко, как свой родной дом. Истинная Россия продолжала зачарованно спать, в своей древнерусской тоске, как будто сам Гейне написал стихотворение «Зимняя сказка» про русских, которые теперь в отличие от Запада и Турции, «владели царством снов», и «здесь мы были не разбиты». Но в это время враги и России, и Армении продолжали выступать от её лица. Эти не золотые, а углеводородные сны располагали к сдаче своим врагам с большой кровью завоёванных позиций во время многочисленных русско-турецких и русско-персидских войн.

Особенно ситуация ухудшилась после военного конфликта с Грузией в августе 2008 года. Надо сказать, что большая часть грузинского общества, которое продажные элиты тащили в объятия НАТО и Евросоюза, не испытывала к русским ненависти. Тот же Ашот Джазоян рассказывал мне, что в это время, когда русские танки стояли на грузино-осетинской границе, готовясь войти в Тбилиси, ему звонил один знакомый грузин и говорил, что он хочет уехать работать в Россию.

Парадоксально, что после победы в конфликте 08 08 08 российские власти приняли нелогичное для победителя решение сдать Азербайджану зону своего влияния в Закавказье, чтобы она «не ушла на Запад».

Во многом эта ситуация напоминала дипломатическую сдачу завоёванных территорий в ходе русско-турецкой войны 1877-78 годов, когда на Берлинском конгрессе дипломатия Александра II сдала турко-британскому тандему Алашкертскую долину и Баязет, так блестяще завоёванный русской армией в ходе «Баязетского сидения». И тогда Российская империя этим недальновидным решением подтолкнула Западную Армению к катастрофе, что послужило и её собственным падением.

А после событий в Осетии Россия подтолкнула и без того ослабевшую и измотанную за эти четверть века Армению к драматическим событиям. Более того, мы также отдали лезгинские села фашистскому режиму Алиева, и в Баку лезгин сразу переписали азербайджанцами.

ДОМ ДЛЯ АНЖЕЛИНЫ

В той поездке по Арцаху в июне 2010 года мы удивлялись дорогам, которые были построены здесь после войны с помощью Спюрка. Екатерина Григорьева из «Известий» написала прекрасный очерк «Остров Карабах», где можно прочитать о том, как «человек с ишачком честно выискивает в траве фантики, мусор, окурки». Азербайджанская сторона выходом в «Известиях» была не довольна, так как газета эта тиражировалась в Баку. А в Ереване – нет.

Екатерина заметила, как время от времени у дороги мелькали щиты с надписью «Хайвей Степанакерт-Горис. Построен при помощи всех армян». Деньги собирали по всей многочисленной диаспоре, минимальный взнос – 10 долларов, максимальный не ограничен.

Жили мы в разных отелях Степанакерта, насыщенная программа была и в Шуши. У всех журналистов были разные локации для работы. Команда Анастасии Журавлёвой из ТВ-Центра снимала старый жилой фонд, сильно пострадавший во время войны. С ними отправилась наш гид Нина Балаян. С её мужем, пианистом Арегом Арустамяном я познакомилась уже в Ереване. Арег долгие годы аккомпанировал прославленному дудукисту Дживану Гаспаряну, певице Нуне Есяян. Был он организатором конкурса дудукистов, проходившего на телеканале «Шант». Но самое главное, Арег написал музыку гимна города Шуши.

Мы пришли в дом Согомонянов, многодетных беженцев из Баку. Дом этот помог им построить Эдуард Гулян, который организовал и нашу поездку. Уже в Шуши родились все десять детей, и трое мальчиков уже учились в военном лицее.

На нас из окна выглядывала двухлетняя Анжелина. Её потом взял на руки брат, держал так бережно, как отец. Девочка была напряжена, ведь её впервые фотографировали так много. Да ещё шумные люди, речь которых она совсем не понимает. Маму Анжелины я попросила дать девочке любимую игрушку – взгляд малышки потеплел, и она уже улыбалась. Этот снимок пошёл в издания – в «Литературную газету» и в «Известия».

Все эти дети родились здесь уже после войны. Ещё каких-то двадцать лет назад наша встреча не состоялась бы, потому что многие карабахские дети, не выехавшие в эвакуацию во время карабахско-азербайджанского конфликта, прятались в бомбоубежищах Степанакерта, Шуши, других городов и населённых пунктов. Беспризорников чуть старше Анжелины, потерявших родителей, одичавших, запуганных, и искала по всей столице Арцаха, директор Степанакертского детско-юношеского дома творчества Людмила Барсегиан вместе со своими коллегами. Впрочем, проходили в этой страшной военной истории свои «лёгкие» эпизоды. Родители, отдававшие Людмиле детей на уроки рисования, макраме или ковроткачества, были почти уверены в том, что с ними ничего не случится – тогда Дом творчества располагался рядом с тюрьмой, куда и бежали все в укрытие.

В феврале 2010 года он переехал в здание ресторана, построенное в виде ротонды. Его помог выделить детям президент Нагорно-Карабахской Республики Бако Саакян, однажды посетивший детскую коллективную выставку. Людмила Барсегиан была уверена: в мире нет больше такого дома для талантливых ребят, где работало более 90 творческих групп. А тогда, в 90-е, Людмила была и директором, и терапевтом, на занятия приводила сюда психологов, которые были по штату не положены, и маскировались они под руководителей кружков. Дети пели песни, прижавшись друг к другу, стоя, как солдаты...

Во время поездки мы участвовали в церемонии закладки первого камня в фундамент православного храма Покрова Святой Богородицы и открытия русского культурного центра. Собирали тутовые ягоды, смотрели, как выпекают хлеб в традиционной восточной печи – тандыре, были гостями на

обряде крещения сына Эдуарда Гуляна Марка в действующем монастыре Армянской апостольской церкви Гандзасаре, расположенном на левом берегу реки Хачинчай, близ деревни Ванк, выдающемся памятнике армянской архитектуры. Были и встречи с архиепископом Паргевом (Мартиросяном), прошедшим Карабахскую войну, с президентом НКР Бако Саакяном, тоже ветераном, с представителями творческой интеллигенции...

В своем очерке «Дом для Анжелины» я писала о владыке.

«Архиепископ Паргев – одна из ключевых фигур в Карабахе. Его жизнь с детства проходит по межнациональным перекресткам. Родившись в Сумгаите, учился два года в Ереванском политехническом институте, оттуда ушёл в Институт русского и иностранных языков имени Валерия Брюсова. Потом учёба в Эчмиадзинской духовной академии, в аспирантуре Духовной академии Санкт-Петербурга. Интересный факт из студенчества будущего академика Международной академии гуманитарных и общественных наук: на всесоюзном конкурсе его работа по проблеме искусства и нравственности в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» была удостоена золотой медали. На встрече с журналистами владыка Паргев сказал, что Булгаков сделал большую ошибку, написав Воланда объёмнее и характернее, чем самого Иешуа, сместив акценты. Ведь только от Иешуа Мастер и Маргарита должны были получить успокоение».

Тогда я ещё не знала, что увижусь с владыкой и Бако Сааковичем через каких-то два месяца, 2 сентября на Дне независимости. Будут встречи и в Москве в рамках Дней арцахской культуры. Навещала я потом вместе с Гарибом Михайловичем Бабаяном владыку в его степанакертской резиденции. Кстати, ему очень понравился мой очерк «Мёд на острие ножа. К 777-летию Гандзасара».

А в тот раз нам посчастливилось побывать и на семейном событии – крещении Марика Гуляна, которое провёл архиепископ Паргев в Гандзасаре. Что позволило всем нам быть сопричастными к этой и реальности, и сакральности, которая

сделала участников русско-карабахской встречи не сторонними наблюдателями, а живыми, интересными и, самое главное, нужными друг другу.

Жители Карабаха были уверены, что в России сегодня не знают об их жизни почти ничего, привязывая слово «Карабах» только к тому, что случилось здесь на сломе советской эпохи. На встрече с журналистами президент республики Бако Саакович Саакян на вопрос о ключах к карабахской ментальности сказал: «В Карабахе вы будете всегда чувствовать прозрачность человеческой природы, потому что мы предпочитаем называть вещи своими именами». Конечно, жители Армении и Нагорного Карабаха имеют единую духовную территорию, но в Карабахе характеры его жителей приближаются к нам так близко, причём, не нарушая внутренних границ каждого. Услышав слова о том, что в случае с Карабахом теория географического детерминизма не работает, Бако Саакович улыбнулся и подтвердил, что горы даже воинов могут не делать коварными, с чёрными тайниками в глубине своей души...

В тот самый момент, когда годовалый Марик Гулян выбирал свою профессию, как и велит традиция в день крещения, и выбрал не что-нибудь — а конструктор ЛЕГО, подтверждая своё право быть строителем, близ посёлка Чайлу на территорию Нагорно-Карабахской Республики проникла азербайджанская вооружённая разведывательная группа. В результате столкновения армянская сторона потеряла несколько солдат убитыми. Об этом мы узнали только в Ереване, когда встретились в кафе на Абовяна с журналистом Айком Джанполадяном. Оказалось, что в ту ночь, когда мы на берегу реки гуляли шумной многочисленной компанией, восемнадцатилетний армянский солдат-срочник убил хвалёного азербайджанского Рембо — спецназовца Ибрагимова.

ЖЕРАР ДЕПАРДЬЕ СО СЛОМАННОЙ НОГОЙ ЛЕТИТ В ЕРЕВАН

В 2010 году Армения и Арцах готовились к фестивалю армянской культуры «Карот» («Тоска»). Его художественный руководитель Мецо Игитян имел кроме московской и армянской жизни ещё и парижскую. Он пригласил в Ереван своего друга Жерара – актёра, винодела и мотогогонщика.

Надо сказать, что Жерар к тому времени уже устойчиво пребывал в своем рок-н-рольном периоде. И накануне «Карота» он в хорошем таком божоле упал с мотоцикла и сломал себе голеностоп. Приезд Жерара оставался под вопросом, когда мы огромным международным табором – от России, Ливана, Индии и США – въехали в Степанакерт. Жерар как великий актёр выдерживал паузу.

Он держал её и тогда, когда мы уже завершили нашу программу в Арцахе и выезжали в Ереван. И тут мы, наконец, узнали, что да, Жерар со сломанной ногой летит в Армению. Его единственного поселили в гостинице «Золотой тюльпан», хотя и других гостей селили неплохо – даже скульптора Давида Ереванци из того же Парижа поселили в «Ани-плазе», как и Алексея Васильевича Петренко. Жила здесь и я, в этом неплохом месте на улице Саят-Нова, в советское время единственной гостинице высокого класса, где жила сам Андрей Тарковский.

Скоро пришла благая весть о том, что Жерар всем доволен, хоть и болит нога. И журналистов пригласили на пресс-конференцию Депардье в здание, которое с бархатной революции 2018 года станет известно всему миру. На Баграмяна, 19, в сам армянский парламент.

Было очень много суеты, и меня в списки по ошибке не включили. Я летела сюда ради Жерара и теперь рисковала

не попасть на его конференцию! Время поджимало, и тут на проходную зачем-то вышел Григор Эмин-Терьян, как оказалось, журналист, сын поэта Геворга Эмина и внук поэта Ваана Терьяна. Его дочь училась в Сорбонне, и он сам часто бывал во Франции. Благодаря ему я и вошла в здание Парламента. И была здесь единственным журналистом, прилетевшим из России.

Когда я бежала по его широким коридорам, не замечая табличек на армянском языке, указывающих путь на конференцию, служащие парламента придирчиво меня спрашивали, почему я не читаю по-армянски. Мне приходилось объяснять, что я из Москвы. Но больше всего меня поражало то, что приход в эти стены великого Депардье не смягчил их чиновничьи сердца, и они грубили, как в будни.

Я зашла в зал, битком набитый народом с камерами и диктофонами. И меня пропустили за первый стол по просьбе Мецо Игитяна. Жерар и Мецо с переводчиком сидели в президиуме аккуратно под гербом с изображением орла и льва. Это смотрелось очень державно и кинематографично, как кадр из ленты Анджея Вайды «Дантон», как будто снятый в Законодательном собрании молодой Французской республики.

Жерар был в ударе, с покрасневшим от сентябрьского солнца лицом, огромный, как будто занимал добрую половину этого пространства так, что журналистская толпа подобострастно жались к задней стене.

Потом люди шептались, что сломанная нога у Жерара на жаре стала преть под лангетой, и он её сорвал. Вся эта встреча с Депардье имела исключительно исторический характер. Депардье был мил и отвечал на вопросы армянских журналистов, говорил о том, что намеревается снять фильм про геноцид. И так время шло рывками, потому что ему было не просто обнадеживать армян своей погруженностью в армянскую тему, хотя он и дружил с армянами там, у себя в Париже. И я снова стала опасаться, что не успею задать ему свой вопрос.

Но тут Мецо остановил поток армянского словоблудия, и я спросила господина Депардье о Парижских сезонах.

И Жерар, как будто облегченно внутренне вздохнув, так как мало что знал об армянском искусстве и истории, заговорил о русском художественном модернизме, Сергее Дягилеве, о чем-то ещё. Он отвечал на мой вопрос пятнадцать минут и хозяева площадки почти с ненавистью смотрели на меня, потому что именно ко мне обращался Депардье вот уже четверть часа.

Охотно верилось, что он, простолюдин, блестяще образованный и эрудированный, легко парировал в эпистолярном жанре аристократу Пьеру Ришару, вместе с ним издав книгу.

Пресс-конференция подошла к концу. Депардье предложил всем журналистам сфотографироваться вместе с ним, но я не встала в этот кадр. Не потому что меня охватила великодержавная спесь, а потому что мой отец с детства внушил мне равнодушие к фотографиям в семейном альбоме, где стоят совершенно незнакомые люди. Я не сделала исключения даже для Жерара Депардье, которого окружила армянская пресса.

В ОЖИДАНИИ РОССИИ И НЕМНОГО С «КАРОТОМ» ПО СССР

В таких фантастических поездках и встречах проходили эти годы. Мной были намотаны тысячи воздушных миль по авиатрассе Москва—Ереван или Москва—Гюмри, или километров по разноликим ландшафтам Армении и Арцаха, даны интервью в газеты и в телеэфирах, написаны сотни статей, несколько книг, в том числе и в соавторстве с ереванским коллегой и другом Павлом Джангировым.

Посвящены они были российско-армянским культурным связям, большим именам. Первая наша книга с Павлом Сергеевичем, архитектором, журналистом, киноведом, художником-карикатуристом и дизайнером, вышла в 2019 году. Называлась она «ЛЬВЫ МОЮГИ. По русским следам Александра Таманяна». Она была представлена в Центре армянского архитектурного модернизма «Артур Тарханян», благодаря госпоже Анаит Тарханян, дочери прославленного архитектора. Она и сама руководила собственным архитектурным бюро, расположенным в этих же стенах.

Вторую книгу «ФРУНЗЕ ДОВЛАТЯН. На излёте оттепели» мы представили в день рождения замечательного армянского режиссёра и актёра в ереванском Доме кино в мае 2021-го. И состоялась эта встреча с родными, близкими, коллегами и учениками Фрунзе Вагинаковича благодаря его сыновьям — Микаэлу и Давиду. В эти же дни посол РФ Сергей Копыркин и лидер партии «Прорывающаяся Армения» Гагик Царукян открыли памятник «Российско-армянской дружбы» на территории Погрануправления ФСБ РФ в Армении. А в апреле 2019 года российские военнослужащие в память о людях, которые

служили в Ленинанканском краснознаменном пограничном отряде, дислоцированном в Гюмри, высадили 95 канадских клёнов – посвятив аллею 95-летию этого отряда. Праздничные дни, в которые проходила наша презентация, хорошо рифмовались и с тем, что сам Довлатян в молодости сыграл пограничника в фильме режиссёра Григория Мелик-Авакяна «О чём шумит река» об охране советско-турецкой границы. И все помнили кадры, где он молодой и красивый поёт песню «В дальней стороне так нужна ты мне» вместе со своим русским сослуживцем, которого сыграл Олег Герасимов.

Наконец, третья наша с Павлом Джангировым книга вышла в 2022 году к 125-летию со дня рождения выдающегося армянского и советского архитектора и называлась она «КАРО АЛАБЯН. Власть факта».

В профессиональной среде армянских архитекторов по отношению к нашим исследованиям был, конечно, скепсис. Его не могло не быть: ведь Павел не мог летать в Москву и Санкт-Петербург, а я не была специалистом в области архитектуры и кино. Значит, книги наши уже на стадии зарождения задумывались уже без надежды на совершенство, и конечно, в них были видны швы. Но мы с упорством безумцев доводили каждую книгу до конца, совмещая пласты своих исследований в ереванских и московских архивах.

По счастью, в это время, а точнее, безвременье, когда народы не только России и Армении, но и всего евразийского пространства, были отброшены друг от друга в разрушительной энтропии, по всей той же метафизической экзистенциальной трассе Москва–Ереван–Гюмри курсировали журналисты, культурологи, политологи. Из-под толщи времени и даже воды порой поднимались наверх наши общие сакральные артефакты.

Было что-то мистическое в том, что в то время как Армения лишилась Музея А.И. Таманяна, в России в Ярославской области на дне Рыбинского водохранилища были обнаружены остатки имени Иловна, которое спроектировал великий зодчий. О том, как мы с Павлом Джангировым работали над книгой «Львы Мологи. По русским следам Александра Таманяна», мы дали интервью нашему другу, журналисту издания «Голос Армении»

Тиграну Мирзояну. Я рассказала, что писать совместную книгу о Таманяне мне предложил Павел, и у него, и у меня были свои исследования. Мои знания и уровень постижения таманяновской темы моим соавтором – вещи несоизмеримые. Павел профессионально изучал наследие Таманяна, а я писала о нём, скорее, как эссеист, однажды съездив в Жуковский, где великий зодчий работал по приглашению барона Николая Карловича фон Мекка. Я увидела великолепный особняк бывшего санаторного комплекса в стиле классицизма.

Или, побывав в 2020 году вместе с командой исторических аквалангистов под руководством Константина Богданова из Центра подводных исследований Русского географического общества (ЦПИ РГО) и Дмитрия Радченко («Третий Рим») в Ярославской области. На погружениях под лёд Рыбинки при морозе минус двадцать в том самом месте, где была надежда найти остатки скульптурных львов, которых посадил на набережную реки Мологи Таманян, которого в те годы именовали Тамановым.

На мысль о том, что российское наследие Таманяна нужно поддерживать и изучать на академическом уровне, меня натолкнула и московская лекция историка архитектуры Арсена Мкртчяна «Феномен и миссия Александра Таманяна». Личность зодчего обычно исследуют в парадигме синтеза неоклассицизма, который формировался в русский период его жизни, и армянского древнего зодчества. А Арсен Мкртчян склонен рассматривать архитектурную миссию Таманяна как представителя нового Ренессанса, который смог претворить в камне идеи итальянских мыслителей.

Гений Таманяна – это алеф армянской градостроительной политики. В этой точке сходятся теория и практика тех архитекторов, кто очень чётко соотносит свою деятельность с наследием Таманяна, перестроившего один из самых древних городов мира. Кто-то в этой точке находит и свое отрицание таманяновских принципов и как следствие этого «прочтения» – варварское уничтожение идей и шедевров Таманяна.

Павел в свою очередь добавил, что люди знают Таманяна по его творениям в Армении, но и в России он проявил себя как

выдающийся мастер русской архитектуры. Разве не интересно понять, как человек, сформировавшийся в условиях одной культуры, иных реалий, приехав на историческую родину, мгновенно проникся её идеями и традициями и столь же ярко проявил себя, что говорит о его великом даре? Ведь в России он родился, получил образование, работал, создал семью. В Армению приехал в возрасте сорока одного года. Да, он изучал в Петербурге памятники армянской архитектуры по книгам, но столь глубоко постичь её суть, что называется, на удалении, мог только гений.

К сожалению, не было подробной монографии, всесторонне представляющей зодчего, его личную, творческую и общественную жизнь, особенно в 1910-1918 годах. Вот и решили восполнить пробел. Оказалось, что это целый пласт малоисследованной информации, размещённый в старых архитектурных и художественных журналах, воспоминаниях современников, архивных документах. Нам отчасти помогла внучка брата Александра Ивановича Мирона Тамара Ивановна Таманян. Гагик Юльевич, внук Таманяна, приехав в Ереван из Лондона, ознакомился с тем, что мы сделали, и высоко оценил нашу работу.

При таких мощных пластах культуры и истории, науки исторические союзники Россия и Армения, друзья, коллеги, экзистенциальные братья проснулись в новом безумном мире подчас во враждебных лагерях. Как тут не вспомнить пронизательное высказывание живописца, историка искусствоведения Эдуарда Медера: «Эпоха больших смыслов закончилась незадолго до физической кончины Союза – единственного глобального социального феномена, который масштабные смыслы мог создавать. А безвременье – это такая едкая и липкая субстанция, из которой только независимые вершины могут независимо торчать, остальных она разъедает вчистую до состояния себя».

Но мы продолжали любить свою большую Родину, в которой родились, жили столько, кому как повезло. И из-за всех сил старались не сломаться, не размягчиться до состояния этой липкой субстанции, сохранять величие своих замыслов,

понимая, что не имеем права уйти, не подготовив культурный и идеологический мост в будущее для новых поколений.

Павел старше меня на тридцать лет, он из поколения шестидесятников с её оттепельной эйфорией, бурлением улиц и кинотеатров, фестивалями молодёжи и концертами. Он вспоминал, как общались легко, по-свойски с самим солистом легендарной польской группы «Червоны гитары» Северином Краевским, приезжавшей на гастроли в Ереван. Или уже после развала СССР вместе со знаменитым режиссёром Борисом Айрапетяном ездил в Москву, принимая участие в постановке оперы «Норма» Беллини, которая с успехом прошла на Новой сцене Большого театра.

Я же была представителем последнего выпуска советской школы, и спустя два месяца после нашего школьного вальса разразился путч ГКЧП. Но, тем не менее, мы говорили с Павлом на одном и том же языке, мыслили в одном направлении, хоть его образованность и эрудиция были несоизмеримо выше. В его квартире на улице Ваграма Папазяна в книжных шкафах, которые стояли даже в застеклённой лоджии (где до суровых ереванских блокадных зим 1993-94, когда дети спали в шубах и люди приходили друг к другу греться, жил зелёный сад), лежали великолепные издания на русском языке. Энциклопедии и справочники по искусству, архитектуре, истории, философии, минералам, о которых я никогда не слышала в России.

Там лежали в коробках и фотографии 1960-70 годов, лучших в истории советской Армении. На многих из них был Карен, младший брат Павла, знаменитый актёр театра и кино, которого сам Сос Саркисян назвал своим «альтер эго» в армянском кинематографе. Хотя Карен был более склонен к эксцентрике. К сожалению, в 2014 году Карен Сергеевич ушёл из жизни.

Карена Джангирова я видела в ленте Генриха Маркаряна «Председатель ревкома», в фильме Артака Игитяна, родного брата Мецо, о котором уже писала. Фильм назывался «Рассвет над озером Ван», и Карен Сергеевич блестяще сыграл одну из своих последних ролей в сарьяновском ключе. В его игре были стремительные переходы из трагического регистра в комический. Ведь речь шла о геноциде армян, о вечном возвращении души

на свои исторические земли, на озеро Ван. А оно для армян является священным местом. Турки десакрализовали его, превратив в место для стирки белья, используя уникальный химический состав его воды. Содовое озеро Ван было одно из реликтов древних морей.

Я даже и предположить не могла, что когда-нибудь с родным братом этого замечательного актёра мне предстоит подружиться и проработать в соавторстве.

Кроме множества книг в шкафах и на полках, пылился на антресоли и ворох старых газет. Как опытный и дотошный архивариус Джангиров-старший собирал все публикации федеральной и республиканской прессы о Карабахских событиях 1988-1990-х годов. В октябре 2019 года перед поездкой в Степанакерт на форум «Друзья Арцаха», который организовывал «Ай Дат» и МИД НКР, я забрала эту увесистую пачку и передала её сотрудникам ведомства Масиса Маиляна.

Сам Павел дружил с первым Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в Армении Владимиром Петровичем Ступишиным, страстным армянофилом и защитником российско-армянского союза. Тепло вспоминал о встречах с ним. Именно он однажды, перед тем, как уехать в Россию из Армении в 1994 году, сказал: «Паша, не смей уезжать. Ты здесь нужен».

Как утверждали сами армяне, именно период работы Ступишина в Армении стал пиком его профессиональной дипломатической карьеры и во многом определил его последующую деятельность в качестве общественного деятеля и публициста. В 2001 году вышла его книга «Моя миссия в Армению». В 2000-х он стал почётным членом Московского культурного общества «Арагат». Передал Владимир Петрович свою любовь и своей дочери Ладе: она записывала свои видеообращения народу Арцаха в самые трудные годы.

Павел Сергеевич зеркально отражал Ступишина – он любил Россию, первая его жена была из русского боярского рода Кольчёвых. В эти годы, полные драматизма, голода, оттока интеллигенции в благополучный Спюрк (Францию, Германию,

Грецию, США или вчерашнюю метрополию – Россию), он старался быть терпимым ко многим решениям своих родственников, друзей, коллег. Одного простить не мог – русофобии, которую стали позволять себе многие разочарованные, не понимавшие, что именно этого и добиваются наши общие враги. А, как известно, дьявол любит усомнившихся.

Так, через дружбу и работу с представителями блестящей старой армянской интеллигенции (а её черты с радостью я встречаю и в молодом поколении, хоть не столь часто), я через армянский портал входила в свою русскую историю. Только постигала её уже через другие взаимосвязи и визуальные образы – природные, научные, художественные, и более причудливые, как и подобает восточной культуре, с одной стороны, а с другой, человеку Араратскому (по Костану Заряну).

И чем больше я узнавала об Армении, работая в Государственном архиве РФ (ГАРФ) или Российском государственном архиве литературы и искусства РГАЛИ, разбирая оцифрованные архивы второго человека в Российской империи в эпоху Александра II Михаила Лорис-Меликова. Или Александра Керенского по делу партии «Дашнакцутюн», и даже заглядывая в папки с черепом на экслибрисе, принадлежавшие масону князю Бебутову, тем больше я уходила на трагическую глубину свой русской истории. Конечно, древняя армянская история и более новая русская по своему багажу не равновелики, но всё же равноценны. А при наложении друг на друга они дают удивительно обильные плоды. Именно в советский период наука Армении, её культура, наука, образование, градостроительство взлетели на небывалую высоту. Практически во всех фундаментальных науках СССР и России обязательно есть армянские имена.

ДОРОГА ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ВАРДЕНИС

Горных дорог в моей жизни было много. В Абхазии, Аджарии, Тенерифе, в Крыму, где мы однажды зависли первыми колесами «жигулей» над пропастью; в Киргизии, на перевалах, мимо джайло с табунами, с луковыми плантациями; в Черногории, в которую мы вошли, в эту «Америку» Митича, проехав десять часов кукурузными и хлебными полями Сербии, мимо креста затонувшей Златарском озере церкви, потом долго петляя... Но в ноябре 2018 года, спустя полгода после бархатного Еревана, у меня случилась дорога в Арцах, третья – и первая через Варденис, которая называлась Северная.

Мы ехали с хорошо известным многим арцахцам Сагателом, с нами была еще одна карабахская армянка из Гадрута, которой предстояло дожить в родных местах еще два года. Когда твой водитель – офицер в отставке, душа сразу становится на место, тем более со мной ехала старшая дочь Ника. Её вторая поездка в Армению и первая в Арцах.

Дважды я ездила первой дорогой – первый в журналистском федеральном пуле, второй – с Мецо Игитяном с фестивалем «Карот». Каждый раз это была многочасовая проходка с фруктовой стоянкой в Суренаване, маленькой родине армянских аистов, винной в селе Арени, потом красноватые горы монастыря Норавапк, ночное чаепитие на трассе у пулшулака Гориса, и, наконец, мы победно въезжали в Нагорно-Карабахскую Республику.

Дорога через Варденис рождала другие ощущения. Конечно, ландшафт за окном меняется также стремительно, бурые краски вчерашней желтизны уже прихвачены первым утренником,

но всё в этой проходке путешественника меняет сама близость Севана. Он открывается всей своей тёмной, глубокой синевой и хочется уже остаться здесь, походить у холодной ноябрьской воды. Севан дорог мне тем, что здесь я впервые увидела снег в Армении. Это было тоже в ноябре, четыре года назад. Я люблю всё, что меня резко вбрасывает в состояние, которые я ощущала в Сибири ребёнком – сухой холод, обветренный снег, словно угрожая порезать пальцы, если ты его коснёшься, всё же давал чистейшие принты себя самого в этом огромном, стылом мироздании.

Тогда на Севане я ходила одна между летних ресторанов, уже заброшенных, в монастыре Севанаванк купила свечи, и какой-то случайный прохожий сфотографировал меня: в кадре я стою как на краю ойкумены.

Это прекрасное озеро, лежащее по дороге через Варденис, даёт это чувство живой воды. Она и созерцанию, и душе посылает всё то, что нужно человеку, чтобы стереть с него московскую зашумлённость, само желание говорить даже остаточными обрывками фраз.

И да, он играет: то прячется, то снова открывается во свою мощь, и дочь каждый раз при новом его изгибе пытается встать во весь рост, насколько это позволяет машина, чтобы заглянуть в ту сторону, где она не бывала, но куда её уже влечёт.

Направо уходила дорога на Гавар – в Нор-Баязет, на родину двух великих учёных – Аветика Бурназяна и Самвела Кочарянца. Как же получилось, что двое мальчишек из своего беспризорного детства, голода шагнули в мир так, что стали причастны к созданию «ядерного щита» СССР? Когда мы ехали в Арцах через Варденис, видели пейзажи и прежде всего небо тех, кто вместе с Курчатовым спас нас от ядерного взрыва. И чувствовалось, что здесь – древняя и современная прародина, новая точка отсчёта нашей общей истории.

Когда Севан исчезал, перед нами открывалась острота вершин, которая уже под большими накатами снега и всё это сияющее и торжествующее под вечным армянским солнцем сливается с начальными слоями небес. Дорога на Варденис ещё немного и будет похожа на ту, которая есть в любом вестерне,

с ними её роднит поезд, везущий золотоносную руду, и мы обгоняем этот поезд. Безлюдье и редко встречающиеся машины, всё, что цепляет окоём – только твоё, ты даже не пытаешься уступить это видение хотя бы незначительным эпизодом тем, с кем созерцаешь всё это.

Дорога через Варденис была построена как стратегическая трасса. То, что по ней шли машины с военным снаряжением, ещё больше обостряло восприятие этой реальности, которая не могла, не имела права оборваться.

Вот эта тонкая метаграница – между вот этой частью ландшафта, похожего на лунные пейзажи, и тем, что может с ним произойти. Она может по лету расцвести маками и травами, запеть голосами myriad насекомых и одной маленькой коростели. А может и исчезнуть навсегда. Так уже было, было много раз, и самый знаковый пример - превращение кладбища хачкаров Нахиджевана в турецкий полигон, где из абсолюта смерти вряд ли очень скоро покажутся побегии новой весны. В январе 2024 турки стали показывать миру свою карту, где в 2025 году Нахиджеван входит в состав Турции.

Ещё немного километров мимо Дадиванка и Карвачара, по дороге от которого в 1990-е офицер-лезгин криком пытался остановить бегство азербайджанских солдат, и мы на посту. Проверка документов и заполнение въездного листка. Это первые лица, которые мы видим в Арцахе – доброжелательные, с цепким взглядом. Солдаты предлагают вам чай, хотят разделить с вами эти формальные минуты обыденной жизни. Несколько вопросов, и ты узнаешь, что вот этот красивый офицер долго жил в Санкт-Петербурге, учился там, он просит мою книгу, узнав, что еду на её презентацию.

У поста крутились собаки, ни разу я не слышала сейчас, да и после, а дорог с Гарибом мы проехали много, чтобы собака в Арцахе залаяла. Удивительно, но даже самые внушительного габарита псы были сосредоточены, мудры и молчаливы.

Дорога через Варденис была Ладогой для жителей нескольких арцахских сел – везли они в Степанакерт свой виноград, хурму и гранаты, сыры и вино...

«МЁД ЖИЗНИ НА ОСТРИЕ НОЖА.
К 777-ЛЕТИЮ ГАНДЗАСАРА»

«Мёд жизни на острие ножа».
Тонино Гуэрра

Я не помню ни слов, ни красок того дня. Оказалось, я совсем не восприимчива к запоминанию архитектурных элементов или внутреннего убранства храмов или церквей. Я помню только себя в центре этого мира, наверное, эгоцентрично, но все, что происходило в этот день, я запомнила как череду каких-то сильных, энергетических ассоциаций. Ещё я хорошо запомнила людей – не по одиночке, а создающих общину. Хотя многие из них уже давно не жили в Арцахе. Мы приехали в Гандзасар на крещение годовалого Марика Гуляна, сына Эдуарда, известного предпринимателя карабахского происхождения. Группа московских журналистов прибыла продвигать республику в российском информационном поле.

Я вспоминаю, как стояла на подворье Гандзасара, а рядом хлопотали женщины, девушки, перебирали бонбоньерки, таросики, перекладывали букеты роз, смеялись.

Был очень солнечный июньский день. Кто-то поговаривал, впрочем, что будет дождь. Ещё до поездки я прочитала о Гандзасаре, что именно отсюда в 1701 году были отправлены знаменитые обращения восточных армян Петру I с просьбой о принятии российского подданства и военной помощи в освобождении от персидско-турецкого ига. Всю поездку мы наблюдали владыку Паргева, который уделял равное внимание и журналистам, и отцу Александру, который приехал в Арцах на закладку православного храма, который до сих пор не

построен.

Больше всего меня поражало, что от этих людей шла земная энергия. Ничего метафизического и того, что заставляло бы нас благоговеть, выстраивать значительную дистанцию между принимающей стороной и нами. Да, потом я осознала, что владыка Паргев Мартиросян – глава арцахской церкви, человек из свиты католикоса Вазгена I. Что перед нами тот человек, кто воевал с крестом за эту землю, кто во многом причастен в победе армян, в частности, в бою за Шуши. Именно Паргев приказал сбросить памятник Ленину, и так начался судьбоносный штурм 8 мая 1992 года.

Мы все дождались того момента, когда в Гандзасар вошли священники. Они заняли главное место церемонии у купели, рядом встали Татевик в белом платье, ожидающая второго ребенка, Эдуард с сыном на руках. Мы все почтительно расступились и отошли к стенам. Я помню, что одним из моих впечатлений от этого древнего храма было то, что он дает ощущение древних катакомб: серый, массивный камень, местами влажный, впитавший в себя многоликие тени словно защищает пришедшего от реальности, пусть даже сегодня не враждебной.

Слова молитвы, которые произносил Паргев и его братья, не лились непрерывным потоком. Часть слов тонула в нишах Гандзасара, уходила вверх, к зонтичному куполу, окнам, откуда в пространство храма попадали расширяющиеся снопы света. Именно отзвуки, а не чистые звуки, и разливающиеся отсветы, а не чистый свет, в тяжёлом, словно литом каменном Гандзасаре поразили меня больше всего. Позже, когда маленький Марик устал, а таинство крещения у армян длится очень долго, он стал немного плакать. Но никто из отцов церкви не изменился в лице, продолжая обряд спокойно, твёрдо, убеждённо в то, что его нельзя сдвигать ни на шаг от традиций. Гандзасар впервые упоминается 54-м армянским католикосом Ананием Мокаци в середине X века. Новый, известный в настоящее время храм, построен князем Гасан-Джалал Дола «мужем благочестивым, богобоязненным и скромным, армянином по происхождению» на месте старого храма, упоминаемого в X веке, и торжественно

освящён 22 июля 1240 года.

Ещё немного, и по ту сторону Гандзасара хлынул сильный дождь. Его звуки, перекрывающие слова молитвы, каким-то образом удлинители, сделали объёмным и щедрым на запахи этот день. Я встала в проём выхода, его массивные деревянные двери словно раздвигали вырезанный крест. Дождь был очень тёплым, и запах сгорающих свеч, курева, роз, которые принесли гости, смешался с плодородным, жирным запахом земли. И ещё он был сладкий, как мёд. Перед крещением мальчика я купила в храмовой лавке банку арцахского мёда. Он был, как принято это, освящён владыкой.

Дождь прошёл быстро, и вскоре мы стали неспешно покидать территорию Гандзасара. Марик в белой рубашке на руках отца был уже в центре вполне земного праздника. Мальчики в чёрных одеждах со вставками жёлтого и красного цветов (единственные яркие пятна, которые я запомнила из того дня) шли с нами и били в барабаны. У молодёжи были какие-то игрушечные гудки, в которые они дули и тут же вставляли танцевать кругом... Потом, уже в аэропорту Еревана, я разбила случайно банку с карабахским мёдом. И довезла его до дома, надеясь, что часть его уцелеет. Жаль было мёда, и был большой соблазн выбрать все эти осколки, спасти от гибели вязкую, плотную сладость, пахнущую тем дождём, парафином крестильных свеч, увядшими розами.

АРМЯНСКИЕ ХРАМЫ. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ТОПОРЫ. РУССКИЕ ОРДЕНА ЗА ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Война с храмами в Нагорном Карабахе и в Нахиджеване очень часто становилась предметом публицистических, культурологических высказываний. Тему уничтожения древнего армянского Агулиса в 2018 году инициировал публицист, поэт Амирам Григоров на сайте «Восканапат». С подачи Григорова, занимавшегося мониторингом состояния армянских святынь на территории Азербайджана, в российско-армянской прессе говорилось и о драматических судьбах сёл Бананц, Човдар.

«Агулиса больше нет, но есть необходимость сказать о нём, – писал Григоров. – К стыду своему, живя в Азербайджане, я и не знал, что там, в Нахичеванской области, до 2010 года сохранялся раннесредневековый город. Впрочем, официально в Азербайджане о нём не говорили ни слова, потому что город этот был армянским.

Город Агулис был основан в античное время. Царь Тигран выселил иудеев из Сирии в Армению и выделил места для основания городов в районе теперешней Нахичевани. Так появился Агулис. После принятия Арменией христианства этот город стал центром, где возникли монастыри и церкви, одновременно с Эчмиадзином, но если собор в Эчмиадзине неоднократно перестраивался и украшался, вплоть до XIX столетия, то три из одиннадцати церквей Агулиса выглядели точно так же, как при постройке в IV веке: Агулис оказался на отшибе и сохранился практически без изменений.

Когда-то в Агулисе было 10 тысяч жителей, и он был самым значительным городом в этой части Армении. Но после нашествия афганцев в XVIII столетии он обезлюдел, и в даль-

нейшем его население не превышало 3-4 тысяч, его жители представляли собой изолированную группу с особым диалектом, который назывался «лезун зоки», в котором сохранялось много персидских и арамейских слов. Армяне из других регионов плохо понимали этот язык и считали его «еврейским». В 1919 году город был захвачен турками, его уцелевшие жители бежали в Зангезур, горную область, где герой армянского народа Гарегин Нжде сумел организовать самооборону, и куда турки не прорвались. После установления советской власти, по договору большевиков с Атаатюрком, Агулис, как и вся Нахичеванская область, отошел Азербайджану. Агулисцам не позволили вернуться, а в их дома заселили тюркских кочевников. Но древние церкви Агулиса, опустевшие, закрытые, остались, как и три кладбища с хачкарами – традиционными резными армянскими надгробиями».

Подробнее о «войне с храмами» писал автор книги «Нагорный Карабах. Факты против лжи», сын дипломата и внук легендарного участника «Немезиса» Зарэ Мелик-Шахназаряна Арсен Мелик-Шахназарян. Он говорит о том, что на протяжении более полутора тысячелетий Нагорный Карабах пытались завоевать персы, арабы, кочевые тюркские племена, монголы, турки-османы.

«Однако никогда за всю свою историю памятники армянской истории и культуры, само духовное наследие прошлых поколений карабахских армян не подвергалось такому неприкрытому разграблению и уничтожению, как это было в период нахождения края в составе Азербайджанской ССР».

Арсен пишет, что после включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР духовная жизнь армян Карабаха фактически попала под двойной гнёт большевиков-атеистов и азербайджанских националистов. После 1932 года в крае были закрыты абсолютно все армянские храмы и монастыри. Не помогла армянам и послесталинская «оттепель». Католикос всех армян Вагген I, занимавший этот пост с 1955 года по 1994 годы, неоднократно обращался к правительству Азербайджанской ССР с просьбой открыть в Нагорном Карабахе хотя бы один храм, но неизменно получал отказ.

Памятники армянской архитектуры азербайджанцы уничтожали всегда. Прямо или косвенно, когда строились, например, дороги, а армянский храм стоял в ста метрах.

На встрече с пролетарскими поэтами в Ростове-на-Дону 7 февраля 1926 года Владимир Маяковский говорил о зачитанных стихах. Он указал на то, что рапповцам не стоит бросаться к мировым темам, но следует писать больше о том, что хорошо им известно и не вошло в литературу: о Ростове и Нахичевани, в быту которых скрыто много сокровищ для поэзии. Владимиру Владимировичу очень понравилось армянское слово «Нахичевань». Как он сказал, «великолепное слово, ещё никем не использованное в поэзии». Поэт не знал, что оно, показавшееся ему каким-то футуристическим, толковал ещё иудейский историк Иосиф Флавий в I веке: армянский топоним означает место первой высадки Ноева Ковчега. С этим соглашался и немецкий языковед Макс Фасмер, и немецкий филолог, профессор Страсбургского университета Генрих Хюбшман.

В топонимическом словаре «Географические названия мира» автор Е. М. Поспелов указывает, что в наиболее ранней письменной форме топонима Нахтчаван «нахтча» др.-арм. представляет собой родоплеменное название, а элемент «ван» (варианты «вани», «вана»), очень продуктивный в древней топонимии Закавказья и Малой Азии, употреблялся со значениями «место», «дом», «земля», «страна», а также в роли суффикса принадлежности.

По преданию, город Нахичевань был основан библейским Ноем. Дата основания города по персидским и армянским источникам – 1539 год до н. э. Современные энциклопедические источники прослеживают историю региона и города примерно с 1500 года до н. э. В 1990-е годы русскоязычные азербайджанские источники, а впоследствии и Роскартография, стали использовать написание Нахчыван – с использованием недопустимого в русской орфографии буквосочетания «чы». В СМИ других стран и литературе обычно используется традиционный советский топоним Нахичевань. По-армянски оно звучит как Нахиджеван.

Разумеется, после окончания Карабахского противостояния и превращения региона в зону замороженного конфликта, во время которого в год погибало несколько десятков солдат с обеих сторон, нельзя было надеяться на то, что армянский Агулис выживет. Тем более после того, как в Нахиджеване было окончательно уничтожено кладбище средневековых армянских хачкаров.

Древний Агулис был родиной предков знаменитой художницы из Тбилиси Гаянэ Хачатурян. Азербайджанский писатель Акрам Айлисли, прославившийся своим романом-реквиемом «Каменные сны», родился в этом селе (азерб. - Айлисли) в 1937 году. Известен он был не только тем, что призвал своих земляков покаяться за зверства Сумгаита и Баку, но и тем, что переводил многих писателей с мировым именем, в том числе и Габриэля Гарсия Маркеса. Тяга к метафизике колумбийского писателя, возможно, связана и с тем, что в призраки, своего рода азербайджанские Макондо, превращаются те «топосы», что существовали здесь веками.

Шуши (так звучит название города по-армянски) азербайджанцы говорят Шуша и называют город колыбелью своей культуры. По утверждению Амирама Григорова, на начало XX века предки азербайджанцев составляли около половины населения. Там жило несколько знаковых поэтов и музыкантов, и родилось два азербайджанских первых секретаря – для них, безусловно, этот город был важен. Но звериного инстинкта хватало и на дикие убийства. Закавказские татары во время армянских погромов в марте 1920 года превращали в средневековые руины целые кварталы, бросая в колодцы трупы, лишая себя чистой воды. Чума в городе Шуше и стала темой стихотворения Осипа Мандельштама «Фэтонщик».

Давайте посмотрим на судьбу вчерашних армянских сёл:

Город Джульфа при армянах: кладбище средневековых хачкаров, Нахиджеванский Матенадаран (библиотека-архивы рукописей), храмы. Во времена шаха Аббаса I Великого (XVI век) превращён в выжженную землю. Население насильственно переселено в иранский Исфахан. После выселения армян Джульфа деградировала. После разрушения кладбища хачкаров Джуль-

фа (Джуга) людьми в военной форме с помощью тяжёлой строительной техники разрушили кладбище средневековых хачкаров Джуги (Джультфы), превратив его в стрельбище. Обломки памятника погрузили на машины и сбросили в реку Аракс.

В некогда армянском, красивом селе Човдар теперь крайняя нищета, зато это один из прибыльных золотых рудников Азербайджана.

Армянское село Бананц с богатыми архитектурными и ковровыми традициями заселили азербайджанцы, с тех пор оно ничем не примечательно.

Армянские села Шаумяновского и Ханларского района, откуда были изгнаны армяне во время операции «Кольцо» и ранее, тоже превращены в депрессивную зону.

В то же время столица Нагорно-Карабахской республики (Арцах) Степанакерт при армянах стала красивым городом с кафе, фонтанами, с культурными центрами, откуда выходили звёзды певческого искусства. Сюда с концертами приезжали оперные дивы первой величины – Монсеррат Кабалье, Любовь Казарновская. Молодые литераторы из клуба «Образ» при поддержке юриста, общественного деятеля Дениса Дворникова получали благословение Международного Фонда имени А. С. Пушкина (Брюссель, Бельгия). 14 апреля 2018 года в Университете Месроп Маштоц (г. Степанакерт) при поддержке Дениса состоялись Ежегодные Международные философские чтения студентов и молодых учёных, посвящённые памяти Павла Флоренского. На них приезжали и преподаватели с философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Будет несправедливо промолчать о трагической судьбе азербайджанского города Агдам. Сегодня там можно увидеть редкие дома в окружении руин. В Агдаме мне удалось побывать вместе с директором Центра кавказоведения, заместителем проректора по научной части Университета Месроп Маштоц Гарибом Бабаевым в мае 2019 года.

Разрушенный азербайджанским градом Степанакерт (обстрелы шли и по мирному населению), был отстроен в том числе и из камней разрушенных агдамских домов.

Мало кто знает, что убивать армян в эти годы стали активно

в Аскеране, в нескольких десятках километрах от Агдама. За несколько дней до Сумгаита.

Тем не менее, армяне не уничтожали здесь ни кладбища, ни святыни. Знаменитая агдамская мечеть и сегодня является символом призрачного города. Британский журналист Томас де Ваал в книге «Чёрный сад», взявший поначалу сбалансированную интонацию, называет Агдам «Кавказской Хиросимой». При освящении более поздних приграничных конфликтов Томас брал азербайджанскую сторону и искал «неких карабахцев», которые не хотят мира между армянами и азербайджанцами. Курировал он и пропагандистский антиармянский дискурс, связанный с поиском мифических беженцев из Капана, которые попали под «армянскую агрессию». На самом деле азербайджанцы в 1990-е из Капана выезжали спокойно, армяне провожали их и помогали грузить вещи.

Впрочем, в уничтожении армянского наследия азербайджанцы не последовательны. В Баку до сих пор сохранились шедевры архитектуры, построенные армянскими архитекторами, в том числе и Никогайосом Баевым.

Да, судьба Агулиса была предрешена давно. Но зачем так долго тянули с его смертью, ведь можно было начать в том же 1998 году, когда начали истреблять хачкары Джульфы? А смысл видится всё тот же: бессилие что-либо доказать миру. Бессилие утвердить на обретённых землях жизнь высшего порядка, за которую так много проливалась и азербайджанская кровь, где вместо стилоса и резца работает топор и кирка. Метр за метром в схватке с самой жизнью вместо храмов и садов возникают горы взорванной руды, радиоактивный фон, опустошение. Конечно, после войны 2020 года не обошлось без «картинок с выставки»: на оккупированных территориях появился аэропорт (Физули), гостиницы, магазины и кофе «Старбакс» как партнёр алиевского режима по продвижению ЛГБТ-повестки в Закавказье.

СПАСЁННАЯ ДУША ШУШИНСКОГО КОВРА

27 сентября 2020 года, в воскресенье, весь мир узнал, что Азербайджан напал на Нагорный Карабах. В историю эта война вошла как 44-дневная. И когда вся пропагандистская машина и медиа России по заказу азербайджанского лобби обрушились на армян с подлостью и ложью, и даже злорадством за то, что «армяне ушли на Запад», греки в эти дни писали:

«Армяне не сражаются как герои. Они сражаются, как армяне».

Гарь от пепелища, в которую превратились райские кущи Арцаха, медленно рассеивалась. Хтоническими кадрами были и те, на которых дикие кабаны пожирали азербайджанские трупы. Постепенно приходя в себя, мы узнали, что Россия всё-таки предоставляла армянам военную помощь, и даже осторожные грузины давали сухопутный коридор. Но этого было очень мало для того, чтобы выстоять. Правильно сказал второй Президент Армении Роберт Кочарян, выступая на заседании армяно-российского политического Лазаревского клуба (который организовал Константин Затулин), отсеяв всю многословную и многослойную софистику:

«Союзник Турции выиграл, союзник России проиграл».

Война 2020 года в Арцахе открыла правильным русским людям очень многое. Самое главное, в этом зеркале они увидели страшные трагические картины своей будущей войны за Донбасс. Словно пришёл в действие закон золотого сечения в

худшем его воплощении: как Россия отнеслась к Арцаху, так и весь мир отнесётся уже скоро к России. Она останется с врагом один на один, как и армяне, оболганная, ошельмованная всеми. В декабре 2023 года Татьяна Пылаева из Нижнего Новгорода писала:

«После войны за Арцах я поняла, что современные войны — нечеловеческие. Не бесчеловечные, нет. Нечеловеческие. Азербайджанские солдаты расстреливали пленных армян. И это было снято на видео. В принципе, ничего нового — на войне убивают, убивают пленных, убивают мирных, своих, бывает, убивают. Но в данном случае это действие увековечено в сети, и теперь матери азербайджанских солдат вечно смогут смотреть, как их дети убивают, а армянские матери — как их дети умирают. И дети этих убивающих и умирающих тоже смогут смотреть. Наши военкоры в массе своей, может, и спецы в военном деле (хотя вряд ли), но в человеческом измерении они слепоглухие идиоты. Редко кто из них не выкладывает видео с умирающими и умершими солдатами — нашими, украинцами. А это неправильно. Здесь нет уважения к смерти. Здесь нет уважения к людям. Из людей делают зрителей. Не должна видеть мать, как умирает её сын. Не должна видеть мать изуродованный труп своего ребёнка. И жена не должна. И дети не должны. К ним должен приехать однополчанин погибшего солдата и всё рассказать. Через человеческое слово «смерть» воспринимается иначе».

Так, с конца сентября, весь октябрь, полтора месяца вплоть до первой декады ноября, когда были подписаны Шушинские позорные протоколы, армяне мужественно сражались за свою родину. По ту сторону стоял альянс Азербайджана, Турции, Великобритании, Израиля, Пакистана. Свою книгу «Чёрные рыбы. Удинский акафист» я писала на фоне событий Арцахской войны 2020 года. В феврале 2021 года она за неделю до начала СВО была представлена мной в отеле «Ани-плаза» в Ереване. А в январе 2021 года по горячим следам Арцахской войны написала эти строки:

Мой армянин, говори громче, не слышу.

Найди же место, где соль превратится в сладость.

Мне от Дона до твоего Сарыкамьша
Снова осталась самая малость.
С земли сошла кровавая пена.
И братья твои домой вернулись.
Но болит у меня яремная вена,
Как будто мне её грыз Анубис.
Встань и смотри из тишины сожжённого сада
В нестерпимый свет, где дом никогда не сгорит.
Сердце твоё разрубили на тысячи зёрен граната.
Но тело твоё – гранит.

В марте 2021 года я дала в Ереване развёрнутое интервью журналисту «Пастинфо» Лане Мшецян. В эфире передачи я сказала, что одним из главных трагических активов последнего столетия для армян всего мира был геноцид, который рассматривался в разных полях: политическом, международно-правовом, культурологическом, историческом. Это был огромный массив знаний, которые армяне использовали для защиты своих интересов, своей национальной идентичности. Когда Турция стала доминировать в нашем регионе, разумеется, первыми почувствовали это давление армяне. Самым большим парадоксом для меня, человека, занимающегося армянской историей и культурой, было то, что в 2015 году весь армянский мир с огромным воодушевлением отмечал трагическую дату – 100-летие геноцида армянского народа в Османской империи...

Отвлекаясь от интервью Лане Мшецян, я вспомню сейчас о том, что к 100-летию трагедии французский историк, геноцидовед, профессор Сорбонны, заслуженный директор Французского института геополитики Раймон Кеворкян выпустил монографию «Армянский геноцид. Полная история», которая вышла в Центре арменоведческих исследований АНИВ при поддержке строителя, мецената и основателя Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона Варткеза Баграговича Арцруни.

Я встречалась с профессором Кеворкяном в апреле 2015 года в Москве, когда он приезжал в Россию вместе со своей супругой. Когда я стояла у «Никольской-плаза» и ждала профессора,

мне вдруг позвонил Ашот Джазоян и сказал, что завтра в Доме журналистов состоится презентация книги Раймона, организатором которой он и выступил. Я сказала ему, что обязательно приду, но сейчас у меня с господином Кеворкяном интервью для издания «Собеседник Армении».

Тогда профессор говорил мне о том, что в последние двадцать лет тема Ай Дата стала привлекать к себе больше внимания. Упомянутая книга вышла на французском языке в 2006 году, а в 2015 году увидел свет её перевод на русский язык. Автор считает свой труд во многом новаторским, поскольку он основан в первую очередь на анализе источников, созданных практически сразу же после кровавых событий.

Первым турецким историком, громко заговорившем о признании Геноцида армян в Османской империи, стал Танер Акчам. В 1970-е годы этот выдающийся человек нашего времени отсидел за свои научные изыскания в тюрьме. Несколько лет назад его книга «Преступление младотурок против человечества» стала европейским бестселлером. Турецкий коллега – большой друг господина Кеворкяна, и оба они признают важность этого уточняющего диалога. Доктор Акчам уделяет наибольшее внимание идеологическому ракурсу проблемы, тогда как Раймон Кеворкян исследует её в рамках академической науки. При этом он сочетает микро- и макроисторический подходы: общие выводы делаются им на основе изучения конкретных данных по каждому вилайету Османской империи (полные списки жертв, графики массовых убийств и зачисток, маршруты депортаций и т.п.).

Профессор говорил, что роль курдов как карателей явно преувеличена, тогда как черкесы, действовавшие по приказу турецких властей, принимали самое активное участие в событиях 1915 года. Раймон Кеворкян также упоминает о расхитителях, которые добровольно следовали за карателями с целью завладеть собственностью их жертв. Учёного интересует экономическая сторона вопроса: он изучил огромное количество документов по конфискации движимого и недвижимого имущества, аннулированию банковских счетов. В этом контексте он упоминает о таком явлении, как «стимулирование сотруд-

ничества», чтобы потомки жителей Западной Армении могли совместно выступить для защиты своих прав.

Предки Раймона Кеворкяна являлись уроженцами Харпута, одного из античных городов, расположенных вблизи Элагыза. Сегодня во Франции проживает уже третье поколение их потомков. Когда он упоминает слово «поколение», то невольно переходит к теме формирования новой армянской элиты, которая могла бы и в дальнейшем доносить до молодёжи память о том страшном времени. После того как в апреле 1915 года была истреблена практически вся армянская интеллигенция, армянская нация была обезглавлена. Несмотря на огромное количество творческих и научных деятелей, это и сегодня отражается на её генофонде. «Армяне – универсальны, – говорил мне Раймон. – Это единственная нация, которая не может смириться с огромными человеческими потерями. Это – наша гуманитарная миссия, человечество должно предотвращать массовые истребления, а в истории прошлого века их произошло несколько – в Османской империи, Холокост и в Руанде 1994 года».

В 2015 году книга учёного должна была переводиться на турецкий язык. В своём человеческом и профессиональном оптимизме Раймон Кеворкян опирается на статистику: 33 % турок в возрасте от 18 до 40 лет признают фальсификации в Армянском вопросе. Этого недостаточно, но всё же была надежда, что фундаментальные исследования, подобные работе «Геноцид армян. Полная история», увеличат процент тех, кто, переосмыслив историю, отдаст свой голос за признание Геноцида армян.

Продолжая отвечать Лане на её вопросы, я артикулировала: армяне по всему миру громко говорили о своей беде, потому что понимали – угрозы не исчезли, идёт война в Сирии, армяны убивают в Алеппо, героически защищают армянские кварталы и всё мирное население добровольческие отряды в различных войнах на Ближнем Востоке. Прошло всего пять лет, а если считать с 2018 года, то 3 года, и оказалось, что все эти знания и факты вопиющих турецких преступлений не сыграли никакой

роли. Вместо этого в Армению пришли открытые протурецкие силы. Несмотря на то, что в каждой армянской семье есть своя неизбывная боль, получилось, что сегодня весь комплекс знаний не сработал как ресурс.

Я объясняла это падением пассионарности народа – в конфликтах с Азербайджаном погибли молодые мужчины, выбиты самых смелые, повсюду горе, и этот фактор просто ввёл армян в состояние ступора. «Не секрет, чем больше нация впускает в себя страх, тем менее она склонна размышлять. Но на самом деле, сейчас идёт очередной виток геноцида армян. И в это же время мы обсуждаем с высоких трибун, что турки и армяне должны помириться. Нет платформы для замирения. В Турции нет ни одной проармянской силы. Если бы была – можно было бы ещё это обсуждать. Но такой силы нет. Сразу после того, как Турция убивает армян, отнимает 70 % Арцаха, обсуждать вопрос сближения с Турцией, значит встать на позицию жертвы и того, кто будет тебя убивать завтра. Ведь мы прекрасно знаем, что 70 человек были убиты уже после заключения перемирия. О какой дружбе может идти речь?», – задавала вопросы я погерценовски, не давая на них ответ, помня, что «мы – не врачи, мы – боль».

Россия допустила ряд стратегических ошибок, – продолжала я, отвечая на вопрос Ланы о роли России в регионе. Я начинала отчет с 2008 года, с событий в Цхинвале. Уже после русско-грузинской войны, в 2010 году некоторые эксперты предсказывали будущий «оранжевый переворот» в Армении. Это было спрогнозировано за столько лет вперёд, но когда случились события апреля-мая 2018 года, все подумали, что это произошло «вдруг». На самом деле велась двадцатилетняя планомерная подготовка, ведущая к разрыву отношений внутри российско-армянского поля по всем сегментам. Россия лежала на печи, пока враги отжимали у нас поля влияния.

Осознав глобальную ошибку, Россия включилась в процесс в Арцахе, (ситуация тогда заходила в тупик). Когда вошли наши миротворцы, пошли гуманитарные грузы – это уже было правильно. Слишком поздно началась вести работа по

выстраиванию новой системы безопасности. Мы запустили в свой дом протурецкие силы. И проигрыш в Карабахской войне принёс истинным русским патриотам огромную боль.

Сдача Шуши стала геополитическим проигрышем Российской Федерации. Мы отдали этот город людям, которые хотят привести туда «тюркский мир», проводить какие-то фестивали по козлодранию в Шуши. И даже Гадрут, где никогда не жили азербайджанцы.

После того, как 24 марта алиевские оккупационные силы вторглись в зону ответственности миротворческих войск России в Арцахе, взяв под контроль село Парух Аскеранского района и прилегающие позиции, российский политик Михаил Делягин сказал: «Баку должен быть жестоко наказан за нарушение перемирия в Нагорном Карабахе и неподчинение российским миротворцам». Он, подчеркнув, что политика агрессии со стороны сателлитов американцев, в данном случае Турции, точнее, турецких прокси, несёт реальную опасность. Делягин предложил даже нанести по Азербайджану ядерный удар. Он и сегодня считает, что падение Арцаха – это стратегическая и репутационная потеря России.

А в тот приезд мы с Элиной Аракеловой и её дочерью Татой посетили Национальный Музей-институт архитектуры имени А.И. Таманяна, где открылась выставка спасённых шушинских ковров. Мы зашли в зал, и я сразу увидела мужчину, который рассказывал посетителям об экспозиции. Он обратил на меня внимание, я представилась. Оказалось, это был сам коллекционер, основатель Шушинского музея ковров в 2011 году, большой знаток этого древнего армянского ремесла сродни искусству, бывший советник Президента Республики Арцах Вардан Асцатрян. Он заметно потеплел, потому что знал о Викторе Коноплёве, моём друге и основателе портала «Наша Среда», посвящённого российско-армянским отношениям, который я уже год редактировала. Конечно, именем Виктора, имевшего огромные человеческие связи с армянами Арцаха, можно было открывать любые арцахские двери. Он проводил в республике не только Дни русского языка вместе с главным

специалистом Министерства образования НКР Рубеном Осиповым, а с Верой Таривердиевой Дни Микаэла Таривердиева, приезжая даже в школы арцахских деревень. Виктор по горячим следам преступлений алиевского режима снимал фильмы в серии «Арцах непокорённый». В том числе и про село Талиш в апреле 2016 года, где убивали мирное население, резали уши армянским старикам. В конце концов, Виктор известен как автор русского текста гимна Арцаха, а также поистине знаменитого стихотворения «Люблю Армению по-русски». На эти слова написал музыку замечательный композитор и певец Игорь Демарин.

Да, режим Алиева в своих захватнических планах никогда не выпускал из виду армянское культурное наследие. Шушинские ковры, как и древние земли, всегда были у него отдельной статьёй грабежа. Говоря образно, если Ильхам, как одержимый, гонялся за армянскими головами, то ему важно было ещё и поработить тела армянских ковров и часть из них дорого продать за валюту, а честь подвергнуть переатрибуции, как ему это удавалось делать даже с экспонатами Государственного Эрмитажа.

Как его турецкие и западные партнёры сегодня подвергают уничтожению или дрейфу саму человеческую идентичность по половому признаку, так он придавал армянскому наследию вид то албанского, то «древне-азербайджанского». По правде сказать, эта захватническая политика всегда была частью программы племенного сознания закавказских тюрок.

А в ноябре 2020 года армянские воины мужественно боролись за свой родной край и стояли под Шуши, готовясь его отстоять. Военное преимущество на этом фронте было на их стороне. Вардану за пару дней до сдачи Шуши в кабинетах Алиеву (предателями сдан был также и Гадрутский район) удалось эвакуировать экспозицию музея: боевые подразделения Азербайджана приблизились к Шуши на расстояние порядка 4-5 километров. Как вспоминал позже Вардан в интервью газете «Ноев Ковчег», по городу кроме артиллерийского обстрела уже били оперативно-тактическими ракетами, одна из них

взорвалась вблизи здания музея с такой силой, что разлетелись всё стекла и двери. Он позвонил министру образования и культуры Лусине Караханян и попросил предоставить транспорт для вывоза ковров. Эвакуацию решили провести ближе к ночи, незаметно для вражеских беспилотников. Всё делалось в большой спешке. Машина из Шуши выехала в Ереван. Сам Вардан в столицу Армении не поехал. Но согласовал вопрос размещения экспозиции в Национальном музее Армении.

Он подтверждает: все участники процесса спасения ковров действовали слаженно и проявили высокую порядочность. Учёт количества экспонатов не вёлся, при этом не было утеряно ни одного спасённого ковра.

Ещё год назад, в октябре 2019-го, мне приходилось проезжать мимо этого музея в Шуши вместе с моим другом, переводчиком Арамом Оганяном. Мы возвращались в Степанакерт из-под Шушинской скалы, побывав в селе Каринтак. Очень торопились, и я отметила с сожалением, что нужно сюда когда-нибудь вернуться и всё внимательно посмотреть. Тогда в Шуши шёл сильный дождь, и мы проезжали мимо картинной галереи. Не обратили внимания на время и постучались. Навстречу нам вышел вооружённый охранник и сказал, что, к сожалению, музей закрыт. Мы немного походили по подворью. Просто не могли уехать сразу, хотелось постоять у памятника спартапету Вазгену Саркисяну, который сидел на лавке возле музея. Именем Вазгена Саркисяна, убитого в ходе нападения террористов на Парламент Армении, в Степанакерте была названа одна из главных улиц.

Эта картинная галерея была тоже, как и музей ковров, культовым местом. Ей угощали всех гостей Арцаха. Отчасти я сама была свидетелем формирования коллекции картин в 2010 году. Когда московская общественная организация «Друзья Арцаха» бросила клич о том, что будет открыта галерея. Большую роль в создании коллекции сыграли последний министр геологии СССР академик Григорий Аркадьевич Габриэлянц и член РАХ, живописец Юрий Григорян. В работе принял участие и сын Юрия Суреновича Юрий Григорян-младший, тоже известный

московский живописец. Свои работы дал Народный художник СССР Николай Никогосян, народный художник Армянской ССР Лавиния Бажбеук-Меликова. Несколько своих работ подарил в фонд рождающейся экспозиции друг Григорьянов Сергей Марченко. В мае 2013 года в «Собеседнике Армении» вышел мой очерк «Старик Артюш и «Женщины Карабаха» Сергея Марченко». Сергей в 2000-е годы провёл в Арцахе два сезона. По приглашению Юры он жил в его родовом селе в Мардакертском районе, много общался с жителями близлежащих деревень. А на пленэр иной раз ездил на лошади и удалялся высоко в горы. Арцахские образы остались на его полотнах: деревня Цоватех, храмы, уставшее, мудрое лицо старика Артюша (у которого жил Сергей), мальчик у тандыра, знаменитый двухтысячелетний платан, где можно от дождя укрыться даже небольшому стаду ...Сергей поражался там многому: необычному цвету неба и достоинству собак, самостоятельно, без хозяина, пасущих овец. Красоте и немногословности женщин, тому, как терпеливо позировали старики – ведь нужно было час-полтора провести без дела. Сергей говорил, что многие из них подсматривали за его работой.

А Национальная картинная галерея НКР открылась 9 Мая 2011 года. По инициативе Аркадия Габриэлянца был создан Государственный музей изобразительных искусств города Шуши. Он открылся в мае в 2013 году, разместившись в старинном шушинском гостевом доме.

Открывались в эти годы в Арцахе и творческие площадки. В центре Степанакерта в кафе «Корни» часто собирались молодые музыканты, литераторы, журналисты. Тут же часто проходила ярмарка ремёсел. А недалеко от музея ковров появился филиал центра «Нарекаци», где занималась искусствами молодёжь.

Те русские, которые любили Арцах, мечтали о создании музея русской культуры. Ведь Шуши посещал и прославленный живописец Василий Верещагин: в 1864 году он провёл здесь пару месяцев на этюдах. Посещал его и Осип Мандельштам с Надеждой Яковлевной осенью 1930 года, где они стали свидетелями последствий поистине средневековой жестокости за-

кавказских татар. Есть серьёзное предположение, что в Шуши Михаил Юрьевич Лермонтов делал отметку в комендатуре.

Выставка шушинских ковров работала в Ереване несколько месяцев и что важно — бесплатно. В залах музея было многолюдно. Посетители имели возможность послушать удивительный рассказ Вардана об этих шедеврах ковроткачества. Сама история спасения коллекции ковров, а их представлено здесь 72, удивительна. Когда Армия Обороны Арцаха была ещё готова отстаивать Шуши — один из центров Российской империи наряду с Александрополем и Тифлисом (Шушинскую крепость захватить невозможно, её можно было только сдать), Вардан Асцатрян стал готовиться к спасению коллекции. Сегодня ей можно было бы украсить любой музей мирового уровня. Ковры эти бесценны, потому что по ним можно проследить и историю армянского народа и, увы, утрат исторических земель, и попытаться понять его ментальность.

В самих коврах скрыто много тайн. В их узорах есть символы, знаки, которые уходят и в саму армянскую идентичность, и в универсальный праязык всего человечества. Среди них, например, дерево жизни, символ, относящийся к урартийским временам. Среди экспонатов — не только ковры, но и хурджины, и сумки для приданого. Шушинские ковры нашли временный приют благодаря директору музея Марку Григоряну. Среди экспонатов были ковёр «Звезда Богородицы», созданный во второй половине XIX века в Севкаре Иждеванского района; вишпагорт (ковёр с драконами) из Шахмасура Мардакертского района; ковёр «Астхатаб» («Звездопад») из Мушкапата Мартунинского района; ковёр «Седьмой день» из Алгули Кашатагского района; хачагорт (ковёр с крестовым узором) из Зангезура; ковёр «Метаморфоза» из Патара (Птерцика) Аскеранского района; ковёр из Харберда XVIII века из Западной Армении. Наконец, «житель» самого Шуши — ковёр «Мегу» («Пчела»), созданный во II половине XIX века... К сожалению, многое из артефактов, в музее ковра в Шуши захватил враг. Ведь в коллекции Вардана хранилось около 300 ковров, и благодаря его мужеству из Шуши было вывезено 160.

НАЧАЛО МОЕЙ РУССКОЙ АРМЕНИИ. ГДЕ МЗЫМТА ВПАДАЕТ В ЧЁРНОЕ МОРЕ

Моя армянская история началась больше двадцати лет назад, летом 2001 года. Когда я приехала в Адлер и поселилась на улице Голубой в районе «Южных культур», в том самом месте, где горная бурная река Мзымта, берущая начало на южном склоне Главного Кавказского хребта, впадает в Чёрное море. Ветра на побережье дуют часто, особенно местные жители боятся новороссийского, ведь он всегда приносит с собой разрушения. Несколько лет назад в горах продолбили туннель, и природа стала мстить: летние месяцы теперь бывают холодными и неурожайными.

Мы познакомились в это лето со Светланой Акоюн. Моя мама сняла комнату у её бабушки – Эммы Урумян. А я летела сюда из Москвы попозже. Прямо перед моим приездом море сорвалось с цепи, разбушевавшись до десяти баллов, разломало бетонные волнорезы, разбросало их по пляжу, как спичечные коробки, смыло дома и огороды. К счастью, жители Голубой не пострадали. Им было не привыкать спасаться от стихии бегством, прихватив с собой только ценные вещи. Хоть это место было и беспокойное, людей всё равно сюда тянуло, и после каждого большого шторма многим пришлось отстраиваться. Тогда же ветра ломали реликтовые деревья из расположенного неподалеку дендрария, который в 1911 году заложил известный ландшафтный дизайнер Арнольд Регель, там росли японская камелия и веерная китайская пальма...

Муж Эммы Урумян строил этот дом для своей молодой семьи. Во дворе пахло куриным помётом, сохнущим на пятидесятиградусной жаре, базиликом. Эмма прожила здесь больше полувека. Многие гости, снимавшие у неё комнату или

временку, становились друзьями семьи на всю жизнь. Особо близких Эмма и потом в своём доме привечала, но денег уже не брала. В её фотоальбоме, который он любила пересматривать вместе с гостями, много было и фотографий, присланных в благодарность за гостеприимство, со всей нашей большой страны – от Риги до Сибири. Столько же было своих собственных.

И я в первое же купание поранила ногу о разлом волнореза, заросший скользкими водорослями и сотнями маленьких ракушек, острыми, как бритва. К тому же рану быстро забил песок. И Света мне её так быстро и ловко промыла, что рана даже не загноилась.

Светлана рассказала мне историю удивительного спасения её предков из Трапезунда. Фамилия Урумьян исходит из Западной Армении и означает она «грек». Накануне геноцида в 1914 году один из родственников почувствовал приближающуюся угрозу физического уничтожения армян здесь, на амшенском побережье, и сумел вывести всю семью на российский берег Чёрного моря. В Турции осталась лишь одна девочка. Турки воспитали её как родную. Только в 1960-е годы она смогла приехать в СССР и обнять своих близких. С 1962 по 1982 год шла ещё одна масштабная волна репатриации в СССР.

Однажды в сильную жару мы сидели во дворе со Светланой и её тетей Тамарой, младшей сестрой матери, которая и сама была очень молодой женщиной. И вдруг я услышала, как на улице заиграл какой-то ранее не известный мне музыкальный инструмент, с сильным резким пронзительным звуком.

– Журна, – сказала Тамара. – Свадьба армянская идёт... Сейчас будут петуху голову отрывать у дома невесты.

Всё было так удивительно и пугающе, что я даже не вышла посмотреть на это шествие. Но поразились: Армения и вправду была где-то рядом.

УВЕРТЮРА К ОРАНЖЕВОМУ ЕРЕВАНУ

Оранжевый Ереван мог появиться гораздо раньше, чем Майдан в Киеве. Но его зародыш жёстко уничтожил уходивший с поста Президента Армении Роберт Кочарян. Правда, от рецидива, вспыхнувшего через десять лет, это республику не спасло.

Удар, который Запад попытался нанести по Еревану в период смены президентов, он обрушил на Тбилиси в августе 2008 года. Грузия была вынуждена под давлением НАТО напасть на Южную Осетию и войти в прямое военное столкновение с Россией и проиграть. Позже лидер «Славянской гвардии», прошедший весь путь от событий февраля 2014 года в Киеве до военной операции на Украине (он и сейчас в строю), Владимир Рогов в интервью журналисту канала «Наша Среда online» Карену Григорьяну говорил о том, что миром правят символы и знаки. На Майдане в Киеве были убиты гражданин Украины, этнический армянин Сергей Нигоян и приехавший защищать «демократические свободы» из Гомеля белорус Михаил Жизневский. Этими сакральными жертвами Запад посылал меседж, что следующими республиками, которые он будет взрывать, станут Армения и Белоруссия.

Примечательны факты биографии Сергея Нигояна:

Родился в 1993 году, уроженец и житель села Березнатовка Днепропетровской области. Его семья приехала на Украину, спасаясь от войны в Нагорном Карабахе.

На Евромайдан приехал 8 декабря 2013 года.

После его смерти 20 февраля 2014 года члены объединения Никола Пашина «Гражданский договор» в Спитаке, носящей имя Виктора Януковича, прикрепили на трёхстороннюю вывеску с именем Президента Украины плакаты на армянском и украинских языках: «Площадь Сергея Нигояна. Мальч

Майдан».

Вот такие демонстративные акции были возможны во времена правления Сержа Саркисяна. Как и приглашение секретаря НАТО Йенса Столтенберга и подписание различных договоренностей с Западом, в том числе и «Восточного партнёрства».

Если бы Кочарян не остановил кровопролитие в марте 2008 года, когда бесчинствующая толпа, направляемая первым Президентом РА Леоном Тер-Петросяном, громила автомобили, магазины, вооружённая палками и заточками, приветы белорусам и украинцам передавались бы с ереванской площади Республики. Но в Армении погибли только её граждане. И эта сакральная кровь, пролившаяся в антигосударственных митингах, ещё не раз будет использована против Кочаряна и России.

Впрочем, и в Киеве в эти годы майданы шли постоянно. После развала СССР вопреки заявлению Леонида Кравчука о том, что Украина будет новой процветающей Францией, она вошла в полосу политической нестабильности. Проект «Украина» начался несколько веков назад при поддержке поляков, османов, а потом немцев и австровенгров. Оторванные от своего великого русского этноса малороссы прошли перепрошивку и стали АнтиРоссией. Это не могло не привести к трагедии. Подробно об этом пишет Николай Ульянов в исторической монографии «Происхождение украинского сепаратизма».

Политику врагов «разделяй и властвуй» испытывает многие века и Армения. Так технологи сделали из арцахских армян АнтиАрмению. А сейчас армянский народ ещё стоит и перед угрозой быть разделённым, имея многочисленную общину в России, в то время как Восточная Армения стремительно уходит под влияние турок и их западных партнёров. Враги разработали тезисы о том, что карабахский клан виноват во всех бедах Армении, «вот сдадим Арцах и заживём», «турок уже не тот». Многие жители Хайстана утратили понимание того, что именно Арцах является гарантом их безопасности. Ведь Арцах был нужен турецко-азербайджанскому тандему как плацдарм для нанесения удара по Сюнику с целью пробить

Сюникский (Зангезурский) коридор, который мог бы соединить Азербайджан с Нахиджеваном. Кстати, так называемый «Зангезур» – это искажённо-отуреченное название армянского гавара Дзагедзор (дословно «ущелье пещер»). В книге Дереника Демирчяна «Вардананк» допущена грубая ошибка, ибо никакого «Зангезура» во времена армяно-персидской войны не было; это искажение появилось значительно позже – с перекочёвкой огузов на Армянское нагорье в XI-XII веках. А во времена персидской войны Сюник по-армянски так и назывался. Как пишет в комментариях переводчик «Вардананка» А.А. Тадеосян, Сюникский край был наследственным уделом князей Сюни – первых по старшинству («первотронных») нахараров древней Армении. Персы же называли его Сисакан.

Тот, кто знал, что происходит внутри социально-политического, да и стремительно оскудевающего культурного поля в республике, хорошо понимал: рано или поздно рванёт. Слишком старательно были подобраны все обстоятельства для этого. Именно в Ереване было построено самое крупное в мире посольство США, откуда велась работа по всему Закавказью, и также шёл сбор информации по Ирану.

Армения была одной из советских республик, где ситуация дестабилизации накануне развала СССР имела ещё один фактор – Спюрк. Кроме Армении таким детонатором обладала Украина, имеющая диаспору в Канаде; Туркмения, которая не пустила после развала СССР на родину этнических туркмен, после Великой Октябрьской революции ушедших в эмиграцию в Афганистан. Разница между Арменией и названными республиками состояла в том, что Армения была структурно сильнее, потому что имела большой опыт государственности.

Мой друг, физиолог, преподаватель Ереванского медицинского университета им. Мхитара Гераци, историк, большой поборник русско-армянского союза, чьим предком был сам Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, Эдгар Мирзоян пишет: «Среди советских республик лишь несколько тех, кто до вхождения в СССР имел опыт государственности. Среди них была Россия, Литва, Армения, Молдова, Грузия, частично легшая на армянские исторические земли, в становлении госу-

дарственности которой участвовали армянские роды». Среди армянских государств он отмечает Хайасу, Биайнили, Великую и Малую Армению, Киликийскую Армению.

Говорит Эдгар ещё и о том, что «на территории бывшей Российской империи существуют только две нации, которые имеют право заявить о постигших их бедах, начиная с марта 1917 года. Первая нация – русские, которые пострадали, по сути, по собственной вине, как бы печально это не звучало. Вторая нация – армяне, которые также пострадали как по своей вине, так и по вине старых нерешённых проблем». Ни один другой народ, по мнению Эдгара, не имеет никакого права утверждать о своих страданиях, как в Российской империи, так и при падении монархии. Все остальные народы грязно нажились на бедах русских и армян. Когда о своих «старых бедах» вопят грузины, турки различных мастей, малороссы, белоруссы, прибалтийские славяне и угро-финны, нелишне отметить всем этим плакальщикам, что именно они после падения монархии получили большие территории именно от России (зачастую коренные русские земли) и от Армении. И не один из вопящих народов не подвергался геноциду и унижениям, как армяне и русские».

Последняя тысяча лет для Армении, начиная с нападения сельджуков на армянскую столицу Ани в X веке, выдалась сложной. К этому времени уже много веков существовала, в том числе и на островах своих исторических потерянных земель и Спюрка. Армения после развала СССР подошла вплотную к самой опаснейшей фазе своего существования – обскурации. Однако только связи с Россией при всех несовершенствах, а подчас и откровенной армянофобии в её элитах, снова, как и сто лет назад, даёт ей надежду на жизнь.

К сожалению, сегодня со стороны Российской Федерации, не выработавшей за эти десятилетия национальной идеологии и программы стабилизации постсоветского (евразийского) пространства, стало почти традицией слать армянам, да и другим народам СССР, обвинения в развороте. Хотя армянофобия в России при торжестве деструктивных тенденций имеет хронический характер. Это всегда несло угрозы для существования самого

русского народа. Если бы у русских не было бы армян, их следовало бы придумать. Так как именно армяне являются нашей «сигнальной системой».

Тут поражают даже исторические совпадения. Через два года после геноцида армян 1915 года рухнула Российская империя.

После Арцахской войны 2020 года через те же два года пришла война и в русский дом.

При ослаблении самой России фактор Спюрка мог сыграть только негативную роль, которую он и играл уже в «перестройку». Если бы Россия была сильной и не сделала свой выбор в пользу Турции и Азербайджана как новых стратегических союзников и партнёров по рынкам в угоду Западу, Спюрк бы не смог раскачать лодку на своей исторической родине. Более того, большинство армян Спюрка всегда являлись сторонниками крепкого российско-армянского союза. Так как многие из них уезжали во Францию, Ливан, США, Польшу или Китай в результате катастрофы Русского мира, частью которого они являлись. И продолжали в этих странах говорить по-русски, живо интересовались событиями в России. От бывшей метрополии они духовно неотчуждаемы. Традиционно про-российскими были и члены армянской партии рамкавары, имевшими в Ереване своё издание. Публиковала там я свои материалы благодаря её редактору Гоар Исаханян. Кстати, когда ситуация в Армении стала ухудшаться, Спюрк стал сам искать выходы на российских проармянских журналистов и культурологов, потому что только четырёхугольник Армения-Арцах-Россия-Спюрк мог выдержать давление Турции, Азербайджана, Израиля, Пакистана и их западных партнёров.

После того, как мы с Павлом написали книгу о Таманяне, азерпроп стал активно дискредитировать его личность и архитектурное наследие. Азербайджанцы любят и этот миф о том, как «варвар Таманян во время реконструкции уничтожил древний тюркский Иревань».

На самом деле Александр Таманян – это один из пяти выдающихся советских архитекторов (по мнению историка архитектуры Давида Аркина), ученик русского архитектора Алек-

сандра Померанцева в Императорской академии художеств. Он принадлежал к плеяде творцов, среди которых были Евгений Лансере, Владимир Щуко, Александр Бенуа. В 1914 году его доходный дом на Новинском бульваре, построенный по заказу князя Сергея Щербатова, был признан лучшим зданием Москвы. А зодчий получил золотую медаль.

Пришлось писать о том, что на самом деле Таманян снёс грязные трущобы в центре Еревана, по которому ходили верблюжьи караваны, и построил один из лучших городов не только в СССР, но и в мире, объединяя принципы классицизма и армянские архитектурные традиции.

На помощь пришли армяне из Великобритании, они перевели мою статью на английский язык и разместили её на крупнейшем диаспоральном ресурсе «Azbares». Речь шла о том, что азерпроп фальсифицирует армяно-русское культурное наследие, выпуская лживые грязные инсинуации о том, что в «Черноморско-Каспийском регионе Таманян более известен как разрушитель исторического Иревана, азербайджанского города, переданного в 1918 году армянам под столицу слепленной кое-как из земель других народов Армении». У алиевского писака Зульфугара Ибрагимова были пассажи и попричудливее:

«Таманян не внёс особого вклада в архитектуру России, зато оказал неопределимую услугу соплеменникам, мастерски стерев с лица земли все следы азербайджанской и мусульманской культуры и цивилизации. План реконструкции Еревана от 1936 года — это масштабный акт вандализма, по степени цинизма несравнимый ни с чем. Благодаря Таманяну арменизированный Ереван не сохранил никаких признаков исторического города, что, впрочем, очень осложнило задачу армянской стороны при подготовке торжеств по случаю фальшивого юбилея столицы. Кроме того, столица Армении была спроектирована с учётом вида на гору Агрыдаг, чтобы последующие поколения армян могли созерцать объект недостижимых фантазий армянства и постоянно подпитываться ненавистью. Всё продумано, всё учтено».

Писал всю эту несусветную чушь азербайджанский пропа-

гандист, имя которого ничего не скажет ни одному историку архитектуры в мире, о великом зодчем. В свой русский период он успел сделать очень много: раставрировать армянскую церковь Святой Екатерины на Невском проспекте в Санкт-Петербурге и особняк петербургского аристократа, действительного статского советника и церемониймейстера двора Его Императорского Величества Василия Петровича Кочубея в Пушкине. В честь Таманяна в Москве уже давно висит мемориальная доска на фасаде шедевра на Новинском бульваре. А за год до этого он был награждён золотыми булавками с алмазами самим Николаем II за строительство в Ярославле выставки к 300-летию Дома Романовых. Посмертно он был награждён и Сталинской премией второй степени.

Уже работая вместе с Павлом Джангировым над книгой о Каро Алабяне, я нашла в его архивах в РГАЛИ статью Давида Аркина о довоенном Ереване. Известный советский историк архитектуры поехал в Ереван, который после награждения Таманяна премией за проект Дома Правительства Армянской ССР, стал привлекать внимание архитекторов всего Советского Союза.

После возвращения из Еревана Давид Ефимович написал статью «А.И. Таманян», где он говорит о том, что «архитектура Советской Армении имеет ярко выраженное лицо. Приезжая в Эриван, попадаешь в город, замечательный не только своим природным окружением, но и архитектурным пейзажем». Вот ещё цитата: «Архитектор выработал свой стиль, иногда несколько статичный и тяжёлый, но всегда отмеченный печатью подлинного и большого искусства. В композициях Таманяна неизменно присутствуют суровый эпос армянской земли, видевшей в прошлом так много войн и страданий. Ереван гордится многими постройками Таманяна: монументальный театр замыкает собой узел основных магистралей города, здания Политехнического института, обсерватории, Публичной библиотеки принадлежит к числу лучших образцов советской архитектуры. Но произведением, в котором с наибольшей силой сказался индивидуальный стиль мастера и его высший вкус, является, бесспорно, Дом Правительства на площади Ленина».

Позже с докладом на эту тему я выступила 2 ноября 2021

году на онлайн конференции, которую организовал в Санкт-Петербурге известный активист Ваган Бабаханян. Тогда же я подняла вопрос не только о клевете на выдающегося архитектора Александра Таманяна, но и о разрушении христианских и советских памятников на территории Арцаха. Заметив, что Алиев в своей практике не гнушается использовать взаимоисключающие приёмы, делая демократическую мину при плохой игре. При приближении празднования Великой Победы в 2020 году режим Ильхама Гейдаровича рапортовал о том, что Азербайджан в полной мере разделяет память о войне и погибших героях. Азербайджанцы участвовали и в Параде Победы на Красной площади. Однако закончился победный Май, и в сентябре началась война за Нагорный Карабах. И пропагандистская машина Баку показала всё, на что она была способна.

Азерпроп часто шёл по моим следам, схема преследования была примитивна. Если Олюнина писала о каком-то деятеле имперской или советской культуры армянского происхождения как о великом, нужно всё это описать, используя графоманскую лексику, да ещё со знаком минус. В психиатрии похожее качество есть у больных шизофренией, называется оно «негативизм». При этом на ходу придумывался культурологический контекст для проявлений откровенного бреда. Ведь Черноморско-Каспийский регион, где помнят Таманяна, по мнению Ибрагимова, как страшно беспрецедентного разрушителя, переключал из названия института, где я работаю. Разумеется, Давид Аркин для азерпропа не авторитет. Но упоминание творчества архитектора в геополитическом поле — это признак дурного вкуса и необразованности. Ну, не строил Таманян ни на Каспии, ни на Чёрном море, если не брать в расчёт его скромный особняк в Сукко под Анапой, где проживала его семья в свой последний русский период.

Мне давал свою отповедь и «геббельс» бакинской пропаганды Ризван Гусейнов. Он так гордился этим текстом, что даже выложил его на свой сайт. Речь идёт о том, что в 2019 году сотрудники его ведомства разразились статьёй «Как используют русских в Карабахе. Подробности провокации». Они

нашли любопытным тот факт, что «некая Валерия Олюнина» (почему-то азерпроп никак не может поверить в моё физическое существование) «написала о мечте русских Карабаха о новом храме и исторических российско-арцахских связях». После исторических стояла скобка с вопросительным знаком, а российско-арцахские связи закавычены. Как будто не было никогда ни письма арцахских меликов Петру I, ни Гюлистанского договора 1813 года, участия армян Арцаха в Великой Отечественной войне и маршалов Победы. И того факта, что советские военнослужащие помогали армянам строить Армию Оборона Арцаха, среди которых яркой личностью оказался генерал Анатолий Зиневич. Белые плиты, которыми был вымощен плац имперского русского гарнизона, я видела своими глазами в Степанакерте.

Эксперт НАН (тут просто лезет из «Чародеев» Научный универсальный институт необыкновенных услуг НУИНУ) Аполлон Сатанеев, в нашем случае Гусейнов, в свою очередь написал, как он поражён ложью и фальшью, которые благодаря пропаганде пустили корни в армянском обществе, приобретая всё новые очертания.

В моем материале Ризван нашёл проявления незнания материала. Скажем, я неправоммерно называю Физули арабским поэтом. Хотя известно, что Физули – литературный псевдоним Мухаммеда ибн Сулеймана, поэта и мыслителя XVI века из Ирака, входившего тогда в состав государства Ак-Коюнлу, а позднее государства Сефевидов и Османской империи. Физули был шиитом из Кербалы. Писал на арабском, персидском, тюркском диалекте, распространённом именно на Севере Ирана. Смог оказаться причастным к созданию поэзии Азербайджана имени Ленина в 1960-е годы. То есть только после смерти Сталина. В честь Физули азербайджанцы вдруг среди бела дня переименовали Карягин, основанный русскими. Алхимический этногенез тот же, что и «древне-азербайджанского поэта», а точнее, персидского Низами, мифического архитектора Керымлы, который якобы построил русским Кремль.

Также мне в вину вменялось то, что я ссылаюсь на книгу

«Жизнь и свобода» второго Президента РА, участника Карабахской войны 1990-х годов Роберта Кочаряна.

Писал доктор Ризван мне в назидание и о том, что мать священника, философа Павла Флоренского была не карабахской армянкой, а албанкой. Ризван заключает эту «экспертизу» так: «Армяне забывают о том, что за пределами Карабаха существуют огромный мир и международное право. Это выдаёт особый способ мышления и реликтовость понимания окружающего мира со стороны армянских националистов». Особенно сегодня актуальны упоминания о международном праве в контексте принятия резолюции Европарламента об этнических чистках в Арцахе в сентябре 2023 года. Тема армянских этнических чисток прозвучала и в принятой резолюции ПАСЕ 2527 от 25 января 2024 года и в главном докладе по Азербайджану. Так, Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла решение не ратифицировать полномочия азербайджанской делегации. Решение было принято 76 голосами «за» при 10 «против», 4 воздержавшихся. Резолюция была принята на основе доклада первого заместителя комиссии ПАСЕ по мониторингу выполнения обязательств стран-членов, а депутат от Дании Могенс Йенсен выступил на пленарной сессии. Власти Баку, поняв, что ситуация против них, приняли решение заявить о том, что они уходят сами.

Что особенно характерно для бакинской лжи, она разработала особый стиль письма, где на графоманию и незнание предмета накладывается эдакий слащавый стиль осьмнадцатого века вперемешку с чёрным юмором. При этом известного человека, имеющего статус, должность и имя, они всегда назовут «некто», налив псевдоперсидского сиропа, как будто имитируя переписку авторов «Задига» и «Персидских писем» с воображаемым визави.

На днях автор телеграм-канала «Щелчок Таноса» написал о том, что гуляя по азербайджанским информационным площадкам, наткнулся на текст о мифической азербайджанской коннице Кенгерли, которая по представлению очередного бакинского митрофанушки, чуть ли не входила в авангард русской

царской армии. Выдавая аргументы, которые противоречат друг другу, горе-историк приписал конницу Кенгерли, которое к тому же было потомками печенегов, к самому светлейшему князю Варшавскому, графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому.

Автор поста справедливо замечает, что в период правления Алиева фальсификации достигли огромных и нелепых форм. А ментальные преступления Алиева ужасны, так как их жертвами часто становятся целые поколения людей, а нанесённый им ущерб приходится восполнять в течение долгого времени». Как тут не вспомнить мысли известного российского Андрея Фурсова, которые он высказывает в книге «Россия между революцией и контрреволюцией. Холодный восточный ветер»:

«Одновременно с горячей войной, то переплетаясь с ней, развивается набирающая силу иная форма Холодной войны – организационная. Её главной целью является разрушение структур (структур управления) общества-мишени – всех: от социальных и финансовых, до структур сознания и познания, т.е. структур психосферы в самом широком смысле этого слова. Именно эта сфера постепенно становится основным театром действий организационной войны, которая в психосфере становится войной психоисторической. Психоисторическая война – это целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческая память, эмоции и т.п.) определённой группы, как правило, интеллектуальной и политической элиты, общества-мишени (или на это общество в целом) с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему) чуждые цели, задачи. Идеалы, картину мира и т.п. как якобы её (его) собственные. Задача проста – подавить волю к сопротивлению и экспроприировать общество в целом (ресурсы, территория, человеческий материал)...».

Как говорится, это было бы смешно, если бы не было так страшно. О деградации азербайджанского общества постоянно пишут и сами азербайджанцы, авторы оппозиционных каналов, которые причисляют себя к национал-демократам. Правда, их

критика режима Алиева не сулит ни русским, ни иранцам, ни армянам ничего хорошего. Они всё равно остаются врагами наших народов. А с кем они собираются бороться в парадигме восточной демократии, это вопрос неспрадный. Судя по их меседжам, Азербайджану с соседями не повезло. Спутя три года после того, как в 2020 году азерпроп своими блокировками выпилил мой профиль из фейсбука, моё имя там до сих пор под фильтром.

В эти же годы я стала выкладывать большое число статей о выдающемся государственном и военном деятеле Российской империи времен Александра II Михаиле Таризеловиче Лорис-Меликове, работая с оцифрованными материалами в ГА РФ. Азерпроп тоже не оставил это без внимания, разразился чудовищной по своей абсурдности статьей о том, что Лорис-Меликов способствовал росту терроризма. Хотя он был первым в России, кто начал эффективно бороться с терроризмом, применив свой многолетний военный и административный опыт, природный ум ещё задолго до того, как стал председателем Верховной Распорядительной Комиссии. Кстати, однажды и он получил свою пулю, которая застряла в шинели, что спасло ему жизнь. Мещанина Ипполита Млодецкого он отправил на виселицу без сожаления. В ночь перед казнью к Михаилу Таризеловичу просить за жизнь террориста пришёл известный русский писатель Всеволод Гаршин. Но великий русский государственный и военачальник был глух к просьбам подобного рода. Гаршин, уже сильно надорванный душевно, пройдя кровопролитную Балканскую войну, после этого визита покончил жизнь самоубийством.

Годами ранее после убийства террористами губернатора Харькова князя Кропоткина, Лорис-Меликов поехал туда и в течение десяти месяцев в городе встречали его аплодисментами за то, что он навёл там порядок. Во время его работы там сократилось даже число уголовных дел.

Венцом его деятельности в этой сфере было заполучение досье на всю верхушку террористов России. По его приказу адвокат запрашивал члена «Народной воли» Григория Гольденберга

(Биконсфильда, в честь британского политика русофоба и армянофоба еврейского происхождения). Прежде посулив ему то, что государство ищет пути примирения с террористами, так как их ожесточённая конфронтация только разрушает государство. Психически неустойчивый Григорий сдал всех. Осознав, что его провели, раскаялся, не выдержав мук совести, повесился на полотенце в камере.

Сам первый Президент Республики Армении Левон Тер-Петросян, при котором Армения погрузилась в средневековую темноту и холод, родился в сирийском Алеппо. Про него мрачно шутили, что он как бывший старший научный сотрудник Матенадарана и специалист по мёртвым языкам хочет, чтобы мёртвым стал и армянский. Как тут не вспомнить и чёрную шутку младотурок о том, что в мире должен остаться один армянин, и тот только в музее как экспонат.

Левон Тер-Петросян, как и многие руководители постсоветских республик, был слугою двух, а то и нескольких господ. Он был агентом КГБ и в то же время сотрудничал с израильской разведкой Моссад, где служил отец его жены Людмилы Плисковской. Был он и крестником математика и члена тайных обществ Франции Клода Мутафяна. Именно по французским лекалам он начал вытачивать свой алхимический инструментарий. Левон Акопович разделил современную армянскую историю и пронумеровал республики, чтобы из неё было легче вычлениить Вторую республику – Советскую Армению. И при этом он объявил партию национального толка «Дашнакцутюн» вне закона. Позже эту стратегию подхватит и его выученик Никол Пашинян, который запретил въезд в республику ряду радикально настроенных дашнаков Спюрка.

Левон Тер-Петросян или ЛТП, как звали его в народе, явился для армян поистине чёрным гением, в считанные годы развалив промышленность, науку, образование. При ЛТП шла безжалостная вырубка лесов, защищавших Ереван от пыльных бурь, несущихся из иракской пустыни. Людей можно было понять: на дворе стояли самые суровые зимы 1993-94 годов,

когда в квартирах уже без центрального отопления температура падала ниже нуля. Свет могли давать один раз в сутки в течение часа, и то по ночам, и за это время хозяйка должна была быстро приготовить поесть и постирать.

Интересный факт: в июне 1993 года умер известный вор в законе Сво Раф (Рафаэль Багдасарян), активно помогавший своим землякам в борьбе за Арцах. Хоронили его в Ереване, куда приехало много его соратников по криминальному бизнесу, среди них были и азербайджанцы. В эти три дня в Ереване дали электричество.

То, что к власти в 1990-е годы пришли политики с деструктивной психологией и программой уничтожения, ненавидящие свои народы, нет ничего парадоксального. Тому способствовало загнивание коммунистической идеологии в СССР, начиная с хрущевских времён, и отсутствие здоровых элит. Лучшие из лучших зализывали раны. Брала из худших.

В брежневское время СССР был уже прошит западной агентурой. Первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР русофоб Эдуард Шеварднадзе в годы Афганской войны информировал моджахедов о расположении советских войск. Гейдар Алиев, так же, как и Тер-Петросян, был агентом КГБ, но в период горбачёвщины, а может быть, и ранее стал активно сотрудничать с британской разведкой MI-6. Именно по британскому сценарию произошли Сумгаитские события, которые в угоду своим новым геополитическим партнёрам организовал Гейдар. Во время избиения армян и русских в Сумгаите и Баку с 27 февраля по 1 марта 1988 года бакинская пресса цинично писала о том, что армяне сами себя резали, чтобы дискредитировать пролетарскую дружбу двух народов. В это время озверевшие погромщики обливали армян бензином, жгли, забивали арматурой, выбрасывали младенцев с балконов. Про эти трагические события написано много статей, книг, создано документальных лент. Одним из азербайджанских писателей, вставших на путь покаяния, стал Акрам Айлисли, автор романа «Каменные сны». Его псевдоним говорил о том, что он выходец из Айлисли, армяне его называли Агулисом. Спустя двадцать лет после Сумгаитской резни риск быть уничтоженным таким же варварским методом

появился у настоящего бакинского интеллигента, выходца из Нахиджевана. У Акрама сложились тёплые отношения и с землячкой армянского происхождения Лусик Агулеци. Она была не только этнографом, но и популяризатором армянской культуры. Казалось, Лусик никогда не снимала с головы древний тараз. К сожалению, в 2018 году эта удивительная женщина ушла из жизни. А про Акрама Наджафа оглы, которому сейчас уже восемьдесят шесть лет, мы ничего не знаем. Ясно одно: алиевский режим применял и к нему свои методы, не выпустив из страны. Есть надежда, что в лучшем случае его посадили под домашний арест.

Сегодня самой главной причиной прихода цветной революции в ту или иную страну сами армяне называют отсутствие национального вопроса как такового. Причиной оранжевого Еревана они считают тотальную политическую безграмотность населения, отсутствие гражданского мышления, незнание истории, непонимание политики. Как пишет один мой армянский товарищ из Спюрка: «Чем безграмотнее (в буквальном языковом смысле, но также и в политическом, историческом, правовом и т.п.) населения, тем выше вероятность лёгкого внешнего манипулирования этим населением. А цветная революция и есть манипуляция населением посредством государственного переворота». В этом контексте хочется вспомнить и слова сербского писателя Милорада Павича об основной идее его постмодернистского романа «Хазарский словарь»: «Его можно читать как метафору всякого малого народа, чью судьбу определяет борьба высших сил».

Первыми приметам Оранжевого Еревана были немногочисленные активисты с плакатами против Президента РА Сержа Саркисяна возле театра Оперы и балета. На дворе стоял март 2018 года. Тогда ещё можно было гнать чёрные мысли из головы и наслаждаться цветением весны. В этот раз я прилетела в Ереван не одна, а со своими дочерьми. Они никогда прежде не были в Армении и, кажется, ревновали меня к армянам: ведь с ними я проводила много времени, как рабочего, так и дружеского.

Несмотря на то, что в воздухе уже висели кровавые тени геспереворота, эту поездку я вспоминаю как счастливое время своей жизни. Нас встретил в аэропорту Павел Джангиров. Это была первая наша встреча, имевшая для нас большие последствия в виде книг и наполняющих кухонных разговоров о культуре. Он повёз нас в Джрвеж, где хозяйка гостевого дома «Три кувшина» Нарине приготовила комнату с видом на фруктовый сад. С Нарине меня познакомила моя приятельница Нина Балаян, скрипачка из Эстрадного оркестра, которая работала с нами гидом в поездке в Арцах в июне 2010 года.

Мы поднимались наверх, и Ереван уже был в цвету. Но в Джрвеже почки на деревьях ещё не распустились, там прохладнее и летом ереванцы едут сюда спастись от жары. Каково же было удивление моих дочерей, когда они на следующее утро проснулись, распахнули окно и увидели, что абрикосовый сад зацвёл. Во дворе «Трёх кувшинов» под навесом работал и Бабик, один из армянских лучших художников по керамике. Все стеллажи здесь были заставлены чашками, подсвечниками, и можно было что-то вылепить с Бабином, чем девочки к своему большому удовольствию и занялись.

Нарине Карамян и её муж Карен Дадурян много путешествовали по миру. Попадали порой и в нетронутые цивилизацией края. Например, они сделали удивительные фотографии оазиса Сива, расположенном в пятидесяти километрах от египетско-ливийской границы, где жили берберы. Карен рассказывал о том, что миллионы лет назад эта пустыня была дном древнего океана. Работали они с дипломатическими миссиями за рубежом, служили в Египте и в Стамбуле, где у них завязались дружеские отношения с прославленным Глазом Стамбула, фотохудожником Ара Гюлером. Ара тоже приезжал в этот дом в Джрвеже. Он уже был очень стар. Ему уже даже не хотелось вставать, чтобы посмотреть, как специально для него в тандыре выпекают хлеб.

— Я видел это сотни раз, — отмахивался Ара.

Его выставку в Национальной галерее «Барев Дзес» я видела. Однажды Гюлер стал даже героем моего рассказа «Самый долгий намаз».

В том марте директор Дома Москвы Арминэ Гургеновна Тютюнджян сделала мой творческий вечер. Тогда мы и познакомились с Викторией Аракеловой, которая чуть опоздала, присев скромно у двери. И потом встала, чтобы сказать, что я описываю и чувствую Армению вне ориенталистики, что ей кажется правильным.

Арминэ Гургеновна после моего вечера предложила нам с девочками несколько дней пожить в гостевом фонде Дома Москвы. И для нас это было счастье, потому что жить в центре Еревана означало особое удовольствие. Прогулки по вечерней площади, красиво освещённой иллюминацией, мороженое, и, самое главное, напротив Дома Москвы стояла башня с часами, отбивавшими колокольным звоном гимн столицы «Ереван дарцац им Эребуни». Позже редактор моей книги «Другой», которую я выпустила в Ереване в 2014 году в издательстве Рубена Ишханяна «Оракул», Анаит Аюбян сказала мне, что в башенных часах бьют православные колокола.

В эти годы нас с Арминэ Гургеновной связала большая дружба, и я уже гостила в её уютной квартире, похожей на маленькую художественную галерею, когда она вернулась из Берлина.

Познакомила меня она в январе 2021 года с супругой второго Президента Армении Бэллой Легоновской Кочарян на дружеском обеде у их родственницы Марины Чатинян. В это время Левон Робертович ушёл на борьбу с пашизмом по следам отца. Надо сказать, что Кочарян-младший обладал популярностью в народе, так как от матери унаследовал не только красоту, но и открытый характер. Впрочем, от Роберта Седраковича ему досталось хладнокровие, которое он сохранял, даже выступая в парламенте, обращаясь к врагам своего отца. По любезному приглашению Бэллы Легоновской и их дочери Гаянэ я смогла провести несколько дней в замечательном отеле «Конгресс» рядом с памятником Степану Шаумяну, где творил кулинарные чудеса итальянский повар.

...А в 2018 году подошли дни позднего апреля, когда ситуация в Армении стала быстро накаляться. Всё началось с того, что

Серж Саркисян, нарушая своё обещания не идти на следующий президентский срок, стал переписывать Конституцию, и этим не могли не воспользоваться враги. Правда, Серж Азатович был не одинок в желании изменить главный закон республики. Им обладали все президенты, а также премьер-министр Пашинян. Активная раскачка предмайданной ситуации шла уже два года. С тех самых пор, когда в Ереване 17 июля 2016 года случился террористический акт, продолжавшийся почти две недели. Я в тот период по приглашению Заслуженного строителя РФ, мецената Варткеза Баградовича Арцруни работала в организации «Армянское Возрождение», которая просуществовала всего три месяца. Инициатором этого проекта был Артур Багдасарян, армянский политик, типичный герой «прохиндиады». Варткез Арцруни однажды пригласил меня на встречу в свой кабинет в здании в Успенском переулке.

Я робко зашла в великолепный кабинет русского имперца. На столе Арцруни стоял портрет Сталина. Он сказал:

— Госпожа Олюнина, я бы хотел вас пригласить в новую структуру пресс-секретарём.

Я сразу же выразила согласие. Работать с Арцруни, большим патриотом как Армении, так и России, была честью. Именно Арцруни возглавлял республиканский стройкомплекс, когда в Армении произошло землетрясение в декабре 1988 года. И благодаря его оперативному жёсткому управлению были спасены десятки тысяч людей...

Он продолжал:

— Говоря по правде, мне говорили об этом человеке только плохое. Именно поэтому я решил его поддержать.

Что и говорить, мыслил и действовал Арцруни подчас парадоксально. Мы начали работать, составлять план деятельности, как в это время Армения снова попала в фокус внимания всего мира. Группа «Сасна Црер», ветераны Первой Арцахской войны под началом Павла Манукяна, Арайка Хандояна по прозвищу Одинокий Волк, протаранили грузовиком стальные ворота, напали на полицейский пост, захватив девять заложников. Они расстреляли офицера, объясняя это борьбой с «кровавым режимом» Сержа Саркисяна. Ещё двое получили ранения.

Среди требований было освобождение их лидера Жирайра Сефиляна, который 20 июня снова был арестован по подозрению в планировании захвата здания. Также они были против возможных уступок Сержа Азербайджану. Само название «Сасна Црер» («Сасунские удалцы») было названием армянского эпоса, в честь которых взяли названия своего батальона участники Первой Карабахской войны. Если рассматривать само появление «цреристов» как антигосударственной силы, тут важно учесть несколько факторов. В ослабевшем государстве люди войны очень плохо встраиваются в мирную жизнь. И не найдя себе применения, чаще всего маргинализируются или идут обслуживать криминалитет. Это не могут не использовать внешние силы, так как врагам Армении как раз и было на пользу переформатировать героев войны, заложить в их сознание антигосударственную идеологию. Тут был вопрос не столь политический и идеологический, сколько финансовый. Участники группы ограбили сейф как банальные налётчики, что плохо стыковалось с борьбой против Сержа. Актом против полиции они не ограничились, позже они захватили ещё и больницу с врачами.

Выступление вооруженных ветеранов Карабахской войны не могло не вызвать политический кризис. В основе мировоззрения тех, кто поддерживал «Сасна Црер», лежала простая, но ошибочная мысль: люди, которые проливали кровь за Арцах, априори не могли быть врагами государства.

18 июля уже около 1500 протестующих провели в Ереване митинг, призывая к мирному разрешению конфликта. При этом на одной сцене засветились те, кто в жизни не подали бы друг другу руки. У каждого была своя борьба с «кровавым режимом», хотя на самом деле это было время не крови, а болота. А оно тем и опасно, что когда-нибудь ядовитые испарения должны вспыхнуть и поджечь всю его поверхность. Сторонники оппозиции бросали камни в полицию, а она в свою очередь применяла слезоточивый газ и шумовые гранаты. 21 июля митинг был разогнан, 136 участников протеста было задержано.

31 июля из-за угрозы начать штурм здания, где они укрывались, «цреристы» в числе 20 человек сдались. Мне слу-

чалось видеть некоторых участников «Сасна Црер» во главе с Жиро Сефилянном. 1 марта 2021 года они пришли к мемориалу жертвам событий 2008 года, чтобы возложить цветы. После их ухода туда пришла делегация от партии Гагика Царукяна «Прцветающая Армения», как того требовала стратегия конформизма. Надо сказать, что погибшие в 2008 году имели тот же генезис и те же цели, что и группа «Сасна Црер». С той разницей, что вторые ясно понимали, в каких геополитических играх они участвуют и за какие бюджеты.

Среди сочувствующих террористам «Сасна Црер» был Артур Саркисян, который понёс на пост людям Павла Манукяна пакеты с едой. В народе его окрестили «Хац Берох» (“Приносящий хлеб”). Серж Саркисян посадил участников «Сасна Црер» и Артура в Нубарашенскую тюрьму. Последний, человек уже не здоровый, вскоре умер сразу после помилования. Эта смерть снова всколыхнула народные массы.

Потом, спустя годы, некоторые чада Армянской апостольской церкви объясняли мне, что деяние Хац Бероха не имеет ничего общего с христианским милосердием и речь идёт о пособничестве терроризму.

При этом нужно сказать ещё несколько слов в адрес армянских фидайнов Павла Манукяна и Араика Хандояна. Сами по себе в своей основе это были хорошие и правильные люди, в 1990-е раскрывшие свои лучшие качества и пассионарность. Араик был награждён медалями Мужества Арцаха и Армении, наградами за боевые заслуги, «Зоравар Андраник», «Маршал Баграмян» и другими.

Павел Манукян после «революции» 2018 года принял все награды от Республики Армения, от которых отказывался все годы ранее из-за несогласия с политикой властей. Сколько бы они не давали интервью по каналам уже после событий, они не внушали ненависти. Эти уставшие, много пережившие люди были похожи на героев Эрнеста Хемингуэя или Эриха Мария Ремарка, который писал в романе «Тени в раю»: «Если герой не погибает, он становится скучнейшим из смертных».

В наше время обострившихся информационных войн таким героям скучать не дают. Им всовывают в мозг новую перфокарту, которая уничтожает их оперативную память и заставляет дей-

ствовать против их же собственного жизненного кредо. Но речь снова идёт об ещё одном «потерянном поколении», если так можно говорить о взрослых мужчинах, которых безвременье безжалостно вышвырнуло на обочину жизни. Араик Хандоян умер 9 октября 2018 года от сердечного приступа. Похоронили его в пантеоне «Ераблур».

Похоже, бесхитростных, мечтающих о высшей справедливости Павла Манукяна, Араика и их ребят действительно кто-то вёл втёмную. Вряд ли они догадывались о том, что Жиро Сефялян мог быть агентурой, вброшенной на Карабахскую войну 1990-х для работы на западные спецслужбы. В конце концов, у Запада был хороший опыт курирования Западного бюро «Дашнакцутюн» по оси Лондон–Париж–Женева. Работали британцы накануне геноцида и со старейшими партиями тоже социалистического толка «Гнчак» и «Арменаканов», у которых были бюро и редакции газет в Лондоне. Почему бы им было снова не воспользоваться этим опытом?

А вертлявый конъюнктурщик Артур Багдасарян быстро договорился с Сержем Саркисяном, и, не вложив ни драма, вышел из дела, повесив на Арцруни всю неустойку по зарплате сотрудникам. Варткез Багратович собрал нас в зале. Рядом сидели наш шеф Александр Нехорошев, известный журналист Леонид Иоффе, работавший в Нагорном Карабахе в 1990-е собкором «Вестей», а в эти годы в АрмТВ. И Арцруни начал своим хрипловатым, чуть уставшим, но всё ещё голосом настоящего советского руководителя высшего звена:

– Я не вышел ни из одного дела с долгами. И сейчас не выйду.

Арцруни, конечно, сдержал своё слово. Через два года я оказалась в его Институте в одном кабинете с директором, старшим научным сотрудником ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова Надеиным-Раевским. Виктор Анатольевич помимо своей работы в РАН возглавил по просьбе Арцруни ещё и этот институт после того, как из Москвы уехал в Карачаево-Черкесию кавказовед и лермонтовед Владимир Александрович Захаров. И это была единственная структура, занимающаяся на академическом уровне продвижением российско-армянского стратегического союза.

Ещё в 2016 году я приходила в этот кабинет на улице Скаковой. Тогда я и не предполагала, что буду приезжать сюда

на работу. Меня удивлял этот район своей камерной закрытой аурой, высокими старыми деревьями над задней стеной кирпичного особняка промышленника и конезаводчика Леона Манташева, построенного в стиле венского барокко братьями Весниными и Аршаком Измировым рядом с его конюшнями. На здании есть красивый вензель ЛМ, означающий инициалы владельца и скульптурной головой коня. Стилистика эта была необычна для Москвы, с огромной аркой посередине, массивными колоннами, и прямо над аркой, башенкой-бельведером, который венчал шпиль. Ещё одно армянское историческое место на карте Москвы.

А в этом маленьком, узком, как пенал, кабинете все книжные шкафы и стеллажи были заложены сотнями книг, посвящённых российско-армянской истории, альбомов с историческими гравюрами о Западной Армении. Тогда же мой руководитель по «Армянскому Возрождению» известный журналист и замечательный медиа-менеджер, возглавлявший в одно время «Радио России», Александр Юрьевич Нехорошев посылал меня к Виктору Анатольевичу, чтобы тот дал интервью о новом витке напряжённости в российско-турецких отношениях. Надеин-Раевский был противником быстрого замирения с турками. Он считал, что после убийства лётчика Олега Пешкова сирийским туркоманом мы должны расставить все точки над *i*. Но русские опять поторопились.

Я пришла к Виктору Анатольевичу простым журналистом, специализирующимся на армянской тематике. И всё, что у меня было предложить для чтения – это свежее исследование по материалам ГА РФ о тайном обществе «арменистов», одной из первых армянских политических партий, которых накрыла жандармерия Николая II, как только он пришёл к власти. Спустя полгода Виктор Анатольевич сказал мне:

– Нет, всё-таки у Варткеза Багратовича есть нюх на хороших людей.

В Оранжевый Ереван и его трагические последствия мы уже вошли вместе с Надеиным-Раевским и старшим научным сотрудником нашего института, историком, дашнаком Саркисом Саркисяном.

ЖАК МАНУЭЛЬ, БРОДЯЧИЙ ФИЛОСОФ

И как только я собралась покидать армянское кладбище Москвы, почти не наведя известных могил, проталкиваясь внутри его части у кирпичной стены, наконец, решив проскочить мимо двух памятников вора́м в законе, эдаким крылатым быкам шеду, обрамлявших выход, как боковым зрением я увидела мемориал и решила подойти, чтобы сфотографировать его.

Приближаясь, я поняла, что и здесь, как при армянском посольстве, люди ставили свечи, оставляли белый хлеб возле фотографии «хац бероха». Мужчина в чёрном сидел у памятника спиной ко мне. Вокруг не было никого, только звуки «болгарки» доносились из храма. И редкие посетители после зимы приходили навещать своих.

Я поздоровалась и спросила, можно ли его сфотографировать. Незнакомец посмотрел на меня, приблизив своё лицо вплотную к моему, отрицательно покачал головой. Он сказал что-то малопонятное, мол, не слышит, не понимает. Его взгляд, цепкий, изучающий, немного сумасшедший, пугал и привлекал одновременно. Кто-то выходил с территории кладбища, он окликнул и попрощался. «Он здесь свой», — подумала я.

Мне показалось, что между нами установилось какое-то напряжённое форматное молчание людей, которые обязательно должны поговорить, но недолго. Меня он чувствовал явно лишней здесь, чуждой всему тому, что он очень хорошо знал и любил. Это прояснилось потом. Боясь, что он откажется говорить, я сказала, что работаю с армянами очень давно и пишу про искусство. Он одобрительно кивнул, при этом всё время, поворачиваясь ко мне спиной, продолжал договаривать себе всё то, о чем он должен был подумать до моего вторжения в чёрное

его одиночное стояние на мемориале. Я сказала, что знаю про смерть этого человека, Артура Саркисяна, и про события летом, и про то, что в Армении будут выборы. Постепенно взгляд его оживлялся и теплел. Он спросил меня: «Есть ли смысл в этой смерти?»

Я сказала, что в смерти смысла вообще нет. Он ухмыльнулся.

В этот момент я припомнила, что на уроке философии в университете нам говорили, что смысл жизни только в самой жизни. И решила не рассуждать, а просто слушать то, что он мне скажет. Не могла же я ему говорить о том, что эта смерть была нужна для того, чтобы нация в который раз чувствовала себя живой, единой, страдающей... Не то, не то.... Мне показалось, что всё, что я ему скажу, будет глупым, фальшивым, не подтверждённым моей собственной жизнью. И ему никто не нужен был здесь. С вопросами и фотокамерой тем более, а вот мне не хватало человека, который на кладбище может со мной просто поговорить. Хмурая русская смотрительница, продающая свечи, была не в счёт. Она двигалась вокруг ротонды, словно рубила воздух своей грубо тёсаной фигурой. Где-то на заднем дворе я увидела подобие лежачка и старую искусственную шубу, видимо, ей принадлежавшую. Шуба, поношенная, какая-то ямщицкая серая...

Я стояла чуть ниже его на несколько ступеней. Он бережно раскладывал свечи возле портрета Артура. Я рассматривала его худощавую фигуру в чёрном пальто, в чёрной шапке, его красивые чёрные, хорошо начищенные туфли – он был очень похож на интеллигентного бродягу, из какого-нибудь фильма про Прагу или Нью-Йорк. Но взгляд его, прямой, откровенный, путал всё представление о нём, даже самое поверхностное. Безусловно, этот человек был способен на поступок, на мысль, на деяние и даже преступление. Что-то в нём проступило из мексиканца, героя Моэма, убившего свою любимую женщину, чтобы она не принадлежала никому после его смерти. Никакого красного и широкого шрама не рассекало его лицо, но сами эти слова «шрам», «рана» всё время шли на ум, когда я смотрела на него.

Он представился. Сказал имя торопливо:

– Жак? Жан?

– Жак Мануэль, – повторил он. – Не слышали?

Нет, я не слышала никогда это прозвище.

Чтобы не давить на него своим любопытством, я стала осматривать мемориал. Сразу бросилась в глаза табличка, говорящая, что здесь можно вспоминать тех, кого нельзя навестить. Да, Нахиджеван, Баку, Сумгаит, Геташен... С инициатором создания этого монумента Григорием Аркадьевичем Габриэлянцем мы ездили в 2010 году в Арцах.

Скульптурный образ Девы Марии с прижатым к груди крестом возвышался на постаменте. В этой непроизвольной мизансцене, может быть, несколько театрално, смешалось то, о чём думать и вспоминать слишком больно. Особенно для тех, кто пережил горе, которое в некоторых странах заключается в новую индустрию кладбищенского туризма.

– Знаете кто это? Что это означает? – он кивнул на скульптуру.

Я сказала что-то про образ армянской церкви. Он улыбнулся и ответил:

– Да нет же, это армянская Мать.

Молодое улыбающееся лицо «хлеб приносящего» в фоторамке, красные гвоздики, розы, батоны московского белого, солнце, освещающее всю поминальную кладбищенскую сцену, углубляющуюся туда, за многочисленные ограды, несколько горящих свечей... Он зажгёт свою, резко выпрямился и спросил:

– Покурим?

Странно было закуривать, ведь мы были почти у храма.

Мы закурили его сигареты. Можно было бы и помолчать. В этот раз тишину прервал он первым.

– Люди часто не понимают того, что видит их глаз. Даже люди искусства. Потому что многие думают, что ума должно хватать.

Он легко сбежал к захоронениям у входа и подошёл к памятнику Вачикоса Шестипалого в позолоченной водолажке и кольце в две натуральных величины.

То, что у вора в законе шесть пальцев, я узнала только дома, рассматривая фото захоронений. А на кладбище я стояла у

могил Огановых, расположенных одна напротив другой, а Жак касался их золотых колец, показывая их как знаки, которые никто не умеет читать.

Я и сама не заметила, как мы вдвоём покинули пределы некрополя.

Жак Мануэль спросил:

– Вы знаете, что армяне самые богатые люди Москвы?

Я сказала, что, возможно, не они одни, но...

Он сказал, да, самые богатые. И при этом они никогда не накормят голодного, они никогда не впустят на порог своего дома бездомного. Нация поэтому и распылена, что каждый обрёл свой дом, закрыв его для другого. Ведь раньше в старину в Армении не закрывался ни один дом. Никто и не стремился войти в дом другого.

– Я живу свободным, у меня нет дома, – говорил он с каким-то неповторимым, ранее не встречающимся мне акцентом.

– Но мне никогда не придёт в голову просить хлеба у богатого армянина. Потому что эти люди никогда не поймут меня. Потому что они не голодали. Нельзя просить хлеб у того, кто не познал голод.

Я сказала:

– Всё же, когда в адскую июльскую жару хоронили Параджанова, из окон квартир на первых этажах люди протягивали стаканы воды.

Жак промолчал. И коротким, выразительным жестом показал на дорогу, которая выходила в какой-то глухой переулок. Так, я шла на кладбище своей дорогой, а возвращалась его.

Вдруг он попросил меня подождать, потому что ему нужно было зайти в продуктовый магазин. Мы зашли вместе, и остановились возле камер хранения. Жак Мануэль достал из кармана ключ, из ящика – красивый кожаный чёрный портфель. Усмехнулся тому, что так он оставляет иногда вещи, чтобы не таскать их с собой на кладбище. Мы пошли дальше, и Жак Мануэль, кажется, шёл через этот человеческий поток, как зацепленный аутическим спектром. Уголки его губ неприятно дрожали, когда мимо нас проходили мигранты.

Он сказал:

– Я бы не хотел, чтобы по этому городу ходили те, кто сегодня в Алеппо убивает людей.

Я спросила:

– Но, возможно, они и не убивают людей, просто...

Он перебил и убеждённо сказал:

– Нет, вы не понимаете, эти мусульмане, которые сегодня убивают армян на Ближнем Востоке, потом приезжают в Москву. Открывают чайхану, а потом русские девушки, надевают хиджаб, и рожают им детей.

Когда я смотрела на его постоянно меняющееся лицо, я пыталась понять, сколько ему лет и чем же он занимается. Он одет в хорошее чёрное кашемировое пальто, туфли без налёта пыли... Он воспринимает Москву очень своей и очень христианской.

– Жак, – спросила я, – откуда вы? Сумгаит, Карабах, Тбилиси?

Он качал отрицательно головой и сказал:

– Я из Киликии.

Могла бы и сама догадаться по его франкскому прозвищу. Этот человек шёл по центру Москвы, взглядом, как рыцарь мечом, прокладывая нам путь, сканируя каждое лицо, и всё время о чём-то напряжённо думая...

– А, может, кофе выпьем? – вдруг спросил он.

Я согласилась.

– Ведь вы не думаете, что меня нужно бояться, что я ем белое мясо русских девушек, правда? Вообще не понимаю, что в нём такого особенного... – сказал он, и мы впервые за это время рассмеялись.

Так мы оказались в Макдоналдсе. Он очень придирчиво выбирал место, и наконец, мы уселись где-то в тихом месте, возле глухой стены. Он сразу положил свой портфель и пальто на сиденье, на стол бросил айфон не из новых, но всё же его цена была для обычного уличного бродяги вполне вызывающей, и отошёл.

...Когда он вернулся, мы сели друг напротив друга, и разговор наш блуждал. Мы, кажется, говорили о том, что среди

армян сегодня нет ни одного человека, который мог бы стать лидером нации, о том, что сирийские спаслись от большой беды, но вынужденная репатриация тоже немногих сделала защищёнными.

Вдруг он стал резко, с раздражающей меня быстротой листать фотографии в своём телефоне. Так ли мне нужно было то, что он искал? Шли минуты, а он листал, как сумасшедший, может даже и сам забыл, что он искал.

Но он извлёк из своего архива фотографию. И показал её мне.

Я взглянула и ничего не поняла. Точнее, я увидела мальчика, который молился, закрыв глаза руками. Он стоял на освещённой солнцем площадке в храме, а рядом слева был вровень с ним витражный крест, откуда тоже бил яркий свет.

– Этот ребёнок перед расстрелом, – сказал Жак.

– Да... его сейчас убьют.

Я была на выставке сирийского армянина полгода назад, но ни одна его фотография из разрушенного Алеппо не показывала то, что хранил в телефонной памяти Жак. Он снова пролистнул несколько фото и нашёл ту, где один ребёнок убивает другого, целясь ему прямо в голову. Третью: где на крестах висели два истерзанных мужчины. Это неправда, что Иисус принимал муки этих двух, чьи лица были превращены в адское месиво.

– Этих людей убили лишь за то, что они армяне, – сказал Жак Мануэль, и голос его звучал просто, тихо, буднично, так, будто речь шла о чём-то очень привычном.

Он снова встал и пошёл заказать себе кофе и поесть. Затем вернулся за столик, и снова сел.

– Жак, – сказала я, – заказ делается очень быстро, зря вы вернулись...

– Ничего, – ответил он, – тут подожду.

Так мы сидели и молчали, и оба иногда смотрели на его айфон, где ещё продолжал молиться армянский ребёнок.

Он, по-видимому, не молился. Он просто от страха закрыл руками глаза. Ему было года три-четыре, не больше. У него были белокурые волосы. Быть может, немного похожие на

волосы его ленинканского ровесника, поседевшего за одну холодную декабрьскую ночь.

Жак Мануэль снова встал и сходил за заказом. Он ел свой обед, а я молчала и смотрела, как он ест. За этот час нашего общения было сказано не очень-то много... Но то, что он сказал, возможно, освободило его ровно на этот час, не более того. Я чувствовала, что дальше этого страшного, пролеглишего между нами молчания, в этом зале, где вечный запах прогорклого масла и всё то, что так мало похоже на настоящую жизнь человека, зачем-то тонкой струйкой выползает из его айфона красная, мясная пустота.

– Вы идите, – прошептал он.

– А вы?? Вы, Жак? Уйдём вместе, вам куда ехать?

– Вы что, не поняли? – тихо сказал он. – У меня нет дома.

Его уничтожили.

Я взяла его за руку. Она была очень холодной.

НАЧАЛО КОНЦА АРЦАХА. ОРАНЖЕВЫЙ ЕРЕВАН

Начало Майдана началось с апрельских шествий оппозиционеров и сочувствующих им в ряде городов. Возглавлял их армянская разновидность гамельнского крысолова журналист Никол Пашинян. Кураторы иджеванского предателя из его образа маргинала и, мягко говоря, психически нестабильного человека с плохой педигри и расшатанными половыми признаками, сделали в одночасье кумира толпы, за которым она могла идти чуть ли на смерть.

Митинги против премьера Сержа Саркисяна и фронтменов Республиканской партии охватили чуть ли не все города Армении. Формальной причиной шествий стало желание Саркисяна сделать республику президентской и уйти на ещё один срок.

Под первый удар толпы попали вице-спикер Национального Собрания Эдуард Шармазанов, глава Минюста Арпине Ованнисян, министр обороны Виген Саркисян, министр образования Армен Ашотян, который сейчас сидит в тюрьме и продолжает писать статьи в заточении, певица и яркий борец за Арцах Шушан Петросян. Шушан все эти годы неустанно ездила по трассе Ереван–Степанакерт с грузами продовольствия, морально поддерживая солдат армии Оборона Арцаха. Её песни о Родине, призывающие к стойкости и борьбе за Арцах, были очень популярны.

Надо сказать, что к тому времени работала программа «Народ-Армия» («Азг – Банак»), которую создали Тигран Кочарян, Арман Абовян, Лика Туманян, Армине Адигбекян и Анжела Элибегова (они являются ведущими азербайджанологами) и другие яркие журналисты, публицисты и общественные деятели

Армении. Рада, что со всеми перечисленными людьми я знакома лично, и мы в этой борьбе просто не могли не оказаться по одну сторону.

23 апреля 2018 года «Парламентская газета» писала о том, что протестующие перекрывают автомагистрали, объявляют забастовки, скандируют антиправительственные лозунги. Были сообщения о том, что перекрыта автомагистраль Ереван–Севан, множество межобщинных дорог. В Кремле события в Армении назвали «внутренним делом страны».

Серж Саркисян в свою очередь парировал, что оставит пост после того, как в отношении карабахской проблемы будет достигнут существенный прогресс.

Многие журналисты потом писали о Николе Воваевиче как о разных литературных персонажах. Кто-то в нём угадывал Шарикова Полиграфа Полиграфовича, кто-то гофманского Крошку Цахеса по прозвищу Циннобер. Действительно, по повадкам он был очень похож на превращённого с помощью скальпеля пса в очень условного человека. А по элементам образа, например, – бороде, чуть ли не в реинкарнацию героя Арцахской войны Монте Мелконяна. Когда он ещё и перемотал руку многослойным бинтом, чтобы имитировать образ легендарного фидаяна, который предпочёл уехать из США в Арцах и бороться за независимость своего народа.

Был похож Пашинян и на попа Гапона, только привёл он к более трагическим последствиям для жоховурда, которого повёл. Говорили, что в своём родном Иджеване он оставил по себе плохую память, наделав там много долгов и скрывшись.

Впервые о нём я узнала весной 2016 года, сразу после Апрельской войны в Арцахе. Тогда он вместе с Заруи Постанджян представлял оппозиционную силу в армянском парламенте, в сущности, являясь карманной оппозицией Сержа Саркисяна и его зятя, медиамагната Микаэла Минасяна. Пашинян и Постанджян были из западников Армении. Оба они сотрудничали с политиком, юристом Раффи Оганесяном, сыном известного одиозного историка, от партнёрства с Раффи Заруи вскоре отказалась и основала свою партию «Цирани еркир» («Абрикосовая страна»).

После погромов 2008 года Пашинян укрывался в Посольстве США. Позже «ватиканский принц» Минасян делает попытку вернуться в армянскую политику на антипашиняновской риторике, раздавая интервью направо и налево, то российским, то западным СМИ. Впрочем, нет ничего удивительного, что Минасяна публиковала либеральная «Независимая газета».

Уже к началу Оранжевого Еревана Заруи исчезла из поля зрения. Как я понимаю, кураторы русофобских митингов решили обойтись без дублёра. В конце концов, она уже хорошо проявила себя на митингах в Гюмри, когда призывала выдворить оттуда 102-ю российскую базу. Поводом к этим призывам стало чудовищное убийство всей семьи Аветисян солдатом этой базы. До сих пор о подлинных причинах этого кровопролития ничего не известно. Говорили и то, что психически неустойчивый солдат мог быть подвергнут обработке турецкой агентуры, которые направили его руку, чтобы спровоцировать новое обострение российско-армянских отношений.

В бархатном перевороте принимал участие оппозиционный блок «Елк» («Выход») либерального толка, в который входили партия Никола Пашиняна «Гражданский договор», «Светлая Армения» Эдмона Марукяна, «Республика» отпетого подлеца Арама Саркисяна. Этот в эфире «Общественного телеканала» сразу после сдачи Шуши и Гадрута называл своего родного брата спаралета Вазгена «военным преступником», а деревню Шурнух азербайджанской. Распространялся о том, что его родной брат в последний год существования СССР продавал цемент Ирану разъезжая с кортежем, состоявшим из тридцати машин в зоне Карабахского конфликта.

Вот какая публика пришла на смену героям Первой карабахской войны. Вообще популизм и красноречие этих гореполитиков и их риторика о вхождении Армении, находящейся в Азии, окружённой враждебными мусульманскими государствами с многомиллионным населением, в Евросоюз были очень искусственными, что, впрочем, не удивительно. Работала старая, давно испытанная технология: нагнетание прозападных настроений в Закавказье всегда на «разогреве» перед тем, как

Запад, не дотягиваясь за этих территорий, отдаёт их на откуп туркам или азербайджанцам. А там уже как получится. Или ассимиляция, как в Аджарии, почти полное превращение в неосманский вилайет. Или потенциальный геноцид для армян. Хотя ещё сто лет назад для самих автохтонов Армянского нагорья отуречивание считалось позором и большинство выбирало смерть. Пожалуй, только амшенские армяне, за двести лет до Мец Егерна, были исламизированы и таким образом уцелели.

В наши времена армяне, как и грузины, под воздействием информационных войн и технологий и размягчения идентичностей вполне выражают готовность к ассимиляции. На этот счёт есть мнение, что "шуртвац" – перевёртыши, это и есть самые настоящие турки, которые отуречили их предков.

«Елк» был сформирован в декабре 2016 года. Уже в 2018 году после Майдана блок был распущен.

А тогда, после Апрельской войны 2016 года, в которой Алиев пробовал свои силы, Никол и Заруи стали озвучивать разные громкие заявления, призывая Сержа признать Арцах, если Алиев ещё раз позволит себе эскалацию. Разумеется, за этими путанными лисьими следами Пашипяна в 2018 году очень скоро стал стелиться кровавый след армянских героев 2020 года, когда Армения потеряла более 5 тысяч своих лучших сыновей. За день до начала новой войны Пашипян с дочерью Мариам уехал в Тавушский лес, чтобы покататься там на лошадях.

Как ни странно, я живьём видела обоих русофобских политиков Армении. И Заруи Постанджян, и Пашипяна с его женой Анной Акопян – на расстоянии двадцати сантиметров. В тот момент, когда люди прижали его вплотную к зрительским рядам на выходе с церемонии открытия бюста маршалу Советского Союза Амазаспу Бабаджаняну в музее на Поклонной горе. Было это в мае всё того же 2018 злополучного года. В отличие от уверенности на площадях, на открытом пространстве, в величественном и просторном зале музея Великой Отечественной войны Никол, выйдя к кафедре, некоторое время озирался и втягивал в себя спину. Потом прочёл речь по бумажке. Тут был не его формат и уровень работы. Хотя его

кураторами предполагалось, что первый визит народного варчাপета должен был состояться именно в Россию. И пройти на военно-патриотической волне. Никол Воваевич передал бюст главного маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза Амазаспа Бабаджаняна, сделанный скульптором Ашотом Татевосяном. Уже через два года шакалы Алиева, с которыми Пашинян решил устроить так называемую эпоху мира, разрушили кладбище в селе Чардахлу, на родине маршалов, генералов, полковников и героев Арцахской войны. В имперские времена Чардахлу дал кавалеров золотого «Георгиевского креста», 2 маршалов, 11 генералов, 7 героев Советского союза, более 50 полковников.

Ну, а в мае 2018-го Пашиняна помимо московской ожидала ещё программа пребывания в одном из армянонаселённых городов России – Сочи.

Встречу с Заруи Постанджян в Москве устраивал незадолго до Майдана отец-основатель того самого Армянского музея Москвы, где я работала – Рубен Григорян. Директор музея Арсен Алексанян сам лично сопровождал Заруи в её прогулках по Москве и сфотографировал возле шишкинских мишек в Третьяковской галерее.

Рубен Григорян в 2017 году вынашивал идею привозить в Россию армянских политиков из разных лагерей, чтобы с ними могла встречаться молодёжь. Поговаривали, что он люто ненавидел Сержа Саркисяна за то, что он ему не отдал старый ереванский район Конд под застройку. Он и сам писал графоманские панегирики, восхваляющие нового кумира оппозиционеров. Правда, спустя время, после того, как Россия обозначила варчапета как прозападного, Григорян подтёр свои опусы. Думаю, с сайта музея исчезли и антикочаряновские статейки, сопровождаемые фотографиями Роберта Седраковича с сатанинскими клякками. Исчезли и саркастические, дурно написанные опусы Рубена Цолаковича и против владыки Езраса, архиепископа Нор-Нахичеванской епархии Армянской апостольской Церкви. Медленно, но верно Рубен Григорян пришёл к пониманию того, что в России бархатные настроения лучше свернуть.

Я хорошо помню 23 апреля 2018 года, тот день, когда отрёкся от власти Серж Саркисян. Очень скоро пришло понимание того, что его уход вписывался в договорённость, проще говоря, в Большой Консенсус. Российская сторона в сложившихся обстоятельствах должна была просто кивать. Пашинян был ставленников врагов России, но она не должна была противоречить. В те же дни в интернете гуляла фотография президента Армении Армена Саркисяна, который вышел на митингующую площадь чуть ли не как противник Пашиняна. Он встал в постановочный кадр, имитирующий спарринг. Президента РА в народе прозвали Елизаветычем. Его долгие годы связывали близкие отношения с принцем Чарльзом. Он пришёл на свой пост как временщик и как ставленник Великобритании защищать интересы ВР. В преддверии войны Лондону нужен был свой смотрящий за быстро нагревающейся армянской реальностью. И если война пойдёт по другому сценарию, Саркисян должен был предотвратить удар армян по бакинским нефтепроводам. Говоря проще, Елизаветыч и Воваевич играли в одной команде против армянского народа и государства.

А за день до 24 апреля, когда армяне идут на Цицернакаберд почтить память жертв Геноцида в Османской империи, Серж Азатович встретился с Пашиняном. Тот уселся в кресле напротив него в несвежей камуфляжной футболке, небритый, в бейсболке. Откровенно похожий на украинского политика Давида Арахамия, в таком же стиле явившегося на переговоры с русской стороной.

В офисе Армянского музея Москвы в «Олимпик-плазе» творилось что-то невообразимое. Коллега, сидевшая слева от меня, культуролог Наринэ Эйрамджянц (дочь известного политолога и дипломата Левона Эйрамджянца, отдавшего свою жизнь в борьбе за независимость Арцаха и построение государственных институтов Республики Армения) полностью телепортировалась на площадь Еревана, долбила по клавиатуре компьютера и скандировала: «Ни-кол! Ни-кол!». Иллюстрируя известный закон природы, отдыхающей на детях.

Итак, в день, когда Серж Азатович сказал народу, что он был неправ, а Никол прав, после работы я отправилась на Трифоновскую. От «Олимпик-плазы» на проспекте Мира, где располагался Армянский музей Москвы и культуры наций, до армянского храма можно пройти минут за двадцать. Когда я туда пришла, на парковке увидела машину, на которой уже графитёрскими буквами было написано краской NIKOL. На само подворье храма вход был нежелателен, по понятной причине, поэтому толпа празднично отмечающих уход Сержа собралась на задней парковке, устроив здесь стихийные танцы.

Постояв здесь некоторое время, я ушла домой. Через день мне позвонил мой коллега по армяно-российским проектам и спросил меня, могу ли я вылететь в Ереван. Я согласилась в ту же минуту.

29 апреля 2018 года я вылетела в митингующий Ереван, где провела три дня на площадях и улицах. Жила у Павла на улице Ваграма Папазяна, которая пересекала проспект Комитаса. Район Арабкир, расположенный рядом с метро «Барекамутюн» («Дружбы») всегда считался элитным, здесь жили многие представители творческой интеллигенции. Именно там произошла уже после моего отъезда стрельба по полицейским. В целом в том районе было спокойно, вся активность начиналась только на подступах к площади.

Хозяева Никола Пашиняна, среди которых был и Ильхам Алиев, перечислявший через банки Сороса огромные деньги на поддержание Майдана в Ереване и на предательскую сдачу Арцаха, не поскупились на дьявольский дивертисмент. Вся площадь Республики, которую сто лет назад спроектировал великий Таманян как центр столицы, где должна была возродиться армянская жизнь, была заполнена людьми в состоянии средневековой эйфории. Примерно стало понятно, с каким выражением лица приходила подобная публика на гильотинирование вождей революции или сжигание ведьм. Борцы с «прижимом» держали плакаты, заранее написанные преподавателем Американского университета, художником-

акционистом Рубеном Маилян. Себя он считал нон-конформистом. С Рубеном я познакомилась в апреле 2017 года, так как он приезжал на армянский культурологический проект «Я ищу. Я вижу. Я здесь» в Московском музее моды в Гостином дворе. Его проводила искусствовед, внучка прославленного армянского скульптора Ара Арутюняна Лиана Ахинова и её компаньонка Мане Брутенц. Рубен рассказывал об опыте акций в поддержку памяти жертв Геноцида армян в Османской империи за границей. Особенно было интересно послушать его презентацию о том, как он устроил акцию в Амстердаме. Там он жил в квартале, где его окружали турки. Здесь был даже турецкий культурный центр. Армянская община Амстердама ведёт свою историю со времён конкуренции армянских и еврейских купцов, сегодня она насчитывает несколько тысяч человек.

Позже я познакомилась с руководителем общины Амстердама, Центра «Нарекаци» Вааном Авакяном, который в 2022 году пригласил мэра Амстердама на митинг 24 апреля. Фемке Халсема стала второй главой европейского государства после Франции, кто в публичном поле поддержал память жертв Геноцида армян в Османской империи. Ваан также работает по сохранению в Голландии военных захоронений героев Великой Отечественной войны и дружит с голландским поисковиком, Директором Фонда Советского Поля Славы Ремко Редингом. Он приезжал даже в Крым для того, чтобы найти потомков героя, чьё захоронение он нашёл. Так что армянский мир действительно тесен. Да и круг тех, кто в разных странах, находящихся подчас во вражеских геополитических лагерях, продолжает поддерживать тему памяти жертв Первой и Второй мировой войны.

Рубен Маилян сделал так, что однажды 24 апреля жители Амстердама увидели плакаты о геноциде армян, про который они ничего не знали. Рубен их расклеил на заборах, где шло строительство новостроек, рядом с другими, приглашающими на разного рода пати, и даже на стенах домов в центре города. Плакаты были напечатаны на английском, турецком языке, они были развешаны даже на турецком культурном центре!

А вот теперь плакаты, написанные с характерными шрифтами

Рубена, были на Майдане Армении. И самым прямым образом их призывы привели к тому, с чем и боролся Рубен – к новой фазе Геноцида армян.

Поскольку мы с ним были «зафренжены» на фейсбуке, и видя его включённость в борьбу с “конформизмом”, я написала комментарий:

«А не упадет ли подброшенный камень на голову армянскому народу?»

Кажется, Рубен ответил мне что-то со скепсисом, мол, это мы ещё увидим. Я пишу это с чувством горечи, потому что в то время, когда Россия сдавала свои позиции в Армении, уступая западным фондам культурные площадки, самая лучшая, талантливая и пассионарная часть армянской молодёжи уходила из-под нашего влияния. Ведь тот же Американский Университет в Ереване разместился в стенах Дома Политпросвещения во времена СССР. Всё это не могло не привести к трагедии как 2020 года, так и 2023-го. Я искренне надеюсь, что с Рубеном, как и с ребятами из «Armenian Geographic», с которыми я ездила в Лорийский марз на водопад Трчкан, и которые на волне пашизма разорвали со мной общение, ещё возможен диалог. С нами, кто так искренне любит и верит в историческое будущее обновлённой Армении!

А тогда в мае 2018-го я увидела на Майдане парня с большим деревянным крестом. Я несколько не сомневалась, что это тоже было неспроста. Как декларация того, что выступления в Армении имеют только «мержисержиковский» характер, то есть, направленные против Сержа Саркисяна и только. Но никак ни против Армянской Апостольской Церкви. Истинный антихристианский и антигосударственный характер «революция» Пашиняна уже вскоре показала – и нападением на армию, церковь и даже на значительных персон мира искусства. Была развёрнута травля художественного руководителя и директора Национального театра оперы и балета, прославленного дирижёра Константина Орбеляна. А ведь он ценой своего имени, широко известного в мире, удерживал репутацию театра с 2016 года. С Орбеляном, которого журнал «Opera News» назвал «лучшим вокальным дирижёром совре-

менности», мне посчастливилось делать интервью для газеты «Ноев Ковчег» у него дома на Кутузовском проспекте. В прекрасной зале, где жил великолепный чёрный рояль, на его крышке мини-экспозицией представлены памятные фотографии, дипломы. Чуть поодаль на полке бронзовый бюст прославленного пианиста Вана Клиберна, с которым Константин Гарриевич дружил. Константин Гарриевич тогда рассказал мне, как в четыре года брал первые уроки игры на фотепиано в детском отделении консерватории Сан-Франциско, в шесть лет уже победил на фортепианном конкурсе Баха, в девять лет дал первый сольный концерт. В одиннадцатилетнем возрасте дебютировал с симфоническим оркестром Сан-Франциско.

Его супруга, выдающаяся скрипачка Мария Сафарьянц является многолетним художественным руководителем международного фестиваля «Дворцы Санкт-Петербурга», начинали это поприще супруги вместе. Мария Саркисовна даже под санкциями и при отмене русской культуры после февраля 2022 года привозила в Петербург первых музыкантов Европы. Вот по каким людям стали бить закопёрщики армянского «бархата».

В первый месяц драматических перемен под удар попала образовательная программа «Ари Тун» («Вернись домой»), которую курировало Министерство Диаспоры. Благодаря ей в Армению приезжала молодёжь из Спюрка. Также под преследование попала национально ориентированная школа «Айб». Министерство Диаспоры было упразднено в 2019 году, и на должность Грануш Акопян пришёл на демонтаж человек Никола Воваевича Мхитар Айрапетян. Про него Википедия сегодня пишет, что он – «государственный деятель Армении». Причём, самый молодой за всю её историю, но с 2016 года занимавший высокую должность в партии Пашиняна «Гражданский договор». Как видим, не всегда молодость – это благо. Позже имя Мхитара промелькнуло как комета, когда нужно было послать бархатный привет Ирану. Вдруг эта школотка «возглавила» Общество дружбы Армении и Ирана, о его заслугах мы никогда не слышали. Позже этот молодой человек, а лучше сказать, недоразумение, отбыл в Швейцарию, не оставшись без синекуры.

...Все эти дни мы с Павлом Джангировым ходили по площадям и улицам Оранжевого Еревана и разговаривали с людьми. Павел как человек принципиальный и несгибаемый пытался воздействовать на тех знакомых, которые нам попадались. Но это было невозможно. Но были и те, кто сожалел, что сейчас среди живых не было таких авторитетов, как Сос Арташесович Саркисян. Возможно, это не так, но актёр и общественный деятель, член партии «Дашнакцутюн» не оставил бы эти события без объективных оценок.

Первого мая к 12 часам на площадь Республики стекались потоки поддерживающих голосование за Пашина и наблюдателей, праздных зевак. У каждого была своя мотивация и свой Никол. Шли деревенские старики в поношенных пиджаках и кепках 1960-х: крепкие, кряжистые фигуры героев Гранта Матевосяна, которые были заброшены, забыты, так и не ставшие старейшинами для своего общества.

В радостном возбуждении от перемен встретился нам с Павлом автор знаменитых металлических скульптур возле кинотеатра «Москва» Ара Алесян. Обнялась с Арутюном Чаликяном, художником-карикатуристом. Только месяц назад виделись у него дома, вместе ездили в монастырь Сагмосаванк.

— Молодец, что здесь — сказал Ара. — У нас две дороги: одна в пропасть, другая — в неизвестность. Время показало, что две эти опасности можно было объединить.

С нейтральным, изучающим лицом, ходил по площади с друзьями актёр Ашот Адамян, которого многие знают по роли чудесного, одухотворенного Торика в ленте Генриха Маляна «Пощёчина». С 1998 года Адамян работал на проектах в США, а потом переехал туда на ПМЖ. В те годы в СМИ выходили его интервью с заголовками вроде «Почему я должен держать балдахин над головой Левона Тер-Петросяна?» Адамян не принимал сложившуюся творческую атмосферу в Армении. Чувствовал ли он сегодня радость от происходящего? Готов ли вернуться?

На фоне постоянно разогреваемой скандирующей молодёжи: «Скажи Сержу нет!», было действительно интересно наблюдать за очень редкими одинокими фигурами людей интеллигентного

вида. Они были не против собравшихся – они были «вне», слишком в себе. На лицах – задумчивый скепсис, отчуждённость.

Позволю себе ещё одну цитату: «В этой толпе, незнакомой и совершенно чужой, мы себя чувствовали, как будто нас перенесли вдруг совсем в какое-то новое государство и иную страну. Если иногда попадалось знакомое лицо, то его приветствовали так, как люди встречают соотечественников на чужбине, и притом на враждебной чужбине...». Это писал историк Василий Шульгин, принимавший участие в отречении от власти Николая II, в своих воспоминаниях «Дни. 1920 год».

Действительно, не каждый ереванец горячо приветствовал события того апреля, когда в столицу поехали люди не только из Гюмри, Дилижана, но и из провинции, призывавшие поддержать народного избранника. Вся атмосфера событий мало подходила для лозунгов о свободе.

Время Сержа закончилось, хотя он будет призван доживать в политике уже не как руководитель системы, а как её агонизирующий элемент. Тяжело было видеть молодые лица 15-25 лет без следа духовности, со стёртыми чертами, с развинченной мимикой. Большая ставка Никола Пашиняна делалась на них – на «жех». Понятие это возненавидели те, кто был против пашизма. А ведь ещё недавно это слово не имело отрицательную коннотацию, так как означало оно «жоховурд» – народ. В это время лишь некоторые представители армянской интеллигенции считали, что нельзя углублять пропасть между собой и народом, на который сыпались все удары. И нельзя было так унижать этот несчастный, оболваненный народ, который тридцать лет не вылезал из нищеты или, выехав из марзов в поисках лучшей доли, оказался в чужеродной среде города, за него-то и взялись британско-турецкие политтехнологи.

Конечно, пацаны с улиц или из социальных сетей, не читавшие статьи своего лидера в «Айкакан жаманак» (а если бы и читали, это ряд ли предотвратило их участие), почувствовали себя движущей силой перемен. Не осознавая, из каких центров им поступали указания. Инициировали эти молодчики скандалы на Севане, били световоры. Результат не замедлил себя ждать – российские туроператоры сразу отказались от осенних пакетов

в Армению. Блокировка дорог, хаос, автокатастрофы (многие ездили без прав, без номеров) стали наносить Армении большой репутационный вред. Думаю, ситуацией сразу воспользовались в Грузии, отведя турпоток в Тбилиси.

Конечно, перемены не могли прийти чистыми, безболезненными, без крови и гноя. В том апреле в одной «точке сборки» впервые за долгие годы встретились Ереван, глубинная Армения и Спюрк. Та часть армян, которая долгое время была вне большой социальной жизни на окраинах страны, в тех нищенских реалиях, которые снял в ленте «Граница» кинорежиссёр Арутюн Хачатрян, быть может, впервые в жизни увидела столицу.

Пожилые женщины продавали митингующим семечки, молодёжь в перерыве между криками и свистом, засыпала площадь шелухой. Смотреть на это было страшно. У армян в Мец Егерне, сфотографированных в дни депортации, на лицах было больше духовности, высшего человеческого страдания. Ведь когда-то в самые страшные и голодные годы сироты вроде Аветика Бурназяна (сыгравшего значительную роль при создании ядерного щита СССР), из Нор-Баязета или более дальних районов, босоногие, ехали в Москву и Петербург учиться наукам и искусствам. И становились выдающимися учёными, художниками, писателями.

А сегодня продавалась сладкая розовая вата и китайские игрушки: дети под солнцепёком на крышах машин. «Время армян». Что-то улавливалось инфернальное, как в фильмах Эмира Кустурицы. Группа людей сидела на скамейках, прямо под портретом Айвазовского – выставка к 200-летию ещё шла в Национальной галерее.

Появились на площади лозунги про нерушимую русско-армянскую дружбу, мелькнул плакат «Челябинск». Блиц-парадом прошли ветераны Карабахской войны в экипировке, с орденами. А вопросы были всё те же: как же получилось, что освободители Степанакерта и Шуши выглядят сегодня так, как и наши «афганцы», слоняющиеся по электричкам с гитарами? И каковы у них ожидания от Пашияна, у которого карабахская повестка всё время дрейфовала в эти 20-25 лет.

Как-то на выходе из метро «Еритасардакан» я увидела Командоса – прославленного генерала Аркадия Ивановича Тертадевосяна. Ещё раз мне суждено было его увидеть на презентации нашей с Павлом книги о Таманяне. Его пригласила архитектор Анаит Тарханян.

Один в тяжёлом раздумье он шёл куда-то по своим делам. До сих пор жалею, что не подошла к нему, не спросила о его чувствах, мыслях. Возможно, они были бы резкими, принципиальными, ведь на границе ситуация обострялась, в то время как Никол Пашинян призывал не повиноваться, блокировать стратегические дороги и объекты и посылал молодчиков напасть на машину министра обороны Вигена Саркисяна.

В бархатном Ереване информационные потоки, крики и оскорбления в адрес оппонентов обрушивались, как цунами. Многим здравомыслящим тогда было не важно, как называется то, что происходит в Армении («революция», «путч», «передел», «весна»), важно то, в какую страшную историческую перспективу уходили эти события.

«Вы заметили, как существенно были урезаны границы демократии за последние дни? И отнюдь не властью, – спрашивала на своём профиле в фейсбуке Виктория Аракелова. Той самой демократии, которая, безусловно, в Армении состоялась, и позволила её гражданам подать власти месседж и получить желаемое.

Омбудсмен трижды выступал с обращениями – по поводу недопустимости использования детей в протестах, по поводу nepозволительного градуса агрессии в соцсетях, оскорблений и прочего. Реакция – нулевая. Думаю, нет необходимости говорить об особом статусе омбудсмена в либеральной среде. Или к нему принято апеллировать только когда речь идёт о правах определённых групп населения?

Подлинный восторг у борцов за справедливость вызвали призывы оказывать давление на голосующих депутатов, а также – вот радость-то! – новость о том, что диаспора за океаном начинает сбор подписей под обращением к Госдепу с просьбой не выдавать визы депутатам, не проголосовавшим за своего героя. То есть в их понимании демократия – это когда все единогласно

голосуют за единственного кандидата. Если кто-то посмеет ослушаться – санкции, и, конечно же, заокеанские.

На всякий случай, я – не апологет ни властей, ни олигархов, ни женщин-депутатов... Мне до них никогда не было дела, нет и не будет. Просто наблюдаю, как борцы за демократию особенного, только им доступного и понятного образца, попирают демократические нормы, уверенно сливая страну. Им обязательно будет больно и стыдно. Они будут растеряны и подавлены. Но не сегодня. Чувства эти – очень персональные, интимные – в толпе ощутить невозможно», – сказала в заключение востоковед Виктория Аракелова.

В городе всё время говорили, что в сети вышли списки «врагов» – республиканцев. Им звонили, угрожали, оскорбляли их детей. Звонили певице Шушан Петросян, республиканке, поддерживающей Сержа Саркисяна. И, как со временем прояснилось, больше травили за то, что Шушан поддерживает солдат Арцаха больше, чем их родные матери, для которых она – непрекаемый авторитет.

С тяжёлыми чувствами я впервые покидала Армению. В эти майские дни был виден Арарат, стоявший так близко, как на ладони.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

После возвращения из бархатного Еревана у меня оставался ещё один день до выхода на работу. Я решила, что экзотические рыбы и водоросли – это как раз то, что поможет успокоить взвинченные нервы после нескольких бессонных ночей. В последнюю уснуть не удалось. В ночь со 2 на 3 мая 2018 года весь Ереван бурлил, мимо окон постоянно проносились сигналящие машины. У меня были какие-то странные фантазии о том, что у опытного шахматиста Сержа Азатовича есть план Б. Что он сейчас нагонит в город танки, и всё будет зачищено, как на площади Тяньаньмэн в 1989 году. Хотя я прекрасно знала, что это не его стиль, тем более Пашинян изначально был его креатурой, состоявшей на довольствии президентского зятя, медиамагната Микаэла Минасяна. Но подобные мысли подогнали всё равно лезли в голову.

Третьего мая я вылетела в Москву. Зная, что Никол будет перекрывать дорогу в аэропорт, Павел заехал за мной пораньше, и мы помчались в Звартноц. Прорваться успели. Хотя подступы к аэропорту были уже заблокированы и улетающие должны были с тяжёлыми сумками идти метров двести, потому что машины и такси уже не пропускали. В аэропорту было тоже беспокойно. Работал журналист Первого российского телеканала. Сотрудники разных служб ходили в революционной эйфории и кое-кто был одет не в униформу, а по гражданке. Поговаривали, что могут отменить ряд рейсов.

Мы с одной супружеской парой сели в кресла в ожидании. Он был молодой субтильный армянин, жена русская. Он с тревогой сказал:

– А у меня завтра операция.

Оказалось, он был хирургом. И теперь переживал, что завтра не сможет оперировать больную онкологическим заболеванием.

Это был выходец из Баку, который помнил исход армян в 1990-е. Когда отец успел вытолкнуть из Азербайджана его с матерью в Ереван, а сам замешкался. Потом, сев в машину, еле успел скрыться от нападавших, которые стреляли ему вслед по

Слава Богу, нас позвали на регистрацию. С нами на одном рейсе летел известный журналист Николай Сванидзе, махровый либерал и антисоветчик.

...Я собрала дочерей и повела их в океанариум на ВВЦ. Предварительно выключив телефон, чтобы никто меня не отвлекал от общения с детьми. Репортаж о бархатном Ереване к тому времени уже вышел. Его успел разместить у себя на профиле в фейсбуке наш товарищ по борьбе, публицист-восканатаповец Пандухт Сюни, тегнув меня.

Каково же было моё удивление, что в это время мой телефон разрывался от обилия в нём звонков. Подняв трубку, я тут же услышала шипение директора Армянского музея Москвы Арсена Алексаняна. Он был младше меня лет на пятнадцать и как представитель прогрессивного молодого поколения восхищался гражданской позицией и талантами авторши «Манюни» Наринэ Абгарян, поддержавшей террористов «Сасна Црер» и являющейся пятой колонной внутри самой России. А также мужеподобной (как того и требуют гендерные игрища) актрисы Арсине Ханджян, приехавшей из Канады в митингующий Ереван водевильно рыдать перед толпой с возгласами: «Вы свободны!».

Меня поразило и на этот раз, с какой быстротой вежливые, интеллектуально развитые мальчики, которые в рамках корпоративного этикета всегда спросят на улыбке собеседника: «Удобно ли вам говорить?» и пожелают доброго дня, превращаются в озлобленных хорьков.

Мне было неудобно говорить, и пожелания доброго дня я не услышала. Зато узнала, что меня, мать двоих детей, которых я кормила практически в одиночку, снимают с должности и оставляют работать на полставки, пока я не найду новую работу. Перед этим мне сказали, что я «вставила нож в спину революции», «Армянскому музею Москвы», также я должна была написать объяснительную о том, по какому праву была в свои выходные в Ереване и опубликовала репортаж, где высказала позиции, которые не разделяет инвестор проекта Ру-

бен Григорян и вся команда Армянского музея. Сегодня я рассматриваю эту бумагу как исторический документ.

Генеральному директору АО «Эридан» Григоряну А.Э.
От сотрудника Армянского музея Москвы Олюниной В.А.

Уважаемый Армен Эдвардович!

Довожу до Вашего сведения, что с 30 апреля по 2 мая я по собственной инициативе присутствовала в Ереване, так как считала необходимым объективизировать свои мысли и ощущения относительно происходящего в Армении. В эти 3 недели агрессия, поляризация мнений в фейсбуке, также ряде СМИ была против того, чтобы я как журналист, специализирующийся на теме армянской культуры, могла адекватно оценить события.

Мне как редактору и сотруднику музея в последнее время систематически задавались вопросы о моей позиции, о том, почему мои выходы по событиям в Армении сократились.

В информационной политике Армянского музея победила альтернативная позиция, поэтому во мне как авторе потребность была снижена. Не вижу в этом ничего драматичного: все люди имеют разный опыт и способ мышления. Напротив, на сайте музея я с удовольствием продолжала работать как культуролог.

Причины тому очевидны:

Личность лидера Никола Пашиняна мне видится мало способной к консолидации армян в рамках Армении-Арцаха-Спюрка. Половину своей политической карьеры он был соратником Левона Тер-Петросяна, известны его агрессивные выпады в «Айкакан жаманак» против армян Арцаха (я в июне 2010 года в пуле журналистов федеральных СМИ была у Президента НКР Бако Саакяна, получила благословение владыки Паргева Мартиросяна и с тех пор старалась поддерживать эту тему). Также известно то, что Никол Пашинян с 2011 года сотрудничал с Сержем Саркисяном, поэтому рассматривать его как оппозиционера не склонна, он часть уходящей системы. Не могу не доверять в этом вопросе журналистам «Голоса Армении», «Нового времени», Айку Халатяну, Гранту Мелик-Шахназаряну и ряду других экспертов. Во-первых, потому что

все они констатировали политическую агонию представителей республиканской партии.

Во-вторых, потому что отмечают слом государственных механизмов, последствия этого могут быть трагичными.

Как дочь офицера, всю жизнь прожившего под присягой, политработника, полковника ВВС СССР и РФ, я хорошо знаю, что такое нападение на министра обороны Вигена Саркисяна, в последнее время сделавшего ряд увольнений коррумпированных офицеров, назначенных экс-Президентом РА Сержем Саркисяном. Именно на него, главу Минобороны воюющего государства, было совершено нападение группой управляемых подростков с попыткой проникнуть в машину.

Ситуация в Армении, к сожалению, не позволяет мне как журналисту, выпускнику журфака МГУ им. М.В. Ломоносова, пренебрегать фактами подобных маргинальных выходов многочисленных сторонников Н. Пашиняна, которые приводят к стравливанию разных слоёв общества, а также к новому кризису российско-армянских отношений.

На сайте «Еркрамас», рупоре краснодарских армян, редактируемом Тиграном Тавадяном, я в эту неделю опубликовала две статьи. Первую я считала нужно было публиковать оперативно, из админчасти нашего сайта меня её попросили убрать (временно), вторую, по итогам поездки в Ереван, мне также никто публиковать не позволил бы. В этот месяц я обращалась к своим коллегам по возможности давать материалы сбалансированно, без нагнетания «революционной волны», ведущая к агрессивным или, напротив, эйфористичным комментариям, поскольку наша целевая аудитория была расположена видеть в нас мощный культурологический диаспоральный ресурс, пришедший в медиаполе «всерьёз и надолго».

Здесь я прилагаю три фотографии, показывающие, что люди, присутствующие на площади, не составляют однородную массу, а напротив – представляют разные слои общества.

Также размещаю ссылки на свои публикации.

<http://www.yerkramas.org/article/136364/duxoff-ili-slada-kaya-vata-armyanskoj-revolyucii>

<http://www.yerkramas.org/article/136065/genocid-armyan-i-russkij-plastilin>

С уважением,
Валерия Олюнина
07.05. 2018

Написав эту бумагу, я пыталась понять, что мне делать со своей жизнью. Мне очень нравилась эта работа, ведь я любила то, что делаю, но «бархат» резко отделил меня от коллег. В те дни я до конца поняла глубину предназначения культуры в жизни народов. Она не может существовать отдельно от государственных идеологий. И если государство не вырабатывает сценарий развития и созидания, то умы граждан тут же заполняются враждебными смыслами.

Информационный Центр армян России «Еркрамас» под руководством дашнака Тиграна Тавадяна в самые первые месяцы, когда российское поле выразило полную толерантность к приходу соросовца, взял удар на себя. Именно здесь артикулировались правильные месседжи. Яркой отповедью дорвавшегося до власти пашизма стала статья публициста, супруга Тиграна Евы Лусиновой под названием «Бесы армянской революции». Она писала о том, что когда обрушиваются небеса и прошлое теряет смысл, вылезает на свет всякая Божья тварь, возомнившая, что право имеет на ВСЁ, подменяя свободомыслие на вседозволенность, попирая законы. В те же дни пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков озвучил и позицию Кремля: всё происходящее в Армении является внутренним делом этой страны.

В день увольнения позвонил Рубен Маргарян, политический обозреватель «Голоса Армении», член партии «Дашнакцутюн». Новости в армянской среде распространяются со скоростью света, и он уже знал, что я уволена.

– Рубен, меня отправили на испытательный срок, представляешь? Меня, ставившую по пять заметок в день, чтобы продвинуть портал!!

– Успокойся, – сказал Рубен со своей неподражаемой саркастической интонацией. – У нас теперь у всех испытательный срок.

И действительно, с тех пор прошло уже почти шесть лет, и мы не знаем, чем закончится Оранжевый Ереван-2018.

УМОЗРЕНИЕ МИКАЭЛА МИНАСЯНА. «АРХИТЕКТУРА» ВМЕСТО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

В мае 2019 года бывший посол Армении в Ватикане, зять третьего президента Армении Микаэл Минасян уже дважды употребил выражение «новая архитектура» в контексте российско-армянских отношений, а также по линии Армения-Спюрк. Если обобщить два месседжа, вышедшие в «Независимой газете», а позже в канадском издании «Horizon», то смысл всего сказанного проявляется в желаемой смене настроек в обеих плоскостях.

Возможно, после расформирования Министерства диаспоры в 2019 – ведомства Грануш Акоюн (под неё структура и создавалась) – слово «архитектура» ещё адекватно описывало потенциальные новые связи Армении и Спюрка. Правда, учитывая то обстоятельство, что Диаспора пережила различные фазы эмоциональной дестабилизации – шока, растерянности, перейдя к устойчивому скепсису, особенно это прослеживалось в самой эффективной общине мира – в США.

Но понятие «архитектура» было малопродуктивно для описания глубочайшего кризиса в сфере российско-армянских взаимоотношений. Микаэл Минасян обнулил нашу совместную историю, начавшуюся со времён Золотой Орды, включавшую многочисленные войны с турками, «диктатуру сердца» Михаила Лориса-Меликова, Первую мировую и Великую Отечественную. Он взял за точку отсчёта разлом СССР. Разумеется, речь шла о новейшей истории наших отношений, но заметно понижала планку для дальнейшего диалога, устранила её глубину.

В целом, посыл понятен: поскольку работать над любовью друг к другу мы, имеющие общую кровеносную систему, устали,

остаться просто друзьями невозможно. То есть политические элиты и среднее звено просто приспособляются к новой матрице, а мясо нарастает постепенно. Всё это происходит органично, но только в умозрении Минасяна. Но реальностью было то, что под воздействием технологий и при большой деградации армяне и россияне по гамбургскому счёту до событий февраля 2022 года были равнодушны друг к другу.

Микаэл Минасян предлагал выводить наши взаимоотношения из исторического тупика подобно взаимодействию США-Израиль. Понятно, что любая аналогия грешит условностью, но тут принципиально взята ошибочная модель для внедрения её на российско-армянское поле. Внешне реальности в Армении и Арцахе и Израиле действительно похожи. Окружённые мусульманским миром, они отчаянно борются не только за жизнь, но и сохранение идентичности и культурного кода. Но на этом все сходства заканчиваются. Тем более что Израиль является стратегическим партнёром именно Азербайджана, и произведённым им ВПЛА убивают армян. Сионистско-палестинский конфликт, разразившийся в 2023 году сразу после сдачи Арцаха, показал ещё раз фашистскую сущность режима Нетаньяху. Сектор Газа стремительно превращался в руины.

«Новая архитектура армяно-российских стратегических союзнических отношений должна объединять все ресурсы двух братских народов по формуле «два государства – одна цель», – писал в «Независимой газете» Микаэл Минасян, уводя нарратив уже не в связку США – Израиль, а в тандем Турция – Азербайджан, эти десятилетия живших под лозунгом «один народ – два государства».

Сравнивать США с Россией – была тоже откровенно плохая идея, ведь Российское государство основано на территории исторического проживания русских и других коренных народов. Россия никогда не была проектом, в её государственную политику не закладывалось уничтожение и выдавливание автохтонов Урала, Сибири, Крайнего Севера. Мало того, долгий период они были освобождены от налогов в царскую казну.

Именно это принципиальное различие России и США, Армении и Израиля, созданного в 1948 году в тяжелейших

природно-климатических условиях при наличии высокой пассионарности евреев (фактор, положенный в основание Алии), даёт изначально ложный «ноль» для перезагрузки российско-армянских взаимоотношений. Многие аналитики, культурологи в последние годы часто пишут о том, что на наших глазах совершается ошибка – Россию и Армению называют стратегическими партнёрами, выводя наше взаимодействие в сферу военно-политического сотрудничества. Безусловно, наши народы и общества как любые живые организмы не могут всё время находиться на пике развития и взаимодействия друг с другом, как было в 1960-70 годы, в период индустриального развития, градостроения, взлёта литератур и кинематографа, в целом – обновления социальной жизни.

В эти годы в Институте востоковедения РАН (клуб «Серендипители», модератор – кандидат исторических наук Виктория Аракелова) прошёл круглый стол «Новое русское армянское слово». Участники говорили о том, что не только Армения (где упал уровень науки и образования) за эти десятилетия стала провинциальной, но и сама Россия: некогда великая держава так и не нашла новых дискурсов для диалога и культурного обмена. А Армения, Белоруссия, Украина, Грузия, Казахстан и другие постсоветские страны, а также участники Варшавского договора прибились к другому геополитическому полюсу. Плюс страны панславянского мира – Сербия, Болгария, Словения, Польша, Чехия, Словакия также оказались вынесены за скобки будущего России. Да, потери наши слишком масштабны.

Во всём этом сказывается и пресловутая цивилизационная усталость, и почти всепобеждающая в мире тенденция к либерализации (точнее, к уничтожению) духовных ценностей. И самая главная причина, которая не даёт Армении, Арцаху и России полноценно приблизиться друг к другу и взаимодействовать – это отсутствие национальных идей. Наращивание национальной безопасности не может быть движком, это скорее – необходимый климат, обеспечивающий здоровье наций, которое никак не может посетить новый дух. Он-то и должен наполнить нас энергией созидания.

Итак, на смену коммунистической идеологии шло православие, причём, часто не в здоровых формах. Несмотря на то, что страна наша многоконфессиональная, оно сейчас играет роль «первого среди равных». Мало, кто из россиян сегодня назовёт, представители каких этносов на территории РФ исповедуют, скажем, буддизм.

Ещё несколько лет назад в России не было такой чудовищной «гламуризации» самой памяти Великой Отечественной войны. Лично у меня нет никаких сомнений, что это было сделано при помощи врагов. Ведь после начала СВО непрекращающимися волнами пошла дискредитация патриотизма через представителей медиа, эстрады.

Такого обстоятельства до прихода Пашиняна избежала Армения и Арцах по понятной причине – не утихающего военного конфликта в Арцахе и Тавушской области Республики Армения. Всегда полыхала или тлела прифронтовая зона между Нагорно-Карабахской Республикой и Азербайджаном, попадающая под обстрел со стороны ВС Азербайджана, на который армяне были вынуждены отвечать. И всё это происходило при молчаливом попустительстве российской стороны. Хотя речь шла о земле, перешедшей от персов русским «на веки вечные».

То, что россиянам в качестве «сахарной кости» подкидывали то Олимпиаду, то ЧМ-2018, а после короткой эйфории в души привычно возвращалась пустота, говорило о том, что наше общество до начала спецоперации на Донбассе находилось в глубочайшей стагнации.

В Армении кроме итогов Великой Отечественной войны свято чтут память жертв Геноцида в Османской империи в 1915 году, а также землетрясения в декабре 1988 года. Так, великие потрясения являются основой для коллективной памяти. Однако ни в Армении, ни в России сегодня, пожалуй, не скажут, ради чего живут. Сохранение генофонда – это, безусловно, стратегическая цель. Ради чего он сохраняется? Чтобы верить в Иисуса Христа, добиваться признания Геноцида армян от Турции, чтобы вернуть исторические земли, убедить мир, что Крым – это пространство Русского мира, связанного с именами Ивана Айвазовского, Льва Толстого и Александра Куприна,

чтобы избежать глобальных жертв в цивилизационных противостояниях с терроризмом или для чего-то другого? Какого высшего смысла?

Впрочем, Армению и Россию в то время, когда Минасян писал статьи, характеризовали и принципиально различные процессы. Экономические санкции в России со стороны Евросоюза и США, напротив, подняли ряд её отраслей, оживили внутренний туризм, и в целом наметилось человеческое движение от Москвы в регионы. Марзы Армении, напротив, обезлюдели, продолжал страдать аграрный сектор (тут привычно демпингуют Турция, Иран), и крестьяне, оторванные от земли в поисках лучшей доли, ехали, если не на хопан (сезонные заработки), то в Ереван «крутиться», а в сущности – маргинализироваться. Как правило, стать горожанами им так и не удаётся, социальная стратификация буксует.

Минасян не диагностировал эти процессы и не давал никакой опорной точки для будущего, куда могли бы стремиться наши общества, выражая общую волю двух братских народов. Вся концепция – умозрительное построение, проект, сбрызнутый мёртвой водой, но для того, чтобы тело жило – нужна вода живая. Но где её взять? Судя по пассажирам Минасяна – её надо либо придумать для иллюзии, либо добыть из залежей тектонически сдвинутых горных пород.

Что касается второй части высказывания Микаэла Минасяна, касающегося «новой архитектуры» взаимосвязей Армении и Спюрка, статья так же грешит оптимизмом конструктора. В частности, Минасян писал:

«Мировому армянству нужны новая мечта, новый полёт, новая архитектура, новая формула мировосприятия и действий. Недальновидно ожидать подобного масштабного перелома «снизу»: даже невооруженным глазом легко заметить, что отдельно взятые, пусть и самые удачные инициативы, концепции и идеи, будь то в Армении или Диаспоре, продолжают оставаться единичными «островками» успеха и энтузиазма, которые, устаревая и изнашиваясь по мере испытаний временем, так и не становятся общенациональными формулами, не заводят «вечный двигатель» армянства».

Что предлагает Минасян в качестве новой мечты армянства? Ничего. Но он предполагает, что её, как и любую национальную идеологию, нужно спускать «сверху», и в этом он прав.

Многие нации пережили Геноцид – и чёрный, и белый, но армяне сегодня существуют вне границ исторической Родины как взвесь. Но ведь однажды при создании благоприятных условий или наступлении исторических перемен армянин может почувствовать в себе «оттаивание» своей идентичности и стать «призванным», так произошло как с возвращающимися из Диаспоры армянами, так и с героем Арцахской войны Монте Мелконяном.

Но вместо предложения конкретных шагов Минасян снова пытается действовать, делая акцент на условном рефлексе армянства, предлагая ему опираться в своём духовном и организационном поиске на осознание своей «глобальности»:

«Республика Армения как политический мегапроект глобальной нации может и должна стать первым в мире глобальным государством, первой сетевой страной, первым онлайн-государством, которое будет своим для каждого человека армянской идентичности, вне эмоциональной плоскости и даже выше этого, вне зависимости от места его жительства, а продиктованные временем миграционные перемещения не станут в таком случае помехой для его вовлеченности во всемирную сеть, роли и национальной парадигмы».

Но говори не говори «первая христианская», «самая древняя», «глобальная» – во рту слаще не станет. Увы, ключевые доминанты армянской идентичности подчас становятся его ловушками. Чем больше армяне заикливаются на своей древности и исключительности, разжигая собственную гигантоманию (хотя корабль «Армения» находится в балласте), тем больше они лишаются трезвых, скептических подходов в осознании своего будущего. Конечно, армянский народ имеет и сохраняет своё международное миссионерство, но оно совершенно не годится для лозунгов, так как сегодня оно обесочено, лишено свежих сил, и держится этот баланс в «новой Армении» благодаря консерватизму и приверженцам концепции «нация-армия», разработка которой принадлежит команде экс-министра обороны Вигена Саркисяна.

ДИАСПОРА – АРМЕНИЯ. «ЖИВИТЕ В ДОМЕ И НЕ РУХНЕТ ДОМ»

Шестой Всеармянский форум Армения-Диаспора, который прошёл в Ереване в 2017 году, обозначил полное оскудение диаспоральной повестки. Он собрал более 1800 участников из 71 страны. Кстати, к этому событию по всей столице были установлены баннеры с изображением выдающихся деятелей политики, науки, культуры, но при этом они были на армянском и английском языке. Хотя в России проживает самая большая община армян численностью около 3 миллионов человек. Это было нелепо и вызывающе, так как на этих перетяжках были Александр Таманян, Ованес Туманян, Минас Аветисян, Мартирос Сарьян, Фрунзик Мкртчян, жившие или в Российской империи, или в СССР.

Поэт, публицист Виктор Коноплёв был на Всеармянском форуме в 2011 году единственным русским. Так получилось, что у руководителя нижегородской делегации накануне случилась трагедия, умер сын. И Виктору предложили представлять Нижний Новгород вместо них. Он вспоминает, что уже тогда на форуме отсутствовал русский перевод. Несколько человек из регионов России просто не могли участвовать в пленарных заседаниях. Рабочими языками были армянский и английский.

А шестой форум проходил в сентябре, был приурочен к 100-летию майских героических сражений и провозглашению Первой республики Армении, а также к празднику «Эребуни-Ереван-2800».

В президиуме сидели президенты Армении и Арцаха Серж Саркисян, Бако Саакян, Католикос Всех армян Гарегин II и министр диаспоры Грануш Аюпян. Несмотря на амбициозную

повестку, направленную на поддержание и сохранение армянства, усиление оборонной и внешней политики Армении, форум этот можно расценивать как полупровал. Одним из главных месседжей Акопян стала цифра о 2 миллионах армян, проживающих в Турции, как будто их число могло усилить позиции армян как внутри самой страны, так и на международном уровне. А одним из бенефициаров форума стал улыбочивый Каро Пайляян из меджлиса Турции, который готовился врагами Армении как медиатор замирения с турками. Правда, выяснится это чуть позже. Как и то, что по либеральным сценариям, качающим повестку как в Армении, так и в Турции, был изготовлен Нобелевский лауреат Орхан Памук, чья звезда взошла на теме армянского геноцида, которого он почему-то не заметил в Арцахе в 2020 году. Уже в год убийства посла РФ в Турции Андрея Карлова Орхан свернул бурную литературную проармянскую деятельность, которая однажды привела его в тюрьму, для создания нужного диссидентского флёра. И когда с любимцем женщин и посланником богов Каро спешили все сфотографироваться, только азербайджанолог Анжела Элибегова сказала о том, что Пайляян – игрок не армянского политического поля и вся эта шумиха ни к чему.

На форуме Армения–Дiaspora, на мой взгляд, хоть меня там и не было, армяне и самого Хайастана и Спюрка забыли кто, собственно, является центром армянства, а кто – его инструментарием. Было очевидно, что часть Diasпоры раздражена погружением Армении Сержа Саркисяна в феодально-коррупцированное удушье. Также были и те, кто жёстко осуждал Сержа Азатовича за его армяно-турецкие Цюрихские протоколы, подписанные в октябре 2009 года и сопутствующую им футбольную дипломатию. Соглашение оказалось безрезультативным, но зато вызвала бурю негодования у тех, чьи предки погибли в Османской империи, по причине чего они лишились Родины и рассеялись по всему миру. Этимология слова «спюрк» как раз и характеризует этот процесс.

Это положение с каждым годом напоминало то, что описал философ, религиовед Мирча Элиаде: он приводит пример такого переносного axis mundi – священного столба у австралийского

племени ахилпа. Куда бы это племя ни перемещалось, оно уносит столб с собой. Близость столба создает постоянное ощущение дома, через него осуществляется и связь с небом. Но если он рухнет – это равнозначно катастрофе, «концу света», возврату хаоса. Антропологи Болдуин Спенсер и Френсис Джеймс Гиллен наблюдали последствия такой катастрофы; представители племени, терзаемые смертельной тоской, бесцельно бродили как неприкаянные и, наконец, сели на землю, готовясь к смерти.

Армянский мир имеет много центров. Первый и безусловный – Арарат. Но он находится на оккупированной турками территории. «Депи Арарат» – «Կ Арарату» – это один из самых главных лозунгов армянства. Второй центр – Ереван, Эчмиадзин. Другие разбросаны – Москва, Марсель, Амстердам, Фресно, Бейрут, Тегеран, Гуанджоу... Хуже всего, что культурные, сакральные, финансовые, политические, военные центры не совпадают. При этом армяне – не кочевники: вот почему они испытывают такие тяжелейшие трансформации духа.

Теперь посмотрим, какие стратегические задачи ставило перед собой Министерство Диаспоры Республики Армения. По мнению его руководителя, в Армении нет религиозных и ментальных противоречий, хотя с «перестройки» она была наполнена сектантами всех мастей. Но зато подтверждалась конфронтация по оси Армения – Спюрк, чаще эта тема была привязана к политическим разногласиям, конечно, особенно обостряющимся в предвыборное время.

Миндиаспоры было создано указом Президента РА Сержа Саргсяна 1 октября беспокойного 2008 года. Как написано на сайте ведомства, «в целях полноценной и эффективной реализации государственной политики по развитию партнёрства Армения–Диаспора». При министерстве был и консультационный орган – Общественный Совет, созданный в марте 2016 года. В него входили лидеры общественных организаций, руководители СМИ, авторитетные люди. Члены Совета из числа армян Диаспоры, постоянно не проживающих в Армении, они могли участвовать в заседаниях Совета заочным порядком, присылая

по Интернету свои предложения и замечания по обсуждаемым вопросам, а также посредством видеоконференций. Раз в два года треть членов Совета подвергалась ротации.

На сайте ведомства Грануш Акопян было много тематических рубрик: «Всеармянские Ассоциации», «Арцах сегодня», «Двойное гражданство», «Уголок сирийских армян», «Инвестиции в Армении».

При этом трудоспособные граждане продолжали покидать Армению. И даже те же сирийские армяне, которые вернулись на историческую родину во время войны, понимали, что если в Сирии ситуация стабилизируется, они уедут. По некоторым данным, только за шесть домайданных лет Армению вместе с семьями покинули почти 35 тысяч школьников. В Армении с 2011 года публиковалась официальная информация о притоке и оттоке учащихся общеобразовательных школ. В целом за последние шесть лет уехало из страны около 34,9 тысяч учащихся школ, а приехало из-за границы чуть более 12,8 тысяч. Отрицательное сальдо превысило планку в 22 тысяч человек.

По статистике, 80 процентов армян уезжали в страны СНГ, многие в Россию. Основная причина – экономическая. У тех же, кто остался, нет веры, что их дети будут жить лучше, чем они.

Глава Миндиаспоры часто давала интервью. И если её израильский коллега из Министерства Али и интеграции в те же годы считал, что пришло время перестать прятать голову в песок, то тикин Грануш в интервью изданию «Ноев Ковчег» под жизнеутверждающим заголовком «Мы объединяем потенциал всего армянства» выражала удовлетворение своей работой: «Министерство диаспоры не только состоялось, но и стало развивающейся и перспективной структурой, которая занимается решением вопросов повестки дня армянства». Оно является звеном, которое связывает диаспору с Родиной, укрепляет и направляет эту связь».

Заметим, что эти тезисы часто имеют тот же тон коммунистической риторики о «претворении в жизнь». Грануш

Грантовна не боялась даже «плюсовать»: «Каждая программа приоритетная и первоочередная». И как квинтэссенция жизнедеятельности: «Наша сверхзадача – содействовать диаспоре в сохранении армянства».

Безусловно, за это время Министерству Диаспоры удалось организовать позитивный фон, где расширялась сеть однодневных школ, организовывались форумы, слёты и школы родного языка. Но с приходом в мир коронавируса связь Армения – Спюрк стала испытывать большие затруднения. Враг нанёс по этим связям удар в сентябре 2020 года, когда въезд в Армению для многих представителей Спюрка стал невозможен. Иллюзия того, что всемогущий Спюрк придет и спасёт, рассеялась.

АРМЯНСКИЙ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Как мы помним, мысли Микаэла Минасяна по «новой русско-армянской архитектуре» были высказаны в 2019 году. Сейчас на дворе март 2024 года. И выглядят эти умозрительные концепты всё также абсурдно как и тогда. Как и те, о которых говорил лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош, когда мыслил (или его кураторы мыслили в целях оболванивания), что вокруг Украины возможно выстраивание «геополитических конструктов». Время доказало неизбежность трагедии, когда конструктами пытаются заменить органику.

Ровно три года назад, в январе 2021 года, я вновь прилетела в Армению, погружённую в глубочайшую депрессию после проигрыша в войне. Меня встретил в аэропорту Эдгар Мирзоян, и мы вместе с ним и его другом, драматургом Бабкеном Закарянном, которого он называл Зак, провели весь вечер в разговорах о тяжелейшем состоянии республики после подписания Шуминских протоколов. Эдгар в ноябре вернулся из Физули, где работал в госпитале врачом. Я хорошо помню, что в это время, в какое бы я кафе не заходила, сидели армяне всех возрастов и говорили только о войне, часто с экспрессией, переходящей в крик.

И в тот вечер мы вышли из кафе с Эдгаром и Бабкеном, и нас увидел их знакомый парень. Я стояла поодаль, и в темноте было плохо видно его лицо. Ему было меньше тридцати лет, наверное. На вид – ереванский креакл с хипстерской бородой. Они давно не виделись, и парень спросил моих спутников:

– А вы там были?

Они стали о чём-то взволнованно говорить. И тут этот парень просто сорвался и начал кричать:

– Ты понимаешь, что у нас нет ничего? Ничего нет!

Он, конечно, говорил ни сколько о проигрыше в войне, сколько о полном демонтаже Республики Армения как государства.

Летом этого же года я начала работать над книгой «Чёрные рыбы. Удинский акафист», события которой разворачивались на сломе СССР и потом продолжались на фоне Арцахской войны 2020 года. Я приезжала в 2021 году в Ереван ещё в марте, в июне, и летом особенно угнетающе действовало то, что большая часть ереванского общества продолжала наслаждаться жизнью. Из кафе неслась громкая музыка, все рестораны были забиты, а по улицам ходили потерянные люди, осознававшие глубину трагедии. На скамейках сидели иногда совсем молодые ребята, фронтовики, вернувшиеся с войны без ноги или руки. Сидели отчужденно, неприкаянно, в чёрных очках, в уцелевшей руке держали сигарету.

С Викторией Аракеловой и её сестрой Элиной мы в январе поехали в госпиталь, где проходил реабилитацию один из ветеранов, которому и было-то лет девятнадцать. Звали его Эдуард, был он сам из Анапы. Сложные взаимоотношения с родственниками, проблема с документами. Сёстры, как и многие неравнодушные ереванцы, поддерживали многих ребят, чем могли. Покупали еду, одежду, помогали найти юридическую консультацию.

Так же однажды мы заехали с Элиной в один из солдатских домов, который размещался рядом с медицинским университетом. Я уже не помню, какая была цель нашей поездки, но ветераны, видя русское лицо, обращали на нас внимание. Хотя в целом, наверное, они чувствовали меня чужой. Говорить о произошедшем с людьми, которые не были на фронте, тем более женщинами, им не хотелось. Старательно обходили в рваных диалогах тему войны, сидели за столом, курили, пили кофе. Мы с Элиной всё же продолжали тонко и деликатно выражать своё сочувствие и понимание глубины пропасти. Как вдруг один армянин из Раздана сорвался и стал горячо говорить о том, что мы никогда не поймём то, что чувствуют они. На глазах у него, командира, его ребят разрывало на куски.

В январе я взяла такси и сама поехала на военное кладбище на Ераблуре. Таксист высадил меня у входа, но нужно было ещё

идти пешком до самого кладбища. Было холодно и пустынно, и только одичавшие собаки бегали поодаль. И тут мимо меня проехал джип и остановился чуть поодаль. Оттуда помахал рукой парень и закричал «иди сюда», я подбежала и села.

Он спросил:

– Почему ты, русская, идёшь на это кладбище? Кто-то из знакомых?

Я сказала, что нет. Я иду навестить могилы героев. Ведь это война была и за Россию в том числе.

Он удивился и сказал:

– Ты действительно так думаешь?

– Ну, конечно. Армения – ведь наш союзник, двусторонние договорённости с 1997 года... Но...

Он слушал молча, ничего не говорил. И только потом уже высадил меня и сказал, что он работает здесь, и если будут вопросы, обращайся.

Я долго ходила по Ераблур. Была у могилы Монте Мелконяна, прославленного героя Первой карабахской войны. Был здесь с почётом перезахоронен в 2000 году и герой Первой мировой войны Андраник Озаян, который скончался в Калифорнии. И это было уже второе его место успокоения, первое захоронение было в Париже на кладбище Пер-Лашез.

Больше всего меня потрясли лица погибших. Многие на фотографиях выглядели совсем как мальчишки и годились мне в сыновья. На могилах было много людей. Плач раздавался то тут, то там. Это было очень тяжёлое зрелище. Страшно было ещё и то, что много было выкопано могил и впрок. При мне группа родственников под руки вела с могилы сына очень красивую женщину, она была вне себя от горя. Придя в себя от сострадания, я подумала, что она, может быть, моложе даже чем я лет на десять...

Возможно, специфика армянского посттравматического синдрома уникальна, а может быть, в мире есть ещё и другие народы, чья реальность держится в подобных тисках. Даже евреи, пережившие погромы, дело Дрейфуса, Хрустальную ночь в 1938 году, наконец, Холокост, имеют «люфты» – такие периоды, когда история даёт возможность восстановить не толь-

ко генофонд, но и душевные силы.

Правда, в 2023 году еврейское государство ещё раз показало свою принадлежность к фашистской идеологии. Не случайно Израиль стал ключевым партнёром Азербайджана.

Геноцид, война, переселения, быстрое включение в жизнь других стран, адаптация, социализации, успех, отчасти репатриации в Восточную Армению, тюрьмы, война, землетрясение, война, подготовка к новой войне – в этих перечислениях не соблюдается хронология, но названное обуславливает тяжелейшую судьбу армянской нации. А ведь она была рождена совсем для иной жизни и миссии: для созидания, искусства, веры. Но история навязывает ей другую.

Обстоятельства таковы, что излечиваться от болей времени нет. В этом отличие армянского посттравматического синдрома от других, по сути, он не является «пост». Исцеляться от боли 1915 года многим пришлось подспудно, идея мемориала была публично озвучена только в 1965 году, в 50-ю годовщину геноцида. Отчасти это стало причиной армянского советского Ренессанса, он чувствовался иначе, чем пресловутая радость коммунистического созидания в других республиках в период развитого брежневизма.

В конце 1980-х чудовищным образом совпали две трагедии – землетрясение и Арцах. Большую роль в эти годы испытаний сыграла и армянская парадигма, более или менее быстро восстанавливающая и исцеляющая. Но здесь есть и свои «подводные течения». Как и на всем постсоветском пространстве в конце 1990 х годов в Армении по психиатрии был тоже нанесён большой удар. Роль психологов в армянском обществе традиционно играют члены семьи или общины.

К тому же социально-психологический аспект Первой карабахской войны был смят, он не был должным образом отработан в кино, ведь студия «Арменфильм» была уже уничтожена. Нация чувствовала боль так часто и по разным причинам, что трудно было понять, какими лекарствами можно исцеляться. Нужно было жить, а не бесконечно оплакивать своих мертвецов, и это подчас «быстрое засыпание» боли обернулось проблемами «белого геноцида» и покидания Родины. Кстати, Армен Борисович Джигарханян во время интервью в его театре рассказывал мне и

фотографу Вигену Ахвердян, что армяне после землетрясения не позволяли вывозить детей из республики. Так как это очень опасно для психики – перемещаться из сильнейшего в горя в чужую среду, пусть даже благополучную. Человек должен медленно исцеляться вместе со своим народом.

В Армении, как и после Афганистана или чеченских кампаний, герои, не найдя себя в мирной жизни, стали причастны к созданию или обслуживанию коррупции, подкрепляемой опытом войны. В этот исторический момент в Армении было мало хорошей публицистики, почти не было литературы. Не появился тот, кто мог бы удержать авторитет творцов прошлого, таких как Ованес Туманян или Аветик Исаакян. Впрочем, такая тенденция утвердилась во многих странах мира. В армянском искусстве продолжали заниматься событиями 1915 года, потом Сумгаитом и Карабахским конфликтом. Появились произведения замечательного прозаика Левона Хечояна, он сам был ветераном этой войны. Также были опубликованы рассказы Дмитрия Писаренко «Дядя Лёва», Ованеса Азнауряна «Оставить сердце на войне».

Из страны выезжали неугодные предприниматели и бизнесмены, но мало кто входил в прямой конфликт с властью, чтобы личность его оценивалась громким словом «диссидент». Многие армяне уезжали из страны больше не по причине безработицы, а из-за атмосферы удушья. Пожалуй, единственный, кто громко озвучил свою позицию, был Сос Саркисян. Сос Арташесович в книге «Разорванное время» вспоминал:

«Армянская река карабахским движением разлилась, разъярилась, огромные и горделивые волны поднялись, глубокое русло наполнилось до краев... А когда всё успокоилось, мы с удивлением увидели новых хозяев. Вода отошла, и мы увидели берега загрязнёнными... Вопрос Арцаха основательно закроется сам по себе, если сегодня мы увеличим его население на 50 тысяч человек».

Конечно, предполагая это, большой патриот своего народа и не думал, как трагически будут уничтожены итоги национально-освободительного движения.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О МАНИФЕСТЕ И ИДЕОЛОГИИ «АДЕКВАТИЗМА». КАК ХЕНТА СДЕЛАТЬ ВОИНОМ НОВОЙ ФОРМАЦИИ?

На политическое поле Армении после Майдана 2018 года явилась группа оппозиционеров «АдекваД», которая сделала попытку консолидировать молодёжь, выдав им внешне привлекательную идеологическую программу. Оформившееся в политическую партию движение начиналось с лайвов блогеров Артура Даниеляна, Нарека Маляна. Позже к ним примкнула журналист Лика Туманян.

Первой, но не главной ошибкой было позиционирование: активисты стали говорить о себе как о независимой силе. Очень скоро стало известно, что АдекваД – это проект Микаэла Минасяна. В принципе, не было ничего удивительного в том, что зажатая в тиски Армения будет использовать любую риторику национального толка, которая выведет людей из шока и страха перед стремительно приближающейся войной. Минасян предлагал новый формат, который объединит вокруг Армении и Запад, и Россию. В текущих предвоенных обстоятельствах это было невозможно, тем более что сама Россия бороться за Армению не хотела. Антиармянская проплаченная пропаганда с государственных телеканалов усиливалась. Даже такие публицисты и общественные деятели, долгое время считавшиеся «друзьями армянского народа», как Модест Колеров, начали писать, что красные линии России на Кавказе должны закончиться в Южной Осетии и Абхазии. И даже вбрасывать в самую горячую фазу месседжи о том, что Армении по сути России нечего предложить, а из-за неё русским приходится ссориться со всем мусульманским миром.

Про самого фронтмена движения Артура Даниеляна было известно, что он привозил в Россию Никола Пашияна. Но после

Майдана пришлось откатиться не только ему. Появились такие прозападные армяне, которые резко захотели отцентроваться в своих мироощущениях и наладить конструктивный диалог с Россией. Последняя всё же их не ждала. Она не ждала даже явно пророссийских активистов, потому что боялась вызвать негодование Баку. В данной порочной ситуации для России были плохи все.

Если западников можно было использовать в риторике про армянское «предательство» и старательно лепить из них врагов, то пророссийские пассионарии, как в стихотворении Иосифа Бродского, продолжали «к равнодушной России прижиматься щекой». Среди них был и лидер «Патриотов Армении» Мгер Гуцян со своими большими активами, чистейшей русской речью и мышлением, поддерживающий Роберта Кочаряна. Но русские просто не знали, как таких «готовить». Учитывая ещё и то, что Кочаряна предпочли отодвинуть в преддверие битвы Алиева за Карабах. И поэтому русские продолжали держать таких, как Мгер, не то в запасе, не то в игноре, вместо того, чтобы грамотно ими воспользоваться.

Вскоре был опубликован «Манифест Адекватизма». В ряде публикаций адекваты даже называли себя Орденом, надели чёрные майки с логотипом, наконец-то расчехлившись, заявили о том, что предпочитают в качестве предводителя оппозиции Микаэла Минасяна. Надо сказать, что момент был выбран удачно: кухонные антениколовские видео Минасяна были очень популярны не только у домохозяек.

В сентябре 2019 года при помощи политолога Андрея Арешева вышла моя статья на сайте Научного Общества Кавказоведов, где я разбирала Манифест. Редакция выпустила к ней собственный лид, где указала, что 7 сентября 2019 года в Ереване состоялся учредительный съезд новой политической партии «АдекватД» во главе с Артуром Даниеляном, отражающий активные общественно-политические процессы в Республике Армения, включая перегруппировку сил на поле, оппозиционном действующему правительству и парламенту.

По словам А. Даниеляна, между действующими в Армении политическими силами принципиальная разница отсутствует, а миссия заявленной партии – стать в авангарде революции, которая виделась ему неизбежной. Причем отнюдь не только в Армении, но и в других странах. И предложила читателям, несколько отстраняясь от конъюнктуры момента, прочитать мою статью о заявленной идеологии нового движения, его исторических и культурно-мировоззренческих предпосылках и о шансах в борьбе за умы и сердца на родине и в зарубежных диаспорах.

Орден «АдекваД» обратился к средневековым духовным и военным образованиям, монашескому и рыцарскому духу. Такая стратегия должна была, по их ожиданиям, означать готовность сторонников к глубокой и всеобъемлющей трансформации жизни армянского общества. Заявленные перемены должны были пройти в армии, науке, образовании, культуре, духовной жизни, в политической, социальной и экономической жизни, она имеет универсальный характер. Самой парадоксальной в выдвинутых тезисах была та часть, которая должна касаться основы основ – ментальности армянского народа. То есть речь шла о положительном переформатировании идентичности.

Задача сама по себе имеет «величие замысла». В январе 2024 года подобные мысли высказывались и на телеграм-канале «Щелчок Таноса». Автор привёл выше приведённые слова Андрея Фурсова в армянском контексте. Он писал о том, что армяне должны прежде всего научиться побеждать в метафизических войнах, то есть в войне смыслов. А цель этой войны – «разрушить организацию психосферы армянского народа, направив его на ложный путь, внедрив ложные концепции самости в пространстве и, главное, во времени. Далее, лишив собственных смыслов, парализовать волю к победе».

Но для перезагрузки АдекваД предлагал использовать уже отжившие социально-политические модели, ведь Средневековье закончилось полтысячелетия назад. И гибель его была обусловлена глубочайшими противоречиями. Конечно, с другой

стороны, как утверждает мой друг, актёр и философ из Санкт-Петербурга Александр Дюрис, что весь опыт человечества архивирруется в Библиотеке Состояний. Так как у Вселенной есть для этого специальные «зеркала». Но, даже если основываться на оптимизме метафизики и возвращаясь в реальность, нынче можно только констатировать победу разархивированных деструктивных сценариев.

Сегодня уже можно с уверенностью сказать, что Орден не приходил в мир всерьёз и надолго. Уже через год, к началу войны 2020 года, его не было в публичном и медиаполе. Лично меня это не удивляет. Так как идеология «АдекваДов» очень напоминала ту, с которой пустил себе пулю в горло на алтаре Нотр-Дама военный историк, ветеран Алжирской войны Доминик Веннер в майский день 2013 года, когда Президент Франции Франсуа Олланд подписал закон об однополых браках. Но перед этим Веннер издал последнюю книгу «Самурай Запада. Настольная книга непокорённых», предлагая сделать отход от новейшей истории Франции в японское Средневековье, чтобы испытать новый опыт, новый инструментарий совершенно чужой культуры и попытаться найти свежую идеологию. При этом я не буду здесь разбирать мировоззренческие ошибки Веннера, который оправдывает обращение к так называемой традиции, антихристианству Шарля Моррасса, совершенно предсказуемо оказавшегося в Виши. Тут важно подчеркнуть средневековую западную стилистику «АдекваДа» и частично риторику.

Важным аспектом было и то, что апеллируя к эстетике католицизма, АдекваД совершенно забыл о том, что один из центров глобализма Ватикан был всегда на стороне врагов Армении. Выдающийся путешественник, учёный, общественный деятель Фритьоф Нансен в книге «Армения и Ближний Восток» писал о том, что в 1895 году после того, как Великобритания и другие государства стали давить на Абдул-Гамида и требовать реформ, султан обратился с жалобой на англичан в Ватикан. Папа попытался успокоить Великобританию, а государственным должностным лицам Анатолии наметкнули, что было бы хорошо быть готовым к защите магометанского населения от посягательства христиан, готовящих восстание.

Апеллировать к европейскому Средневековью само по себе было ошибкой. Это уже в истории повторяли в современной Франции. Так как излёт европейского Просвещения случился в 1970-е годы, и он не случайно совпал с Парижем-1968. После того, как французы вышли из майданной эйфории, они вошли в тяжёлую депрессию. Поскольку не только христианство, но и плоды Просвещения (и континентального рационализма) были уже освоены, нужно было за что-то схватиться.

Кстати говоря, философ Гаяне Тавризян в книге «О. Шпенглер, Й. Хёйзинга: две концепции кризиса культуры» выделяла глубокие противоречия средневекового общества, когда разбирала учения Освальда Шпенглера и Йохана Хёйзинги. По её мнению, Хёйзинга, скрупулёзно изучая многие источники, приходит к выводу, что в XX веке взгляд на Средневековье меняется, становится более объективным. Да, было кровопролитие, хроническое отсутствие безопасности, но и свои коллективные радости тоже были (музыка, живопись). Был у средневекового человека даже порой и мир в душе. Общество двигалось к гибели главным образом из-за внутреннего кризиса. Произошло истощение духовного потенциала. Вот на это дети гнезда Минасяна не обратили внимания. Поэтому вдолгую, чужеродная средневековая вторичка, тем более на армянском поле с её перекрёстными информационными шумами и разрывами идеологического и политического поля, продержаться не могла.

Здесь вставал ещё один вопрос – насколько природа ментальности того или иного народа вообще способна к таким положительным трансформациям. Можно ли её значительно улучшить, переписать под вызовы времени?

Армянский народ тысячелетиями развивал свой характер, способности мышления, мирозерцания. Да, новейшие угрозы ставят его перед особым выбором – измениться или исчезнуть. Но практического применения тезисы Адекватности пока не нашли.

Манифест в самом начале апеллировал к нескольким цитатам героя Арцахской войны, премьер-министра Республики Армения Вазгена Саркисяна, трагически погибшего во время теракта в парламенте 27 октября 1999 года. На днях было

объявлено, что в Армении на государственном уровне будет отмечаться его 65-летие со дня рождения.

«Я уверен, что наше государство станет сильным и благосостоятельным. 21-й век, без сомнений, будет за нами».

«Мы чувственный народ, и не всегда быть чувственным – плохо. Очень часто чувственность может быть полезной».

Уже в том, что для основы своих размышлений адекватности берут из двух источников – рационального и иррационального – сказывается желание уравновесить развитие армян как интеллектуалов, так и людей, способных к искусству. Здесь воедино сходятся два персонажа романа немецкого писателя Германа Гессе – Гольдмунд и Нарцисс. Как известно, первый отвечал за разум, второй – за чувственную сферу.

Писатель Раффи, который много писал на исторические сюжеты, в романе «Хент» разработал армянские аналоги Гольдмунда-Златоуста и Нарцисса. Смелость и последовательность действий Вардана, пропагандиста Дудукджана, убитого в застенках пашы, двух сыновей Хачо, выбирающего путь борьбы, ясно даёт понять, кто здесь герой. Как мы видим, писателю недостаточно одного «безумца» – Вардана, контрабандиста по нужде, который не боится говорить правду и самостоятельно действовать, он вводит ему в помощь активиста с созревшим гражданским самосознанием – стамбульского армянина, сына турчанки, Дудукджана – Левона Салмана. Эти два смельчака, «хента» по представлению простого, запуганного народа (которому Томас-эфенди бесконечно приписывает осла как его тотемное животное), олицетворяют два начала человека – эмоциональное и интеллектуальное.

Адекват считает, что Вазген Саркисян «...на интуитивном уровне чувствовал, что Армения имеет все предпосылки для того, чтобы заполнить XXI век. Однако, как это часто случается с творческими людьми, он не рассчитал свои шаги».

Если я правильно понимаю авторов, то они считали и отрицательным, и положительным обстоятельством то, что Армения много раз лишалась своей государственности. Речь идет о смене энергий. Об этом тоже часто говорит в контексте русской действительности Андрей Фурсов. Смена энергии произошла и в 1917 году.

Для адекватов «обнуление», сто лет назад выразившееся в величайшей трагедии XX века – в Геноциде армян в Османской империи в 1915 году, содержит в себе не только потерю огромной части генофонда, но и стремление преодолеть, выровнять историческую «кардиограмму». Подобную мысль высказывал политолог Арег Галстян в статье на сайте repatarmenia.org «Возвращение к Великой Армении: цивилизационный путь армян», где он пишет:

«Мы ошибочно полагаем, что Великая Армения погибла и её не возродить. Империи свойственно такое качество как универсализм и непрерывность в пространстве и времени. Теория «переноса империи» (*translatio imperii*) говорит о том, что империя – это не столько земная, сколько метафизическая и трансцендентная сущность. Согласно этой теории, империя погибает только как территориальная единица, передавая через религию, культуру и философию свои идеи и незавершенную миссию новому государственному образованию».

Если кратко охарактеризовать «предлагаемые обстоятельства» Армении, по мысли АдеквАда – это отсутствие ресурсов и расположение в «перекрестке» мира. «При условии оптимальной эксплуатации этих факторов сильные мира сего были бы вынуждены с нами считаться», – это важный посыл.

Но что сделать для того, чтобы это произошло? АдеквАД полагает: необходимо изменить психотип, перестав считать себя и жертвами, и возмущёнными, и безумцами-хентами, и злопамятными. Для описания всех этих признаков девиантного поведения Орден вводит понятие *Ressentiment*, которое «... возникает, когда человек перекладывает свою фрустрацию, ответственность за собственные неудачи на другого. Поражения и, как их следствие, чувство второстепенности и неполноценности укоренили систему ценностей и морали, которые должны были способствовать борьбе с источником фрустрации или, как минимум, помочь не замечать его. Эта система ценностей использовалась в дальнейшем, чтобы образно унижить субъекта, ставшего причиной неполноценности. Не сумев унижить на практике, мы прибегаем к более философским методам унижения. В частности, объективно одержавшие победу персы, римляне, турки, арабы, татары подменивались в общественном сознании

и превращались в субъективно побеждённых, чтобы скрыть собственную вину за поражения. Это создавало псевдоврага, чтобы скрыть собственные недостатки. Когда не удавалось определить такого врага среди чужих, врагом назначали своих: Армянскую апостольскую церковь, князей, карабахцев, а с недавнего времени РПА и состоятельных армян в целом. Грубо говоря, это является формулой глубинного «обижничества».

АдекваД предлагает ретроспективу, где приводит пример: «В Римской империи христиане были «рабами», находящимися в состоянии «Ressentiment»-а, которые вполне закономерно восстали и не менее закономерно разрушили империю». Тут не хочется легко соглашаться, так как задолго до того, как христианство распространилось на территории Римской империи, она сама создала ряд факторов, которые и приблизили её конец. Например, незащищённость стратегически важной провинции норики, плохая разведка; а когда консул Марий с большим трудом обуздал северные племена, Рим шатнулся к чудовищной варваризации – в то время, когда нужно было восстанавливать военную элиту, истреблялись гладиаторы – сильные и здоровые мужчины в расцвете сил, что наносило ущерб и генофонду, и морали. Христианство заполнило духовную пустоту.

Соглашусь с вот этими аргументами АдекваДа:

«Мы вошли в 21-й век с установкой, что во всём виноваты периодически правящие и соответственно «гнетущие» нас персы, турки, русские, свои армянские «нахлебники», но никогда мы сами, никогда виновным не был наш внутренний раб, наш «обижник». И, чтобы наказать «виновных», мы сотворили кумиров, лжемессий, обеспечивавших нам моральные псевдопобеды, которые мы, в свою очередь, благополучно мифологизировали путём инверсии ценностей».

Истина и Сила тождественны – считают члены Ордена. Они приводят в пример жизненное кредо таких разных мыслителей, как Гомер, Ницше, Нарекаци. Здесь они меняют ракурс обзора и пытаются рассмотреть армянство сверху, в мировом контексте, чтобы оторваться от сиюминутных, субъективных оценок и увидеть своих героев в одном ряду с античными. Так, Вазген Саркисян, по их мысли, несправедливо воспринимаются в народе как зло, не являясь таковым. Рядом с ним и герой

Арцахской войны генерал Манвел Григорян, превратившийся в «вора тушёнок» (по кровавому навету пашистов, тут действовала обычная технология).

Здесь есть очень большая проблема: герой войны редко сохраняет доблесть и честь в мирной жизни, как это смог сделать генерал-майор Аркадий Тер-Тадевосян. Лично у меня напрашивается вывод: герой войны должен погибнуть, чтобы «не стать скучнейшим из смертных» по Ремарку, не рисковать трансформацией, и что ещё хуже, аннигиляцией своего образа?

А что если он не умер? Не станете же вы его упрекать в том, что он не погиб?

Получается, как только война медленно преодолевает разруху, зализывает раны и становится миром, она ставит героя войны в положение жертвы. Уязвимость героев всех войн – об этом написаны тысячи страниц. Не нужен Агамемнон Клитемнестре, спивается уже упоминаемый выше герой Евгения Урбанского в фильме «Чистое небо» – лётчик Астахов, герой Советского Союза, попавший в плен...

Но в Армении война не заканчивается, она тлеет. Поэтому здесь нужен особенный герой.

...Так что же Орден хотел от своих героев? Чтобы их никогда не заканчивающаяся война не разрушала, не ломала их подлинную натуру? Или они должны рождаться не от армянских матерей, а из головы богов, бряцая оружием?

Адекват об этом не пишет, а по сути, говорит о продолжении концепции «нация-армия», разработанной командой экс-министра РА Вигеном Саркисяном о том, что армяне должны превратиться в нацию воинов. В целом, такая пассионарность, на мой взгляд, была очередной раз зафиксирована в ходе Апрельской войны 2016 года.

«Наши пацифисты должны были бы бояться ярлыка «пацифиста» намного больше, чем смерти на поле боя. Чтобы победить, наши дезертиры должны были приговариваться к смертной казни», – продолжают адекваты. Вот тут и видится Красс, который ввёл децимацию – убивал каждого десятого, чтобы войско больше боялось его самого, чем Спартака.

Рассматривая легендарных героев армянской истории, адекваты не прощают даже Айка, ушедшего на Север от

несправедливого Бела и Вавилона. Всё, говорит Орден, Севера больше нет. Действительно, армянам некуда отступать. Территория современной республики составляет 7 процентов исторической Армении. Армяне просто «обречены быть не просто мудрыми, сдержанными, мужественными и справедливыми, а самыми мудрыми, самыми сдержанными, самыми мужественными и самыми справедливыми. Ровно как хищники обречены быть элитой пищевой цепочки, мы также обречены быть в элите человеческого вида. Иначе приспособимся, ассимилируемся и исчезнем».

Войдет ли эта доктрина в противоречие с тем архетипом, который описал Дереник Демирчян в знаменитом эссе «Армянин»?

«Но видели ли вы его беженцем? Что за ленивый попрошайка. Предложите самую выгодную работу, откажется... Наверное, несёт в сердце месть, что-то плохое, поэтому и обособляется, чтобы замышлять, строить козни, вредить. Ничего подобного. Хочешь узнать самую большую добродетель Армянина? Нет другого племени, столь же готового прощать».

Как из нежного, доброго, ранимого, наконец, иррационального человека выковать новый тип армянина? Будет ли он включать в себя те ценности, что были в человеке Араратском? Проявятся ли в нём субментальности, описанные Леоном Мелик-Шахназаряном в статье «Характер армянского народа»?

И тут же ещё один глобальный вопрос – построение национального государства. Хорошо бы понять, как в него впишутся индусы, пакистанцы, евреи, турки, русские, китайцы, которые сегодня проживают на территории республики? Вспомним тот факт, что дашнаки воспрепятствовали заселению амшенцами (хемшилами) Мартакертского района НКР, так как они являются мусульманами. Они могли бы вернуться в лоно ААЦ уже во втором поколении, но им изначально не было предоставлено такой исторической возможности. А хемшилов в Киргизии в 2012 году было всего-то 200 семей, 100 – в Казахстане и где-то 400 амшенских семей – в России. Под «децимацию» попали и хемшилы, не так ли?

АРАМ ПОД НОМЕРОМ 900. ПЕРЕВОДЧИК РЭЯ

*Всем жителям героического Арцаха
посвящается*

Не могу проходить во Владивостоке спокойно мимо голодных кошек и брошенных на развалах книг. Мне это причиняет острую боль. Возможно, всё это досталось в наследство от отца, советского офицера, бесребреника и страстного библиофила. К тому же, когда он на обед шёл из штаба, иногда приводил к подъезду какую-нибудь дворнягу, чтобы её накормить. В те годы я очень боялась собак, кошек (меня сильно трёхлетнюю покусала бабушкина кошка) и не читала фантастику, как-то перепрыгнув из русской и советской классики в латиноамериканский бум, где, похоже, застряла навсегда. Сейчас я много езжу по России, и, кажется, Владивосток по наличию книжных развалов, а точнее, шкафов со старыми книгами, списанными из библиотек и вынесенными из домашних библиотек, бьёт все рекорды.

За эти месяцы я видела много таких шкафов, на улице Суханова, например, забит ещё и старыми игрушками. Этим книгам по тридцать-сорок лет, и тогда они представляли для любого советского человека исключительную ценность, ради них сдавали макулатуру и стояли большие очереди за талонами, чтобы отоварить подписным изданием. Кстати, так было не только в СССР, а и во многих странах мира. Однажды в Ганновере в гостях у свояков я увидела великолепно изданные книги писателей, получивших Нобелевскую премию. Оказалось, что покупать их начала бабушка переехавшего с Урала семейства, взяв для этого немалый кредит, а после её смерти коллекцию уже продолжал собирать супруг, чтобы оставить это наследство внукам.

...В одном доме на Пушкинской я увидела импровизированные книжные полки, сделанные в нише прямо внутри панельной

кладки. В них лежали великолепные издания художественной литературы, потрёпанные, пожившие тома Герцена или Гюго, интереснейшая книга про Тернейский район с фотографиями из Сихотэ-Алиня и бухты, где останавливался Лаперуз, которую было невозможно не забрать с собой. Книги были похожи на те, которые плавают в гибельных водах после кораблекрушения, размокшие и высохшие, и снова размокшие, продуваемые всеми тихоокеанскими ветрами. Их страницы то оборванные, то слипшиеся и иногда уцелевшие, своей разбухшей толщиной и пожелтелостью были похожи на средневековые манускрипты. Наверное, они были немного похожи на томики Софокла и Кюитса, что спаслись в карманах утонувшего Шелли. Как правило, в этих шкафах роются люди старшего поколения, приостанавливают поиск, залипнув на какой-нибудь странице, а потом, достаточно набив свою сумку или тележку на колёсах, куда-то уходят с ними, я подозреваю, что в секту тех, кто учит эти книги наизусть.

В фойе музея Арсеньева я наткнулась на книги, разложенные на полках, сколоченных в виде разнонаправленных диагоналей. Шкаф сам по себе был как произведение искусства и запросто мог проиллюстрировать жизнь какого-нибудь писателя фантаста или магического реалиста. Обшарив достаточное число книг (так и хочется сказать дрожащими руками) в поисках очередного найдёныша, я нашла «Письма об изучении и пользе истории» Болинброка, который и сам, как его книги теперь, стал почти бездомным, уехав с родины во Францию. Издательство «Наука», Москва, 1978 год. Мне было только четыре, именно в этом возрасте я и начала читать. Письма лорда-диссидента из Шантлу я решила забрать с собой вместе с «Партийным руководством литературой и искусством», изданным в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1986 году. И тут я увидела среди всего этого старья, имеющего значение для таких маргиналов, как я, довольно свежую книгу Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» в переводе Арама Оганяна. Сейчас вы узнаете, почему я никогда не покупаю книги Рэя.

С одним из лучших переводчиков Рэя Арамом Оганяном мы дружим с ноября 2018 года, познакомившись в Ереване после

презентации моей книги «Армения – Солнце в квадрате», которая прошла в дискуссионном клубе «Серендипити» в Институте востоковедения РАУ (Славянского) благодаря профессору, иранисту, нашей подруге Виктории Аракеловой. На презентацию пришла жена Арама Адринэ Ширинян, внучка известного архитектора и сама хороший прозаик, и сказала мне: «Сейчас сюда придёт мой муж». В эти годы я уже привыкла к тому, что среди старой ереванской интеллигенции бывают незаурядные люди, а то и уникальные экземпляры. Встреча с Арамом была из этого рода. Она повлекла ещё и знакомство с творчеством Брэдбери, которого я никогда не читала кроме одного маленького рассказа. Он был о том, как одна школьницу заперли в карцере кампуса, и поэтому она пропустила появление солнца. А его девочка никогда не видела по причине постоянных проливных дождей в том городе.

Пришёл Арам, спокойный, в очках, меланхоличный армянин, который на армянина был не особо похож, и не зря его в Тунисе принимали за своего. И мы вчетвером, плюс моя старшая дочь Ника, с которой мы должны были ехать ещё и в Степанакерт, пошли в пиццерию. Оказалось, что он сын полковника в отставке, кандидата технических наук Вигена Оганяна, который также был известен как писатель и публицист, а ещё как причастный к испытанию оружия ПВО, решившего исход Вьетнамской войны. Виген Арамович, ушедший из жизни в 2016 году, прослужил в Советской армии тридцать три года, в том числе семь лет на полигоне Капустин Яр, испытывая зенитно-ракетные комплексы, которые хорошо себя проявили в Египте, на Кубе, в Сирии. Дед Арама Сурен Агасиевич Микаелян был вторым секретарём ЦК КП Армении. И от него оставалась огромная пятикомнатная квартира на Каскаде. По ней можно ездить на велосипеде, и изучать её как музей: ведь Арам имеет не только литературоведческие коллекции (где есть оригинальная фотосъёмка встречи Сарояна с Виктором Амбарцумяном в Нью-Йорке, водительские права Сарояна, пять автографов Рэя), но и письма и фотографии с фронтов Великой Отечественной.

Эти треугольники Арам покупал за бесценок на ереванском Вернисаже, надеясь, что родственники погибших когда-ни-

будь обретут их, из каких-то ереванских подворотен тащил домой выдавшие виды аутентичное литьё и даже оружие Первой мировой, кажется, принимавшее участие в самой Сардарapatской битве. Проезжая с ним по городу, я увидела старый книжный магазин.

– Да нет, это старый табачный магазин, – сказал Арам. – Его превратили в букинист, где я часто пасусь, закупая книги, карты и гравюры.

Я как будто почувствовала этот густой, горьковатый, магический запах старых страниц, никогда не режущих пальцы при перелистывании, мешающийся с табачным крепким духом. Не хватало в этих видениях только старого дома, кресла-качалки, пледа и камина.

Впрочем, у него-то есть старая квартира в известной сталинке на Каскаде. Туда-то и вернулся Арам Оганян, уже выпускник романо-германского отделения филологического факультета МГУ им. Ломоносова, профессиональный переводчик ещё в 1980-е. Шаг, который мог позволить себе в эти годы только одиночка. Отток людей из Армении, а особенно интеллигенции шёл непрерывно. Арам – ученик профессора Эсфири Максимовны Медниковой, под руководством которой он написал две курсовые и диплом о возможностях передачи стиливых особенностей прозы Брэдбери в переводе. В Москву он наезжает по издательским делам, многие годы сотрудничая с издательством «Эксмо», и почти третья-четвёртая книга Брэдбери, изданная в России, его. А переводит он не только Рэя, но и Уильяма Сарояна, Роберта Шекли, Джона Апдайка, Алана Александра Милна, Амброза Бирса, Гилберта Кийта Честертона. С армянского на английский Левона Хечояна, Агаси Айвазяна, Ваана Ованесяна. С армянского на русский Гранта Матевосяна, Акселя Бакунца, Манука Мнацаканяна. Так на моих полках появились книги Брэдбери «Вино из одуванчиков», «Зелёные тени, Белый Кит» про Ирландию, которую я люблю больше всего, «Маски», «Механический Хэппи-лэнд». «Отважный юноша на летящей трапеции», «Прогулка в роскошной колеснице», «Кулачный бой за честь Армении» Уильяма Сарояна. Аллюзию вы не можете не увидеть в названии и моей книги.

А началось всё с того, что однокурсницы подарили ему книгу Брэдбери на английском языке, и с первой же страницы он распознал ритмику и стилистику, напомнившие ему библейские тексты. К 100-летию Брэдбери он дал большое интервью Андрею Жукову-Щербаку, где вспомнил знаковую фразу Рэя о том, что «реальность способна парализовать человека, подобно взгляду Медузы Горгоны, поэтому писатель вынужден, как Персей, пользоваться защитным зеркальным щитом метафор». В той же беседе речь шла о выпущенных на русском языке книгах из серии «Неизвестный Брэдбери», полностью состоящих из текстов, неизвестных русскому читателю. Две из них «Мы – плотники незримого собора» и «Механический Хэппи-лэнд» не только перевёл, но и по крупицам собрал из затерянных журнальных публикаций Арам. «В сущности, вся проза Брэдбери метафорична, – говорил Арам Андрею, – ритмична и звучит как поэзия. В текстах можно встретить фрагменты, написанные, например, гекзаметром.

Переводчику Брэдбери нужно быть начеку, чтобы вовремя расслышать стихотворный пульс его прозы». Пока Рэй был жив, он посылал ему каждую изданную книгу. И однажды написал ему письмо, где спрашивал о его встрече с Сарояном, о которой не было ничего известно, но проанализировав прозу обоих, он её просто увидел. Ведь имя Сарояна упоминается в трёх произведениях американского фантаста. В конце последнего прижизненного сборника «У нас всегда будет Париж» есть рассказ «Литературная встреча», посвящённый ему. 7 июня 2004 года Рэй прислал ответ на шикарной бумаге:

«7 июня 2004 года

Уважаемый Арам Оганян:

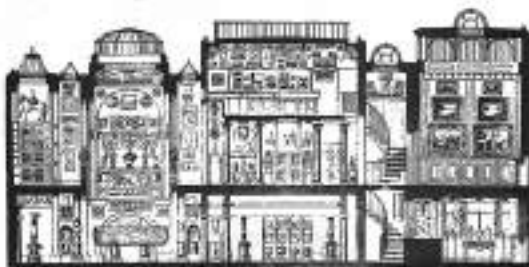
Благодарю вас за письмо с материалами об Уильяме Сарояне. Сароян написал мне, и я связался с ним; так совпало, что он занимал офис в доме номер 9441 по Вилширскому бульвару, в котором и я впоследствии арендовал рабочий кабинет. Я связался с ним, и мы очень хорошо провели время; я принёс с собой все, какие у меня были книги Сарояна, и попросил его подписать их, потому что читал его произведения по меньшей мере лет

двадцать. После этого мы обедали вместе еще несколько раз, но крепкой дружбы так и не получилось, а только – взаимное восхищение. Так или иначе, это были очень приятные встречи, о которых я вспоминаю с большим удовольствием. Спасибо что спросили меня об этом.

С наилучшими пожеланиями.

[подпись] Рэй Брэдбери».

Итак, сам Арам потом писал, что его предположение оказалось верным – Брэдбери был знаком с творчеством Сарояна и



RAY BRADBURY
32226 Chestnut Street • Los Angeles, California 90004

June 7, 2006

Dear Aram (Ghazian):

Thank you for your letter enclosing the material on William Saroyan. Saroyan was in touch with me and I contacted him and, correspondingly, he was occupying a room at 3441 Wilshire Blvd. When I, late in my life, got a studio office to work in, I was in touch with him and we had a very nice lunch and I brought along all my Saroyan books and had him sign them because I had been reading his material for at least twenty years. We had lunch on several occasions after that, but a strong friendship never resulted, just a mutual admiration. In my career, it was very a very pleasant series of meetings that I look back upon with great pleasure. Thanks for asking.

I wish you only the best in the months and years ahead.

собрал целую коллекцию его книг. Примечательны слова Брэдбери о том, что до встречи с Сарояном он «по меньшей мере двадцать лет» читал его книги. И как видно из приведённых выше примеров, Сароян присутствует в его произведениях собственной персоной. Достойны внимания слова Брэдбери о «вза-

имном восхищении» и неоднократных встречах. Очевидно, ничего сенсационного в этой истории нет, но она проливает свет на один из неизвестных эпизодов жизни Сарояна и уже этим интересна.

Для Арама наличие росчерка Рэя не так уж и важно. Однажды он написал письмо в Санкт-Петербург писателю, издателю Ане Амасовой: «Вот, дорогая Аня, высылаю вам в Музей некоторые автографы Брэдбери из моих закров и сусек. Однажды в США, в 2000 году, я нашёл в букинисте книгу за 7 долларов с автографом Брэдбери и не купил её. «У меня есть письма от него – рассуждал я, – так зачем мне книга, подписанная никому конкретно?» В этот же вечер мы пошли в кино, и билет стоил дороже той книги. Надо ли говорить, что после того сеанса я бегом вернулся в тот «бук»? И вот она, эта калифорнийская книга из магазина, где бывал Рэй Брэдбери и встречался с читателями: город Глендейл, букинист с названием «Mystery and Imagination».

А вот, например, книга без автографа. Но её тираж – меньше 150 экземпляров. И в ней предисловие Брэдбери к египетскому изданию «Фаренгейта».

Арам многое помнит о Первой карабахской войне не хуже, чем военный аналитик. Он знал легендарного Аркадия Ивановича Тер-Тадевосяна по прозвищу «Коммандос». С ним Арам Вигенович работал переводчиком на войне 2020 года, когда генерал в отставке возглавил ереванский штаб, расположенный в обществе ДОСААФ. В этой истории взаимодействия с Коммандосом для Арама было ещё личное. Тер-Тадевосян провёл первый успешный бой, обороняя Каринтак под Шушинской скалой, старое армянское село, которое несколько раз переезжало. Из Каринтака идут корни Арама по одной линии отца. В Арцах в дни войны 2020 года Арам ездил, находился рядом с журналистами и переводчиками в отеле, который обстреливала вражеская сторона. Говорил, что ни один человек из пула не испугался. А в Каринтак мы с ним попали уже вместе в октябре 2019 года.

С Аркадием Ивановичем я не была знакома. Один раз я увидела его в дни майдана в мае 2018 года совершенно поте-

рянным, спускающимся в метро «Площадь Республики». А потом через год в только что открывшемся музее армянского модернизма Артура Тарханяна, куда пригласила его дочь прославленного архитектора Анаит Тарханян на презентацию нашей с Павлом Джангировым книги «ЛЬВЫ МОЛОГИ. По русским следам Александра Таманяна». После сдачи Шуши в ноябре 2020 года азербайджанцам Командос умер. В марте 2021 года не выдержало сердце. В сентябре 2023 года героический Арцах пал, и Тер-Тадевосян о том, как погибло дело его жизни, по счастью, так и не узнал.

...Из музея Арсеньева я пришла домой и написала Араму о том, что на развале в музее увидела его перевод «одуванчиков». Он ответил из Тбилиси и в качестве подтверждения своей новой локации выслал вид с восемнадцатого этажа гостиницы, работая на шестидневном семинаре. За несколько дней до этого он слал мне фотографии из Таврического дворца, где находится межпарламентская ассамблея СНГ, а он выступил там с презентацией о медицинском переводе. Командировку ему организовал Союз переводчиков России, в котором он состоит с членским билетом под номером 900. Перемещается он так непринужденно, потому что до сих пор живёт сыном Империи, так мне всегда хотелось о нём думать. Хотя он объездил полмира, работая в архивах и США, однако, иной раз мы вступали с ним в споры, и тогда в нём просыпался самый настоящий армянский националист. Вскипел, когда премьер-министр Пашинян подарил своему коллеге по либеральному фашизму Джастину Трюдо носки цвета армянского триколора.

– Отец, когда умирал, попросил повесить в изголовье флаг, – сказал Арам. – А этот под потную пятку!!

Разошлись мы с ним в оценках вклада в поддержку исторической Родины Ким Кардашьян, которая оставалась для меня женщиной, запустивший в мир бьюти очень важную штуку под названием «хайлайтер», позволяющую сделать фактурной скульптуру лица. Арам только что работал на инновационном форуме, где выступала Ким, а он её переводил. И он яростно защищал её от моих претензий, так как считал, что один твит Кардашьян значительно продвинул память о Геноциде армян,

если это видит много миллионов её подписчиков. К тому же Кардашьян крестила своих детей в Армении и уже это позволяет говорить о ней как о правильном человеке.

– Прислать тебе фотографии Тбилиси? Тебе будет интересно?
– спросил он на этот раз с холмов Джорджии.

– Нет, – безапелляционно сказала я, ничего не объясняя.

Не могла же я ему сейчас рассказывать о том, почему я не хочу видеть фотографии города, в котором всю жизнь мечтала побывать? С тех пор, как отец прислал мне в апреле 1989 году открытку, которая пришла в Сибирь на несколько дней позже, чем вернулся оттуда он сам. Тогда гамсахурдисты взорвали республику, пролилась кровь, которую враги России сделали сакральной, а отец рванул в Вазиани, когда наших курсантов, проходящих там стажировку, стали избивать национально ориентированные жители солнечной Грузии. Придёт время – сама всё увижу.

В октябре 2019 года я внезапно от московского общественника Нерсеса Нерсисяна получила приглашение ехать с ним в пуле в Степанакерт на международный форум Ай Дата «Друзья Арцаха». Среди русских делегатов был сам парламентарий, руководитель Института стран СНГ и соотечественников, Константин Загулин. Накануне в ресторане на улице Комитаса мы сидели с Викторией Аракеловой возле открытого окна, в Ереване была ещё жара, и я простыла и наутро выехала совершенно больной. Ехали в Арцах многочисленные представители из разных стран.

На следующее утро мы отправились в бывший дом Политпросвещения. И в конференц-зале увидела Арама с традиционным бейджем переводчиков. Я так опешила от неожиданной встречи, что не успела обрадоваться. Мы с Арамом жили в разных гостиницах, на приветственный ужин я не спустилась. И поздним утром перед работой он приехал в мой отель и закинул мне в номер еды, напитков, фруктов, орехов. В этот же день, кажется, он взял такси, и мы поехали в Каринтак. И мы поехали в то самое армянское село, о котором я знала

лишь благодаря фотографии, на которой стоял фидаин на фоне бесконечных трупов поверженного врага 26 января 1992 года.

Битва за Каринтак была первой ласточкой армянских побед. Под Шушинскую скалу мы спускались не так уж и быстро, и тогда я впервые поняла, что Арцах уходит не только в высоту, но и в глубину. Мы проехали мимо бронетехники, брошенной тридцать лет назад, когда армяне героически освободили Лачин, связывающий республику с материнской Арменией, и Шуши, когда-то бывший одним из цветущих центров Российской империи. Здесь была в царские времена комендатура, и есть все основания полагать, что в Шуши был и Михаил Юрьевич Лермонтов. А то, что здесь был Василий Верещагин и создал ряд работ, это известно не только любителям баталистики. Такие у нас раньше были художники. Могли и погибнуть на броненосце в Порт-Артуре вместе с адмиралом Макаровым, подорвавшись на mine, но перед тем взяв ключи от Адрианополя у турок с генералом Скобелевым.

В ущелье, где под скалой располагался Каринтак (название села ещё иногда пишут Карин-Так, с армянского означает «под скалой или камнем»), нас сразу встретил суровый бородатый мужик. По ряду вопросов мы поняли, что перед нами гюхапет. Мы ответили, и он разрешил нам погулять по селу. Тем более что прогулка эта не могла быть долгой, нам нужно было возвращаться в Степанакерт. Мимо нас прошёл мальчишка лет двенадцати, тащил дрова для хоровача.

Мы стали углубляться по белой старой брусчатке вглубь села, и эта короткая проходка сейчас мне вспоминается с большой болью, так как год спустя Арцах рухнул под натиском азербайджано-турецких войск. Уже тогда этот мир казался зачарованным, ведь кроме следов войны, здесь всегда была сильной и метафизическая аура. На крепкой, добротной стене одного каменного дома висела старая советская доска. Я прочитала слово «ЭКРАН». На нём была пустота, точнее, сильно потёртая, в ошмётках старой краски и бумаги. Да и не могло быть здесь ничего иного: ни лекций, ни кино, ни концерта. Все оставалось в прошлом, в 1988 году, наверное. Рядом были всё ещё крепкие, на большие семьи, дома с выбитыми стёклами окон на верандах,

красивым литьём на заборах...

И вот, наконец, старая каринтакская церковь, внутрь которой было уже не попасть в обычный день. Возможно, что иногда на службы она открывалась. Хотя вряд ли. Наверное, местные каждое воскресенье поднимались в Шуши, в церковь Казанчецоц, напротив которой располагалась первая резиденция архиепископа владыки Паргева, который дал мне своё благословение в июне 2010 года.

Кстати, мне тоже удалось поработать с Арамом, в качестве составителя. После возвращения из Арцаха в Ереван мы встретились ещё в гостях у Павла Джангирова. Нужно было обсудить список авторов армянских писателей для составления Антологии военного армянского рассказа. Выпустить эту книгу предложила Виктория Аракелова (а Арам знал её ещё по 1990-м, когда она приехала в Армению из Таджикистана вместе с семьёй, уже отучившись в Пятигорском лингвистическом университете). Поскольку она в эти годы практически не спит, работая даже по ночам уже тридцать лет, я «взяла это на себя». Предложив найти и меценатов под это издание, которое мы собрались выпустить к 85-летию Победы. «Взяла на себя» – пишу в кавычках, потому что тот, кто знает армянский городской фольклор, понимает, что обычно в Ереване на себя мало кто берёт. Есть такая фраза «останется на мне», когда есть такой тип армянина, который боится лишний раз взять на себя инициативу, потому что не хочет ответственности.

Чтобы проиллюстрировать это, я вспомнила, как уже после майдана и ухудшения содержания инфраструктуры города, я спросила у Павла, почему люди не могут убрать мусор возле своих домов, даже если этого не делают жилищно-коммунальные службы?

– Да, о чём ты! Никто не будет этого делать, потому что потому «это останется на них».

– Как это? У нас люди в Москве и Подмосковье убирают свои дворы.

– Ну, я однажды в спектакле участвовал, – говорит Павел, с радостью обратив свой мысленный взор в свои любимые 1970-е или 1980-е годы, когда он и его младший брат Карен были яркими представителями творческого Еревана.

— Так режиссёр говорит одному из массовки: сцена закончится — ты поднимешь нож и заберёшь его с собой за кулисы.

— Ага, — отвечает тот. — А если нож в следующий раз упадёт не рядом со мной? Мне, что, его забирать оттуда? Там же ближе может стоять Гагик или там Карен, пусть они и забирают. А вот если не заберут, будут ругать меня. Не хочу, чтобы это осталось на мне!

Ну, вот. Подготовка антологии военного армянского рассказа осталась на нас: на мне, Павле и Араме. Туда мы включили как известные, так и подлинные находки благодаря Араму, который из своего бездонного переводческого ящика достал никому не известный рассказ Уильяма Сарояна о Гитлере. Он печатался только один раз в 1935 году. А я, как и обещала, нашла финансирование и позже эта уникальная книга поступила в городские библиотеки и общество ветеранов и уехала даже в Арцах.

А тогда, гуляя с Арамом по Каринтаку, мы вдруг увидели один обжитой дом. Не очень-то разговорчивая хозяйка открыла дверь и пригласила войти. Встречать нас вышел и хозяин, представился Аликом. Настоящий такой тип “карабахци”: в старой кепке, в фидаинских прокуренных усах, очень сутулый. Пройдя через довольно просторную веранду, мы оказались на кухне. Работал телевизор и показывал новости Первого российского канала. Хозяйка молча, чуть улыбаясь, поставила чай и стала колоть орехи. Я села на старый, продавленный диван, Арам сел за стол. Несмотря на крайнюю бедность, в доме был полный порядок. И от всего этого уходящего патриархального мира веяло не напряжением вовсе и не страхом от приближения грядущей войны и, возможно, окончательной кровавой развязкой. Но каким-то твёрдым, ясным, вековым укладом. Он-то и оказался через одиннадцать месяцев под артой алиевского фашизма, не щадящего ни жилые дома, которые он расстреливал кассетными бомбами, ни степанакертский роддом, ни детей, которые получили ожоги от запрещённого фосфора...

Арам достал несколько тысяч драм и протянул хозяйке. Она с благодарностью взяла. На прощание мы сфотографировались

со стариками, и стали собираться в обратную дорогу, вызвав наше же такси. Натягивало дождь, и когда мы въехали в Шуши, дождь хлестал уже вовсю, из запотевшего стекла я увидела Казанчецоц, нарисованный в импрессионистической манере струями воды, делавшим его похожим на Руанский собор. Но мы всё равно вышли возле музея Шушинского ковра, постучались, и нам открыл дверь вооружённый охранник, и сказал, что, к сожалению, сегодня закрыто. Мы помокли немного на подворье, где на скамейке сидел бронзовый Вазген Саркисян, после войны ставший премьер-министром Республики Армении. Спарапет Вазген вместе с Кареном Демирчяном и несколькими парламентариями были убиты террористической группой Наири Унаняна 27 октября 1999 года.

На следующее утро Арам снова взял такси, и мы, не влившись в шумные делегации из России, Греции, Бельгии, США, Аргентины, Франции, уезжавшие в Ереван на автобусах, поехали в Армению по быстрой живописнейшей Северной дороге, через средневековый Дадиванк, Мартакерт, Дромбон, Карвачар и Севан. Красота и непостижимость этого закавказского «прекрасного и яростного мира»! Как будто и она была описана в знаменитом рассказе Андрея Платонова, нашедшего успокоение на армянском кладбище Москвы. И теперь на тихоокеанском побережье спустя эти трагические годы я все ещё вижу его неперебиваемый свет, в своём уме, в своём воображении. Факты, доказывающие существование враждебных, гибельных сил для людей и народов избранных, возвышенных, всё ещё продолжают существовать. Видимо, по этой же причине, дом Рэя тоже был уничтожен.

«ЧЁРНЫЕ РЫБЫ. УДИНСКИЙ АКАФИСТ»

Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, а за окном рвётся тихоокеанский ураган со скоростью сорок метров в минуту, я получаю из Еревана сообщения от Арама Оганяна с вопросом, всё ли со мной хорошо.

Виктория Аракелова тоже пишет: «Помимо непрекращающейся ни на день (и так уже много лет!) работы в науке приходится сейчас помогать одной пожилой больной женщине – больше никому. Привезли пока к сестре Элине на пару дней между больницами. Её семья – из Гадрута, в которой есть теперь крестник. Вокруг много нуждающихся из беженцев, раздача денег стала рутинной. Встречаются многодетные семьи, в одной есть ребёнок с аутизмом. Не реагировать не получается. Есть просто одинокие люди. А ресурс ограничен. Но где только могу, помогаю. Элина надрывается в доме престарелых. Эту часть жизни уже не отрезать».

В такие трагические времена мы живём с надеждой прорубить коридор в светлое будущее.

И здесь напишу о том, что в марте 2018 года в Доме Москвы в Ереване на моём творческом вечере я впервые и увидела Викторю. Тогда она сказала, что я описываю Армению вне ориентализма и этим во многом отличаюсь от других авторов, пишущих об Армении. События в Ереване и его катастрофические последствия мы встретили вместе, как и с Виктором Анатольевичем Надеиным-Раевским. Его они хорошо знали, все эти годы совпадая на различных армяно-российских и международных научных конференциях.

Когда над Арменией и Россией стали сгущаться тучи, мало кто из обывателей понимал, что война на Донбассе и в Арцахе – она одна и та же, просто на разных участках восточнохристианской цивилизации. Именно об этом снова говорила Виктория

Александровна в своем докладе «Армянское духовное и культурное наследие и фактор Восточнохристианской (Русской) цивилизации в Закавказье» на конференции во Владикавказе в октябре 2023 года. Снова артикулируя, что деарменизация региона ведёт к дерусификации, к дехристианизации в целом.

Среди журналистов и учёных, политологов, работающих на российско-армянском поприще, в СМИ и социальных сетях, первый удар Оранжевого Еревана адекватно встретили немногие. Среди них уже названные коллеги в Ереване, авторы концепции «Азг – Банак», наш товарищ, публицист «Восканапата» Пандухт Сюни, главный редактор газеты армян России «Еркрамас» Тигран Тавадян, его супруга, яркий публицист Ева Лусинова. По счастью, среди них была и я.

На следующий день Виктория позвонила мне в Дом Москвы и сказала, что работать сегодня не сможет и будет ждать меня в ресторане «Циран» на Северном проспекте. После мы заехали за девочками и с ними выехали по Аштаракскому шоссе в старинное село Карби.

В Армении меня всегда радует этот стремительный переход из города на природу. До этой поездки в сторону Аштарака я ездила только один раз, когда Григор Эмин-Терьян (тот самый, который провёл меня на пресс-конференцию Депардьё) в июне 2013 года повёз меня на могилу своего отца, поэта Геворга Эмина.

Итак, мы с Викторией приехали в Карби, где в Армении растут самые лучшие вишни. Карби находится в Арагацотнском марзе, на правом берегу реки Касах. Здесь живут очень трудолюбивые люди, дома с крепким фундаментом, не крятся заборы, сельчане сдержаны и приветливы. Поселение очень старое, упоминается с XIII в. Как пишет исследователь Виген Аветисян, часть Айратского ашхара называлась, по имени Карби, «Карбо еркир» (страна Карби). В конце XIII века, после нашествия Тамерлана, развитие Карби приостановилось. В первой половине XVII в. деревня пострадала от турецко-персидских войн. В 1639 году армяне и персы договорились и стали укреплять торговые пути. Долгожданный мир принёс этому месту процветание. Были построены церкви, монастырь

и обитель. Сохранилась трехнефная базилика Сурб Аствацацин 1691-1693 годов из чистотёсаного туфа. С востока к церкви прилегает двухэтажная церковь-колокольня, построенная тоже из туфа в 1338г. Другими средневековыми памятниками Карби являются церкви Циранавор, Тух Манук. В деревне и в окрестностях сохранились часовня «Заргаренц жам», пещеры и руины крепости.

...Толкнув дверь с курдской кошачьей лапой, с такой необычной ручкой-кольцом, мы вдруг очутились в магическом месте. Сначала в саду, в котором росли фруктовые деревья, мята. Тут же стояла каменная купель, в ней можно было освежиться в жару. В некоторых местах хозяин положил красивые большие камни.

Я зашла в дом, и он показался мне похожим на те, что описывал Хорхе Луис Борхес в своих рассказах вроде «Алефа». Он был наполнен чудесными восточными вещицами: барабанами из Индии, традиционной иранской керамикой минакари синего цвета, расписанной специальной эмалью, существовавшей ещё в эпоху Ахеменидов и Сасанидов. Курдскую полосатую кофту я тут же надела на себя, и меня сфотографировала дочь Ника рядом с кошачьей лапой. Кстати, в Курдистане есть такая легенда о том, что когда Ноев Ковчег коснулся тверди, первой на сушу ступила кошачья лапа. Аллах благословил всех животных, покинувших библейский корабль, однако особой милости удостоилась кошка. Господь благословил её, чтобы она уничтожила созданную дьяволом мышь, попытавшуюся прогрызть дыру в днище Ноева Ковчега, чтобы его потопить...

— Где-то через час Асатрян приедет, — сказала Виктория, хлопоча на кухне.

Я почувствовала неуверенность, так как знала уже, что супруг Виктории, её учитель и Командор Гарник Серобович Асатрян был одним из крупнейших иранистов мира, любимым учеником Владимира Ароновича Лившица, специалиста в области иранистики, истории иранских языков, этимологии и этнографии иранских народов, переводчика согдийских текстов.

Асатрян и сам создал собственную школу востоковедения и дал многим народам программу жизни и борьбы.

Пока Гарника не было, можно было подняться наверх, и увидеть бесчисленное количество книг на фарси, армянском, русском, хинди, английском языках... Нет, это уже не «Алеф», а самые настоящие декорации к «Вавилонской Библиотеке». А ещё не знала, что выглянув в окно, я увижу величественные вершины Арарата.

Девочки весело проводили время и уже порвали надувной хозяйский мяч, а потом все вышли из дома во двор пить чай за круглым столом. Виктория принесла фруктовый пирог и любимый армянами чай с мятой и чабрецом. И как главного персонажа нашего чаепития вынесла тарелку с ...

– Знакомьтесь, Валерия, это ореховое варенье!

Ну, вот нас только познакомили. А я на него уже с ложкой.

Разваренная нежная скорлупа грецких орехов: их лучше всего собирать в мае или июне, так как они сочетают в себе молочную спелость и кладезь питательных элементов. Лекарственные свойства грецкого ореха, оказывается, известны со времён Древнего Вавилона. Ценность именно неспелых орехов в том, что кожура, которая потом затвердевает, содержит огромное количество йода.

Однажды подруга Виктории из Турции Элиф с греко-армянскими корнями привезла ореховое варенье, сваренное старушками из последней армянонаселённой деревни Вакифлы. Не знала тогда Элиф, что для Виктории ореховое варенье, это не только часть городской традиции, разделённой её семьей. Но и примета особенной связи с её собственной бабушкой: она варила и айву, и кизил, и розовые лепестки, но с ореховым было целое сакральное действие. Бабушка приберегала для любимой внучки массу «последних банок». Вот только зайдёт Вика к ней, сразу отправляла деда в чулан за «последней банкой орехового для Вики».

Мы пили чай в саду в деревне с очень древним названием Карби, восходящим к урартским временам и чувствовали извечную радость обновляемого мира.

И тут приехал Гарник. Гарник Серобович. Профессор Асатрян. Уже с первых минут разговора было ясно, что перед нами

человек не только с колоссальными знаниями и высшей пассионарностью, на которую только способен учёный, но и бешеной харизмой. К своей природной, похожей на ту, что запечатлел Артавазд Пелешян во «Временах года», где бурлящий поток вешних вод несётся с горы, он беспрерывно добавлял и энергии из разных сакральных источников всего мира: Ирана, где родился, Афганистана, Курдистана, Турции, Дагестана... Иначе чем объяснишь, почему до сих пор не переломлены его внутренние стержни слишком большими жизненными испытаниями? В 1990-е годы против него тоже была развязана война, под нож уничтожались тиражи научных журналов. Порой в опасных местах они с Викторией оставляли машину в освещённом месте у светофора и шли в отель, и если бы машину бросили у входа, как знать, не начинили бы её взрывчаткой.

Осенью 2022 года, когда весь мир узнал о существовании Верхнего Ларса, благодаря тем россиянам, которые стремительно и по разным причинам покидали вступившую в войну страну, Гарник и Виктория въехали в Северную Осетию на конференцию, а по дороге назад попали в затор, которого никогда не знали эти горы. Хотя Верхний Ларс по причине плохих погодных условий или угрозы обвала часто перекрывают, тем более в зимнее время, и это вызывает большое скопление как легковых, так и грузовых машин. Но тут был исход даже на самокатах, уставшие бежать где-то останавливались и, замерзая, жгли костры, укутавшись в одеяла. Словом, Гарник и Виктория порой попадали и на такие трассы, которые уже со временем приобретали inferнальный литературный характер. Позже в России вышел целый сборник фантастических рассказов, посвящённых героям велосипедных войск, награжденным орденом «За взятие Верхнего Ларса».

Тогда Гарник, почти сутки не выпуская руль, возвращался с Викой в Ереван. Было и предательство учеников, и изгнание его Института востоковедения из Ереванского государственного университета, когда пришлось переносить своё дело в стены Российско-Армянского (Славянского) университета.

А тогда, в нашу первую встречу, он сел за стол, закуривая свою трубку, первым делом спросил: «А смогли бы вы переехать в Армению и жить здесь»? Я ответила, что смогла бы, но воспитывать детей вряд ли тут получится, тем более они против вся-

ких переездов. А с другой стороны, как я сейчас думаю, я за эти годы прожила целую армянскую жизнь. И ещё тогда Гарник спросил: а не могли бы вы что-нибудь написать про тальшшей?

Конечно, о тальшах – ирано-язычном народе я знала. Так как в Москве на конференциях мне доводилось слышать выступления тальшского учёного и, как оказалось, большого друга Гарника Серобовича и Виктории Фахраддина Абосзода. Никто из нас и предположить не мог, что уже скоро за жизнь Фахро будет большая борьба, в том числе и через Швейцарский Красный Крест. Гарник Асатрян дал развёрнутое интервью Андрею Арешеву «Москва стала для тальшшей вторым Ланконом», где профессор рассказал о национальной освободительной борьбе тальшского народа, акцентировав историческую роль учёного, упомянув его труды по тальшской лексикографии, грамматике, истории тальшского народа. Информационный Центр армян России «Еркрамас» опубликовал статью выходца из Баку, свидетеля антиармянских и антирусских погромов Амирама Григорова под названием «За что Россия готова сдать тальшского лидера?». В частности, он упомянул о том, что во время Карабахской войны тальшшей, как и других автохтонов, заставляли идти по минным полям или бросали в окружении.

Написала статью под названием «Тальшская кровь и ленкоранская нефть: в Армении и России началось освободительное движение за общественного деятеля Фахраддина Абосзода». Её тоже разместил в «Еркрамас» Тигран Тавадьян. Про Фахро в те тяжёлые дни написала замечательное стихотворение поэтесса, амурская казачка Лидия Купцова (Бабка Лидка).

Здравствуй, мой Фахраддин.

Видишь, ты не один!

Не подвластен ни мору, ни зверю...

К сожалению, в день сдачи Шуши Алиеву большой учёный, друг русского и армянского народов, Фахраддин Абосзода был символически убит в бакинских застенках.

Асатрян не оставляла идея поработать вместе. Я, конечно, лицу себе, так как «поработать» — это громко сказано. Я была всего лишь журналистом и прозаиком, хоть и входила в круг приближённых «детей контактных зон». Но однажды во время наших посиделок в Карби за водкой, харисой или хашем (который он варил сам целую ночь), куда он добавлял за столом из графина, горевшего вторым солнцем, шафранное масло, Гарник решил поговорить со мной об удилах. Был май 2021 года. Армения тяжело переживала поражение в Арцахе в сентябре-ноябре 2020 года. Но Асатрян был не из тех, кто застревал в драматическом прошлом и настоящем. Он думал о будущем.

Вот этот разговор в Карби имел для меня большие последствия. Мне даже пришлось с младшей дочерью лететь в Дербент, чтобы понять метафизику второго полюса давно исчезнувшей Кавказской Албании. Её жителями и были удины, один из самых древних народов Кавказа, которые воевали против Александра Македонского на стороне Ахеменидского Ирана. Другой полюс албанской ойкумены был в истекающем кровью Арцахе, и я его хорошо чувствовала.

Я долго думала, как мне её писать, если я никогда не общалась с удилами, не жила среди них и ничего не знаю об их истории и культуре. Ключом к написанию повести стало очень важное обстоятельство: удины приняли христианство от армян, армяно-удинские браки не считаются межнациональными. И ещё одно: удины так же, как и армяне, и другие автохтонные народы Кавказа и Закавказья подвергались этническим чисткам, преследованиями со стороны властей как советского, так и нынешнего Азербайджана. Мне пришлось серьёзно подумать, кто будет моими героями, какая у них судьба. Очевидно, что выстраивать повествовательные линии нужно было в разных временах и пространствах, но всё это должно было стать органичным. Одно я понимала твёрдо: речь будет идти о моём поколении. Ведь я была из последнего школьного советского выпуска, и демонтаж великой страны начался у меня на глазах, и продолжался все эти тридцать лет. И вот сейчас доходил до своего логического завершения: постсоветика закончилась.

Книгу «Чёрные рыбы. Удинский акафист» я написала всего за два месяца, начав работу в июле. И всё-таки я не могу сказать, что работа шла легко. Первая русско-арцахская часть шла действительно хорошо. Но потом у меня произошёл затык. Я просто не знала, что мне делать с героями, я просто не видела способов развязать этот узел, тем более что на моих страницах действовали люди разных национальностей и религиозной принадлежности – русские, армяне, удины, азербайджанцы. А они подчас находились в разных геополитических лагерях. В тот момент я даже испугалась, что как булгаковский Максудов, автор «Чёрного снега», не смогу дописать своих «рыб». Именно тогда я поняла, что мне нужно лететь в Махачкалу, а оттуда ехать в Дербент, один из самых древних городов, находящихся на территории Российской Федерации. По счастью, я знала по пикету у посольства Азербайджанской Республики в защиту армянских военнопленных Аревик Айриян. Нас познакомил наш старший товарищ Рубен Егиян, который и сумел организовать пикетирование с плакатом возле посольства Азербайджана и у здания МИДа РФ. Наша активистка Аревик, которая выдержала самый агрессивный напор азербайджанцев, в это время была в отпуске в Дербенте. Аревик и её мама Галина любезно согласились нас принять на четыре дня.

Это было очень наполненное время: нестерпимой жарой, от которой не было спасения даже ночью на полу, походами к морю, лучшими в мире арбузами и вкуснейшими чуду с начинками из тыквы или творога.

Главным героем повести я решила сделать журналиста, дав ему имя Арсен Гуасари. Он удин и в 1990-е годы вместе с семьёй стал беженцем, покинув своё родное удинское село Ниж в Азербайджане. Пройдя круг испытаний, он попадает в Москву и идёт работать корреспондентом в газету.

Однажды он едет в командировку на Ярославщину, на Рыбинское водохранилище, где становится участником экспедиции. Исторические аквалангисты на дне Русского моря, как ещё называют Рыбинку, ищут затонувшее наследие графа Алексея Мусина-Пушкина. Здесь я описывала свой собственный опыт

февраля 2021 года. Тогда мне с моим другом, членом РГО, журналистом Сергеем Новиковым посчастливилось попасть в домонгольскую Русь на берег реки Сити. Да ещё несколько дней провести с командой Центра подводных исследований Русского географического общества с самим Константином Богдановым и Дмитрием Радченко из межрегиональной поисковой команды «Третий Рим». Они уже к этому времени успели прославиться, обнаружив на дне Балтийского моря линкор «Лефорт». Тот самый, гибель которого запечатлел Иван Айвазовский в стиле модернизма: души утонувших поднимаются к Создателю. А Богданов ещё и получить награду из рук Президента России Владимира Путина.

По сюжету мой герой, возвращаясь домой, узнаёт от жены, что пока его не было, умер в Ниже отец. Почему-то не предупредив его, улетел на родину и вдруг скончался от сердечного приступа. Тут, конечно, проявился извечный мотив возвращения души в родные места. Тем более перед уходом из жизни. Горе Арсена обостряется ещё и тем, что он в юности дал себе клятву, что никогда и ни при каких обстоятельствах не вернётся в Азербайджан. На него нахлынули и воспоминания о том, при каких обстоятельствах он потерял любимую девушку.

В сильном душевном смятении он приходит в редакцию и на повышенных тонах из-за обвинения своей коллеги, подруги-армянки Гоар расстаётся с ней. Ведь она обвиняет его в том, что удины предали армян, так как часть скупленной азерпропом верхушки помогает бакинскому режиму фальсифицировать историю. При этом разрушается армянское христианское наследие или подвергается «албанизации», то есть переатрибуции.

Весь этот конфликт, разворачивающийся на фоне Арцахской войны, я решила вставить в более широкий контекст. Чтобы замысел усложнился, и в повествовании переплелись судьбы многих христианских народов – русского, удинского, армянского, сербского. И зарифмовались с некоторыми мусульманскими народами, живущими на своей земле - лезгинами и чеченцами.

«Чёрные рыбы», конечно, сложная многозначная метафора. Пришла я к ней, вспомнив о рассказе поэта Горана Лазовича,

у которого с друзьями и дочерьми гостила в Белграде в августе 2014 года. Горан за столом, за которым когда-то до нас сидели Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский, под сливовицу от самого Эмира Кустурицы, вспомнил о том, как в войну поехал выступать в Нови Сад. И в это время началась натовская бомбардировка. Он стоял и смотрел, как бомбы падают в Дунай: мёртвые оглушённые рыбы летят вверх, а обгоревшие птицы – вниз. И это была картина локального апокалипсиса. Я вспомнила, что на одной из картин нидерландского графика Маурица Эшера я видела что-то подобное: у него и рыбы, и птицы часто летят или плывут в разнонаправленных потоках. Уже потом, при подготовке к презентации, Вика нашла этот нужный образ, и тоже у Эшера: рыба на поверхности, но глаза говорят о породившей её глубине.

Впрочем, я ещё использовала образ рыб–народов, он появляется в стихотворении, написанном Велимиром Хлебниковым в 1915 году, в апогей Геноцида армян в Османской империи. Примечательно, что сам будетлянин Хлебников, один из основоположников русского футуризма, тоже имел армянские корни. Он происходит из старинного рода Алабовых, и в разгар Первой мировой войны продолжает искать «Законы времени».

«Чёрные рыбы» – это был отсыл к образу Христа и к преследуемому христианству, одним из символов которого является рыба. В греческом слове ΙΧΘΥΣ (рыба) христиане древней Церкви увидели таинственный акростих, составленный из первых букв предложения, выражающего исповедание христианской веры: *Jesous Christos Theou Yios Soter* – Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. «Если первые буквы этих греческих слов соединить вместе, то получится слово ΙΧΘΥΣ, то есть «рыба». Под именем рыбы разумеется Христос, потому что в бездне настоящей смертности, как бы в глубине вод, Он мог оставаться живым, то есть безгрешным» (Блаженный Августин. «О Граде Божьем»).

«Чёрные рыбы» – это ещё и образ людей, оторванных от своей земли, от корней, от народа. Чёрные рыбы (*Idiacanthus*) живут на большой глубине, часто в холодных водах, куда не проникает

солнечный свет. Таким является главный герой повести удин-армянин Арсен Гуасари, в силу исторических и семейных трагедий оторванный от древней удинской земли. Характерно, что *Idiathanus* являются, по мнению учёных, одними из самых страшных существ на земле, иногда их называют морскими чертями. Журналист Арсен живёт как будто на глубине. Перед тем, как окончательно духовно проснуться, он заносит руку над нелюбимой женой, видит странные тревожные сны о том, что он пытается и не может выйти на поверхность из холодной глубины. Арсен и не положительный герой, и не отрицательный, он в развитии. Он отчасти манкурт, хотя сохраняет дружбу как с армянами, так и с удинами, и с азербайджанцами. Неуспокоенность разрушает его душу. Арсен – это проводник тех, кто ищет и идёт на свет.

Мне было понятно, что образ Арсена Гуасари цельным быть не может. Личность его всё ещё в становлении (несмотря на то, что он уже давно не молод). До тех пор, пока он не садится в самолёт, летящий в Габалу.

И, самое главное, что при попытке философского осмысления мировых потрясений и локальных герник, мне удалось, как я предполагаю, вписать в образы героев свои живые впечатления о людях, которых я встречала как в Армении, Арцахе, так и в Дагестане. Скажем, прототипами дагестанцев, которые встречаются Арсену на его пути в Дербент, стали два молодых лезгина.

Их прототипов действительно звали Арсен и Хан. С лезгином Арсеном, который летел вместе с нами на одном рейсе из Москвы в аэропорт «Уйташ», мы познакомились ещё в зоне ожидания. Увидев нашу растерянность при выходе из аэропорта, когда мы обнаружили, что городской транспорт не ходит, а ловить такси поначалу было боязно, Арсен и его товарищ Хан подвезли нас с Анитой до Махачкалы, проведя по дороге небольшую экскурсию. Очень впечатлили нас Большой Кавказский хребет, и даже из окна джипа современные кварталы Каспийска, где строилась самая большая мечеть в Европе.

И второй яркий момент, попавший в «Чёрные рыбы», о котором я просто не могу не упомянуть, был связан с нашим вос-

хождением на Нарын-Калу. Уже на высоте я к своему ужасу обнаружила, что подвержена приступам акрофобии. Только благодаря Аните я смогла преодолеть этот путь, в наиболее узких переходах прижимаясь спиной к стенам с закрытыми глазами, давая ей руку. В книге этот эпизод прозвучал в драматично-комическом ключе. Именно при таких обстоятельствах мой герой встречается со своим азербайджанским другом-фотографом, которого давно не видел и к которому летел на выставку, чтобы понять до конца, что же произошло за эти годы с их дружбой.

Так, в феврале 2022 года, за неделю до начала СВО, Виктория в конференц-зале «Ани-Плаза» на улице Саят-Нова организовала презентацию моей книги «Чёрные рыбы. Удинский акафист», где в рядах армянской, удинской, греческой и ассирийской интеллигенции сидел профессор Гарник Асатрян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ЕЩЁ ОДНО НАЧАЛО? ВОЗВРАЩЕНИЕ АРАРАТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

В этот месяц я мучительно размышляла о том, как же завершить эту книгу. Ведь в ней нельзя поставить точку. Художественные прозаические произведения пишутся, как правило, спустя несколько лет после событий. Но публицистика создаётся «здесь и сейчас», она обязана зафиксировать с т а н о в я щ е е с я. Хотя на этих страницах изложены события последних десяти-тринадцати лет, мы находимся в эпицентре трагических болезненных трансформаций, о которых говорить-то трудно, не то что их осмысливать и описывать. И в этой книге есть «эффект перевязки» – малой хирургии, о которой говорил мне Арам Оганян. На ходу перевязав душевные раны, мы идём дальше.

От Виктора Коноплёва я узнала, что в феврале свой 70-летний юбилей отмечает Ашот Егишевич Джазоян, как я уже и говорила, мой учитель на медийном армяно-российском поприще. Я написала ему поздравление, и он был удивлён тому, что я до сих пор во Владивостоке. Оказалось, что он в октябре хотел меня пригласить на съёмки фильма «У подножия Арарата», который поехал снимать на грант Фонда Президента РФ. Но я была во Владивостоке. И вот сейчас вышел документальный фильм, который он представляет и в московском кинотеатре «Космос», и в Российско-Армянском (Славянском) университете.

Сделал он его в соавторстве с молодыми журналистами России и Армении. «У подножия Арарата» – это не только название фильма, но и масштабный медиапроект, который существует уже около пятнадцати лет. За это время Ашот Егишевич открыл Армению молодому поколению журналистов из самых разных стран. Ведь когда-то в пуле этого медиатура ездил, а я в октябре 2010 года, и значит, он имел своё продолжение.

«У подножия Арарата» – это не просто журналистский тур, но и целая философия, паломничество к сакральным местам древней армянской культуры, которая никогда не носила закрытый,

камерный характер, но принадлежала всему человечеству. Недаром писатель, философ Костан Зарян в романе-эссе «Испания» пишет о том, что различает три первичные вида творчески созидательного человека – Тибетского, Араратского и Средиземноморского. И отдаёт предпочтение Араратскому человеку, который, по его мнению, стоит ближе к современной цивилизации, то есть к праосновам христианства. И не случайно сегодня развязана экзистенциальная война, целями которой стоит уничтожение как Армении, так и России, основных пространств-носителей восточно-христианской цивилизации.

География проекта получилось обширной. Если героями ленты стали жители из разных городов и марзов Армении (Еревана, Гюмри, Дилижана, Ванадзора, Арагоцотна...), то участниками съёмок – журналисты из Москвы, Донецка, Санкт-Петербурга, Краснодара, Калуги, Геленджика, Ростова-на-Дону, Брянска, Еревана, Челябинска. Замечательно и то, что Ашот пригласил в Армению журналиста из Донецка Анну Дорофееву. И, кстати сказать, маленький, зажатый врагами Арцах посылал на Донбасс гуманитарный груз. Конечно, такие события российская пропаганда игнорировала, предпочитая без конца демонизировать армян, включать заезженные мантры азерпропа про «армян-предателей».

Сам Ашот Джазоян как медиаменеджер часто работает в крупнейших музейных, театральных и даже дворцовых залах. Но как журналист он, безусловно, не «на паркете». Его стихия и кредо – посвящение труда журналиста простому человеку. Тут он продолжает традиции отечественной журналистики, публицистики, литературы, которая ещё недавно не делилась на эти сферы, а была представлена общим понятием «словесность».

В случае с армянами, сказать «простой человек» – этого явно недостаточно. Перед зрителем на экране предстают очень яркие, харизматичные, широко мыслящие герои. И, конечно, во многом они представляют Вечного армянина с его пристрастием к театральному жесту и красивому слову, пафосу, экзальтации, шутке. В эти дни я с удовольствием читаю исторический роман Дереника Демирчяна «Вардананк» про то, как на Аварайрском поле в 451 году армяне в битве с персами под предводительством

Вардана Мамиконяна отстояли свою идентичность. И появляется чувство, что те люди, действовавшие почти 1600 лет назад (Виктория Аракелова пишет о том, что вот уже 17 столетий основным маркером идентичности армянства выступает именно христианство), когда и зарождалась Армения христианская, и те, которые сегодня продолжают жить на своей земле, по большому счету мало, чем отличаются. В ленте «У подножия Арарата» мы снова видим древние архетипы Человека Созидателя, как и писал об этом Зарян. И они тоже в самые трагические часы своей жизни приходят посмотреть на Масис, так армяне называют Арарат.

Демирчян пишет: «Во тьме чёрной громадой высился вдали Масис, хмуро погружённый в своё вечное раздумье. О чём же была его дума? О вечности? Только Масис и мог думать о ней, в ней была его сила... То, что преходяще, то, что подвержено смерти, — не имеет отношения к этой древней горе!

Вардан задумчиво смотрел на Масис, как бы пытаясь разглядеть лампаду, которая, по преданию, незримо подвешена к небу над его вершиной. Он вспомнил слышанный в детстве рассказ матери о том, что пока горит над Масисом эта неугасимая лампада, — будет жить и армянский народ».

Джазояну на коротком временном промежутке всего-то в срок минут удалось представить разноликих людей науки, технологий, искусства, ремёсел. Во многом эта лента была созвучна и документальному фильму выдающегося документалиста Артавазда Пелешяна «Менк» — «Мы», где он представил кардиограмму народного духа. Киноповествование как будто духовно обрамляют слова представителей двух сестринских ветвей христианства — Армянской апостольской церкви (архиепископа Вртанеса Абрамяна — главы Арцахской епархии ААЦ) и Русской православной в Гюмри, где на территории 102-й военной базы служит священник Тимофей Казарян.

Героями фильма стали ректор Российско-Армянского (Славянского) университета Эдвард Сандоян, фольклорный ансамбль «Тмба-Та», главный режиссёр Ереванского драматического русского театра имени К.С. Станиславского Карен Нерсисян, художественный руководитель и главный дирижёр симфоническо-

го оркестра Армении и Детского оркестра ЮНИСЕФ Сергей Смбалян, руководитель этнографического центра «Мхитар Себастаци» Ашот Блеян, директор школы и учитель русского языка Грета Нерсисян, политолог, директор Института Кавказа Александр Искандарян и многие замечательные профессионалы своего дела – кулинарии, дизайна, виноделия, ковроткачества, скульптуры, выпекания хлеба. С творчеством некоторых из них я уже знакома. Блестящий спектакль «Игры королей» режиссёра Сурена Шахвердяна привозил на Тихоокеанский театральный фестиваль во Владивосток в октябре 2023 года Карен Нерсисян по приглашению его художественного руководителя, Народного артиста России Евгения Миронова. Владивостокцы устроили ереванцам продолжительную овацию. В этот час на сцене Приморского драматического театра им. А. Горького носились подчас inferнальные энергии. Так о природе власти, звериных амбициях и предательстве могли сегодня играть только армяне!

А музыку Дмитрия Шостаковича в исполнении Мальтийского симфонического оркестра мы с Ашотом Египшевичем и его супругой Эгине слушали в зале Московской консерватории им. П.И. Чайковского в декабре 2018 года. Дирижёр и этого музыкального коллектива Сергей Смбалян под сгущающимися тучами над головой России доказывал, что она открыта для трансграничных культурных проектов.

Варпет из Ванадзора, мастер по изготовлению хачкаров Богдан Оганнисян ежедневно приезжает на велосипеде в свою мастерскую, обучая своему ремеслу местных мальчишек. С воодушевлением он говорил о том, как неделями ходил по залам Эрмитажа, что не отменяема великая русская литература – его любимые Лев Толстой, Александр Куприн, Достоевский, Пушкин... А через несколько кадров этим интонациям подыгрывает на дудуке Каро Сейранян: непривычно и затейливо звучат на древнем армянском инструменте «Подмосковные вечера». Кстати, лучший дудук тот, что вырезан из абрикосового дерева, косточка которого горчит...

Идейная основа фильма – всё-таки показать диалог русской и армянской культур как духовно близких и взаимосвязанных. И что важно – взаимообогащающих. Последние годы размеже-

вания принесли всем нам оскудение культурного, научного, политического поля. И это осознают уже не только люди старшего поколения, которые в 1991 году уже пережили развал СССР, но и совсем молодые ребята, которые протянули руку помощи своим сверстникам из России.

Особенно актуальным создание фильма «У подножия Арарата» стало по причине драматических событий, начавшихся в феврале 2022 года. Когда в Армению уехало около 100 тысяч граждан России. Среди них в основном релоканты, которые были вынуждены покинуть родину, чтобы сохранить свой бизнес, подпавший под западные санкции. Поэтому героями фильма стали и русские дети, влившиеся в армянские классы и вузы, и те молодые профессионалы, которые трудятся вместе со своими армянскими коллегами в различных дизайнерских и IT бюро. Многие из них навсегда останутся в Армении. А кто-то понимает, что жизнь под обильным араратским солнцем, но и в тяжелейших военных обстоятельствах – это период временный, но очень наполняющий их новым опытом, поездками к святым местам, природным красотам, дружбой.

Завершают фильм слова ректора Российско-Армянского (Славянского) университета, доктора экономических наук Эдварда Мартиновича Сандояна, возглавляющего рейтинговый вуз, где русский сектор превышает армянский в три раза. Он говорит о том, что да, наши народы тридцать лет назад разошлись, но только для того, чтобы искать друг к другу новые пути. «Армению нельзя не любить, но можно не знать, – говорит третий ректор университета. Фильм «У подножия Арарата» всё же доказывает, что, может быть, Армению всю знать в силу её трехтысячного существования не получится, зато возможно долгое познание – и это уже путь...

*Владивосток
январь-март, 2024 г.*

ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВНА ОЛЮНИНА (род. в 1974 г.)

Российский журналист, писатель.

Ведущий научный сотрудник Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона им. В.Б. Арцруни.

Главный редактор сетевого СМИ «Наша среда online» (российско-армянские отношения и ценности).

Окончила Сибирскую академию государственной службы (1996), факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1999). Три года училась в Литературном институте им. Горького (семинар прозы Руслана Киреева).

Автор публикаций в “Литературной газете”, “Литературной России”, журналах “Юность”, “День и ночь”, “Театр”, “Дружба народов”, “Собрание” и др.

С 2009 года сотрудничает с рядом ведущих армянских изданий. Корреспондент газеты «Ноев Ковчег» во Владивостоке.

Исследования по армянской истории и культуре в ГА РФ, РГАЛИ.

Лауреат Международного литературного конкурса “Армянские мотивы”.

II-е место в I Международном конкурсе арменоведов им. Н.Я. Марра (учреждён директором ИВ РАУ профессором Гарником Асатрянном и руководителем Росотрудничества в Ереване Вадимом Фефиловым) за монографию «М.Т. Лорис-Меликов. Архивные материалы» (разделила с Александром Акопяном из ИВ РАН).

Исследование «Именем партии «Дашнакцутюн». Архивы А.Ф. Керенского в ГА РФ» отмечено Комиссией II Международного конкурса арменоведов им. Н.Я. Марра и предложен Вадимом Фефиловым к изданию.

В ноябре 2014 года в ереванском издательстве “Оракул” вышла книга “Другой” (издатель Рубен Ишханян).

В ноябре 2018-го в издательстве “Тир” – книга очерков, рассказов и эссе “Армения – Солнце в квадрате”.

В феврале 2022-го в Институте автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона «Чёрные рыбы. Удинский акафист».

В соавторстве с Павлом Джангировым написали три книги:

“ЛЬВЫ МОЛОГИ. По русским следам Александра Таманяна”.

Издательство “ВМВ Принт”, 2019 г.

“ФРУНЗЕ ДОВЛАТЯН. На излёте оттепели”.

Издательство “ВМВ Принт”, 2021 г.

«КАРО АЛАБЯН. Власть факта»

Издательство “ВМВ Принт”, 2022 г.